

ISSN0868-698X

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 29 (191) 1994 г.

Сложная шахматная партия

Удпн 46848

с. 30

DEUTSCHE
STAATSBIBLIOTHEK
BERLIN

Что объединяло
жителей Москвы,

Киева,
Санкт-

Петербурга,
Минска и Риги до
1991 года? Все
они жили в одном
государстве.

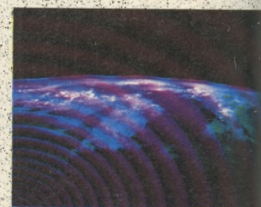

Что объединяет их
сейчас?

Музыка и
новости

международной

спутни-
ковой

радиостанции

"Радио РОКС"!

Москва	103.0 FM
Санкт-Петербург	102.0 FM
Киев	104.0 FM
Минск	102.1 FM
Рига, Юрмала	102.7 FM
Волгоград	103.1 FM
Севастополь	104.5 FM

Новороссийск	102.4 FM
Анапа	100.9 FM
Темрюк	101.7 FM
Геленджик	101.9 FM
Петрозаводск	104.7 FM & 69.4 УКВ
Краснодар	105.2 FM & 68.8 УКВ

Радио РОКС

Международная спутниковая радиостанция

121019, Москва, Новый Арбат, 15 Тел. (094) 118-81-11 Факс (095) 118-09-74

В НОМЕРЕ

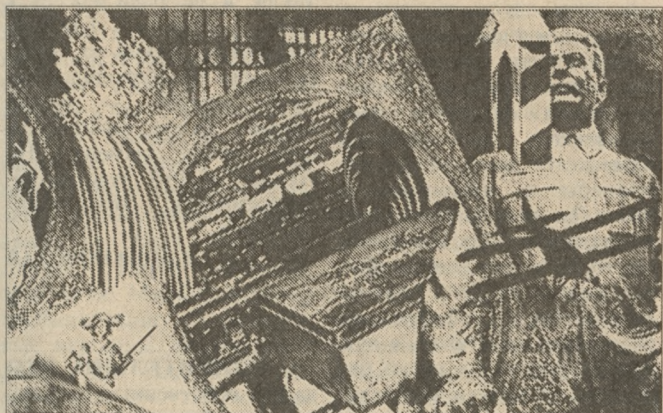
4 Кирилл КНИЖКИН:

Чудом сохранившиеся памятники книжной культуры вызывают о спасении. Со строительством отелей, банков и офисов можно подождать. С новым зданием для драгоценных книг ждать нельзя.

34 Владимир ВОРОНОВ:

Сами себя они предпочитают именовать «охотниками за кладами» или «джентльменами удачи». Но, как ни называй их, они все равно останутся просто грабителями.

18 Марк ДЕЙЧ:

До сих пор, как бы это ни показалось странным, история вывоза Советским Союзом из послевоенной Германии материальных и художественных ценностей окружена непроницаемой завесой секретности. Почему?

Реконструкция, о которой так много говорили
Эдуард Кудрявицкий
(фото), Кирилл Книжкин 4

Политика

Самая интересная женщина в России
Леонид Радзиховский 8

Роли исполняют...
Николай Троицкий 11

Едва живой российский флот
Владимир Марюха 12

И со стапелей сходили недостроенные корабли
Николай Амелько 14

Все войны заканчиваются миром

Интервью с генерал-полковником Валерием Патрикеевым, командующим коллективными миротворческими силами в Республике Таджикистан 17

Подписано Сталиным
Марк Дейч 18

Экономика

Государство «убирает» конкурентов?
Андрей Меликов-Колчак 24

Жизнь

Пир после чумы
Алексей Митрофанов 27

Битва Льва с Единорогом
Алексей Беляков 30

Человек из другой страны или просто — Дейв
Анна Иноземцева 33

Мародеры истории
Владимир Воронov, Алексей Лобанов 34

Брижит Бардо — добыча для пирата
Екатерина Гончаренко 37

Смерть ходила за ним по пятам
Ксения Климова 38

Такой футбол нам не нужен
Максим Володин 41

Человек без имени
Сергей Толкачев 43

Культура

Гармонично развитый Юрий Рост
Маша Топаз 48

Дворик, который был четвергом
Николай Малинин 52

Не верьте пехоте, когда она бравые песни поет
Алексей Дидуров 56

Рассказы
Симон Кармихелт 60

Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская 63

Собрание сочинений
Игорь Иртеньев «Passio-Nuova» 63

Размышления на выставке
Эрика Булатова в Нью-Йорке 64

Инесса Левкова-Ламм 64

Письма 2

Цитатник 22

С миру по нитке 46

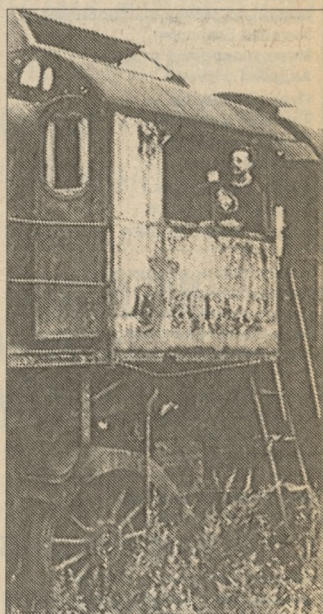
Дневник И. 54

На 1-й странице обложки фото ИТАР—ТАСС, дизайн С.Стыриковича

56 Алексей ДИДУРОВ:

Оружие было шести- или семизарядным. Называлась гитара. Армия называлась — КСП. Клуб Самодетельной Песни.

48 Маша ТОПАЗ:

...За долгие годы у нашего читателя выработалось привычное недоверие к газетному слову, отчасти поэтому Ю.Рост стал снимать своих героев на пленку. «Зрительный образ был аргументом, что я не вру», — объяснял он...

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4,
Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:
Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Консуэло Сегура, Петр Смирнов,
Владислав Старчевский
Коммерческий директор:
Юрий Бычков
Директор издательства:
Борис Рабкин
Ответственный секретарь:
Анатолий Остроухов
Отдел общественно-политической жизни:
Александр Касатов
Отдел экономики и науки:
Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем:
Николай Бахрошин
Международный отдел:
Андрей Голубов
Отдел искусств:
Татьяна Савицкая
Отдел литературы:
Дмитрий Быков
Отдел репортажа:
Владимир Грибанов
Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 15.07.1994 г.
Тираж 87 000
Цена договорная

Над номером работали:
К.Сегура, Г.Подгурская,
Р.Катеева

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905-г, д.7.
Зак. 1838

Москвичи о столице

ХОТЕЛОСЬ БЫ ПОГОВОРИТЬ о состоянии нашего города, который мы все любим.

Прошедшая зима (еще одна!) была для нас всех тяжким испытанием: падения, переломы, сплошная ледяная корка тротуаров, снежные заносы в виде баррикад и бастилий... Брать их приступом могли далеко не все.

Настоящие московские дворники давно ушли в предание, но живы и себя прекрасно чувствуют московские РЭУ, получающие немалые деньги. Причем регулярно, без задержки. А собственно, почему? Почему бы не спросить с них за невыполненную работу? Почему не поставить вопрос таким образом: опасно ходить по территории РЭУ, грязно — зарплаты нет, не говоря уже о премии.

Тогда, думается, найдутся и дворники, и лопаты, и песок. Или же сами работники РЭУ во главе с начальником пусть выходят убирать снег, грязь. При сидячей работе это даже полезно.

В.ЛАПШИН

МОСКВУ ОЧИЩАЮТ от уличных ларьков, не имеющих лицензии. Абсолютно правильно. Однако мне кажется, здесь, как и во всем остальном, нельзя подходить ко всем продавцам одинаково.

Приведу один только пример: Возле метро «Таганская-кольцевая» была палатка, торгующая свежим хлебом, и булочки здесь были чудесные, и сэндвичи. Женщины всей округи торопились к привозу хлеба, чтобы обеспечить им семью. Этот необычный хлеб, в отличие от продаваемого в булочных, мог долго оставаться свежим и не плесневеть, не говоря уж о замечательном его вкусе. Говорили даже, что хлеб

экологически чист.

Палатку закрыли, больше она не торгует и смотрит на грустных покупателей черными ставнями. Наверное, для этого были основания. Но все же дифференцированный подход к торговле необходим, иначе опять все будет по нашему излюбленному принципу: «Лес рубят, щепки летят».

В.УВАРОВА

НЕТ ПРОХОДА В МОСКВЕ от гадалок, обещающих всю чистую правду рассказать. В столичных переходах, в метро, а в основном — на вокзалах, особенно, на Киевском. Здесь давно уже настоящий табор, и цыганские босые и немые дети бегают толпами по Арбату, Смоленской площади и по всей округе, приставая к иностранцам и надоедая прохожим криками и просьбами подать на пропитание.

Только в телевизионных сериалах нас потрясают классическими образами честных, мужественных и работающих цыган. В повседневности буден мы боимся их, шарахаемся от них, зная, как ловко и умело крадут они деньги и драгоценности.

Рядом со сладко воркующими о будущей жизни гадалками спокойно прогуливаются на площади Киевского вокзала милиционеры с дубинками у пояса. То ли делают вид, что не замечают происходящего, то ли у них совсем другие задачи, то ли в Москве совершенно официально разрешено приставать к людям и грабить их среди бела дня... И длится это годами, особенно осложняясь весной и летом.

Может быть, стоит пойти погадать у цыганки, сколько это будет продолжаться?.. Если власти не знают ответа.

С.КОЗЛОВА

В 24-М НОМЕРЕ «СТОЛИЦЫ» интересное интервью с Садальским. Актер говорит: «Жалко, что правительство не понимает того, что искусство надо поддерживать во все времена, а особенно в тяжелые». Прислушайтесь к этим словам артиста!

После большого перерыва попала я недавно в театр на Малой Бронной и ахнула. Он выглядит как погибающий, стоящий на грани катастрофы, и думаю, не он один. Исчезли ковровые дорожки и часть кресел. В плачевном состоянии полы, голые стены. И только киоск внизу с книгами и украшениями да множество продающихся журналов Жванецкого (почему?) вносят довольно неприятное разнообразие в унылую и подавленную атмосферу. Пропало театральное ощущение праздника, радостная приподнятость, которая всегда раньше возникала уже в фойе и не покидала до самого конца.

...А актеры играли прекрасно, и их вызывали неоднократно те немногочисленные, но благодарные зрители, все же пришедшие сюда ради спектакля, а не ради кресел в фойе. Однако грустное ощущение какой-то разоренности не проходило. Понятие «театр» — многомерное, емкое, включает в себя разные элементы. Но только не это чувство неустроенности театрально-го бытия.

И.ЛОБАНОВСКАЯ

УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО даже собственные страшные ошибки нас ничему не учат. Смертоносным обלאком прошел над страной черныбыльский взрыв, а мы продолжаем спокойно наблюдать, как в Москве работают без малого 50 атомных реакторов, большая часть которых се-

годня — в аварийном состоянии.

Институт Курчатова, или, как его называют работающие там, «треугольник смерти», способен, одним пожаром одного реактора уничтожить не только всю Москву и область, но и загрязнить без того уже отравленные близлежащие территории.

А на что рассчитывает правительство? На убежища? Предположим, там можно спастись, выжить, да вот беда: руководить-то потом будет некем, а срок очищения земли после атомного загрязнения — сто лет. Но голодать целый век не рекомендовал даже доктор Брэгг. Не верите — можете перечитать его советы.

С. КРУГЛИКОВ

ДОМ № 9, ЧТО ПО СУЩЕВСКОЙ УЛИЦЕ, стоит в одном из самых шумных мест столицы и выходит углом на площадь, где находится метро «Новослободская».

Раньше здесь была конечная остановка многочисленных автобусов, а сейчас местные власти обнесли площадку железобетонным забором и устроили здесь свалку.

Я долгие годы прожил в одной из коммуналок этого дома, сейчас (слава Богу) живу в отдельной квартире, но душой привязан к своим бывшим соседям, добрым друзьям и часто навещаю их. Это — Валентина Александровна Ленева, военная переводчица, тридцать пять лет проработавшая в рядах армии, и Ольга Ивановна Ливчак, вдова ветерана трех войн. Милые, добрые, необыкновенно деликатные женщины, столько сделавшие для России, не обласканные вниманием прежней власти, они так и продолжают жить в советских трущобах (дом — постройки 1908 года, со дня заселения не было капитального ремонта).

Обе они почти перестали выходить на улицу, обе болеют... Жизнь родного го-

рода видят только из окна, выходящего на площадь, превращенную в жуткую свалку. Открыть окно нельзя: с площади несет зловонием. Рядом находится столовая, отходы из которой под покровом темноты сбрасывают в общую кучу. Вечером на свалке «гуляет» огромное количество крыс.

Я с большим уважением отношусь к мэру нашего города, ибо вижу, как много хорошего он старается сделать для Москвы. Поэтому обращаюсь к нему через журнал «Столица». Помогите прекратить безобразия у станции метро «Новослободская»! Дайте возможность жителям хотя бы открыть окна своих коммуналок, где жизнь проходит без элементарных удобств, без горячей воды, в нищете, к которой их привела Советская власть, к нашей радости, скоропостижно скончавшаяся.

С. БАЖЕНОВ

НАДОЕЛО БЕЗ КОНЦА СЛУШАТЬ ТВ, вещающее с досадной уверенностью, что число нищих все растет и растет.

Растет, если судить по количеству стоящих с протянутой ладонью в переходах и в метро. И отсутствует, если полюбоваться утром на очередь возле магазина фирмы «Ле Монти».

И не нужно ничего сопоставлять и доказывать. Зайдите в ГУМ, пройдитесь по Елисеевскому, посетите «Макдоналдс»... О какой нищете идет речь? Ну пересчитайте иномарки на вашей улице. Не убеждает?

Правильнее сейчас отметить быстро увеличивающийся разрыв между высоким и низким уровнями жизни, вымывание так называемого среднего слоя, который преобладал раньше. Это действительно новое явление, но не нищета.

Г. ПАВЛОВИЧ

ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА

Уважаемые
МОСКОВСКИЕ
читатели

«СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность приехать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас на второе полугодие 1994 года по льготной цене:

**СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ
на один месяц
1000 рублей.**

**Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.**

**Справки по телефону:
928-10-34**

Реконструкция,

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

о которой так много говорили...

Кирилл КНИЖКИН
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

В 1988 году из аварийного Дома Пашкова были выселены библиотечные подразделения. Реконструкция «Ленинки» началась. Люди и книги уплотнились в новом здании. Работа не прекращалась. Менялось лишь название библиотеки и ее руководство. Зима 1993—1994 гг. показала: промедление смерти подобно — трубы лопались трижды. Пострадали фонды и помещения центрально-справочной службы. Угроза нависла и

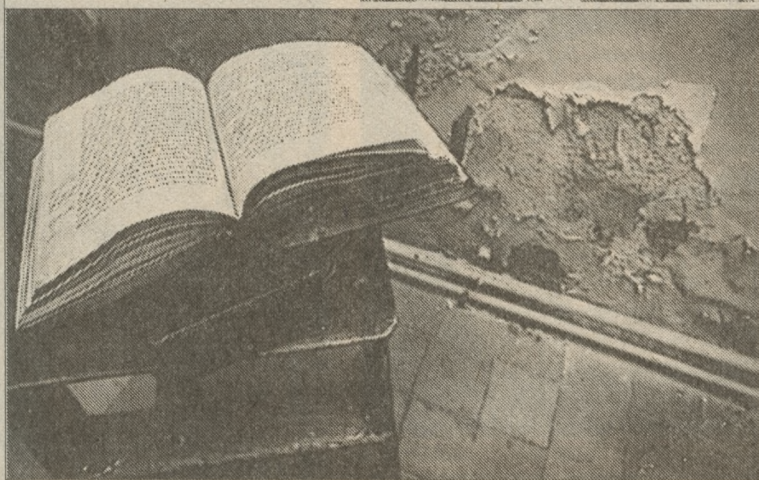
над другими отделами. Нашли радикальный способ: в аварийную часть здания тепло не подавать. В читальных залах температура упала до + 4° С. Под нажимом администрации они продолжали работать. Сотрудники — выполнять свои обязанности.

Трагедия отдела рукописей

После переезда в 1988 году фондов отдела рукописей из комплекса

зданий Дома Пашкова самые ценные рукописные памятники русской письменности и иностранные рукописные книги были размещены в бывшем здании склада типографии. Этот склад в три этажа с железобетонными перекрытиями нынче подвергся жесточайшему испытанию: подземные воды, изменившие свое течение после строительства метро «Боровицкая», стали просачиваться, поднимаясь по стенам и принося в

хранение рукописных книг грибок и плесень.

Рядом со складом, стоящим около выхода из метро во внутреннем дворе библиотеки идет реставрация Пашкова Дома. Вокруг хранилища

книг навалены груды строительного мусора, обломки обветшавших зданий, которые сносятся, чтобы освободить территорию. Место, где хранятся рукописи, еще несколько лет будет окружено стройкой, а читаль-

ный зал, который и прежде вмещал всего шесть человек, теперь и вовсе стал недоступен для ученых-исследователей. Необходимо срочное решение проблемы — эвакуация в безопасное, приспособленное помещение рукописных книг. Но, видимо, и это уже невозможно — пути эвакуации заняты строительным мусором, остатками разрушенных зданий. Покойный профессор В.Я.Дерягин, заведующий отделом рукописей, делал все, чтобы не допустить катастрофы — гибели фондов. Но он не выдержал: умер от сердечного приступа. А катастрофа как грозная туча висит над книгами, кото-

рые пережили пять или более веков, множество войн, революций. Но перенесут ли они нынешнюю стройку за влажной стеной?

Тайны святого Климента

На это здание обращает внимание каждый, кто идет по Пятницкой улице: пятиглавый храм Климента. В 1938 году храм закрыли, а здание передали «Ленинке». Сюда стали поступать дубликаты книг — в основном из частных библиотек, ликвидированных учебных заведений. После войны привезли книги из Германии. Здесь хранится два миллиона томов ценнейшей литературы. В пространство храма встроено пять деревянных ярусов. Последний освобожден от книг — он в аварийном состоянии.

Все это называется — обменно-резервный фонд. Там можно встретить книги с экслибрисами графа Воронцова, К.И. Невоструева, из библиотеки Троице-

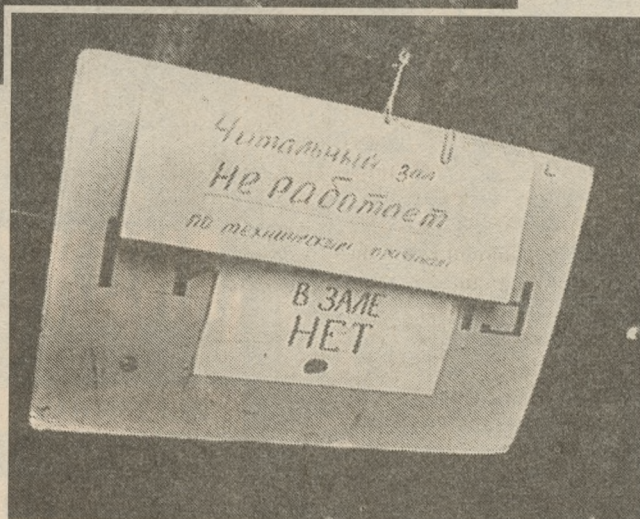

Сергиевой лавры. Экземпляры Истории Российской князя Щербатова лежат невостребованными, упрятыми от нескольких поколений россиян. Иностранная литература XVII—XX веков заполняет целые ряды полок. Это и журналы прошлого века, и книги о путешествиях, и французские романы.

В обменно-резервный фонд попадала и «политически неактуальная», «устаревшая» литература. Но времена меняются, и что так долго изгонялось, вытравлялось, стало разрешено. Хорошо что хотя бы здесь все же сохранились и вероучительные книги, и исторические хроники.

Весь фонд описан. Раньше каждая библиотека могла по каталогу получить любую книгу бесплатно, поэтому фондом пользовались и университетские, и областные, и академические библиотеки. Движение фонда иногда составляло две сотни тысяч томов в год. Теперь все — только за деньги. И немалые.

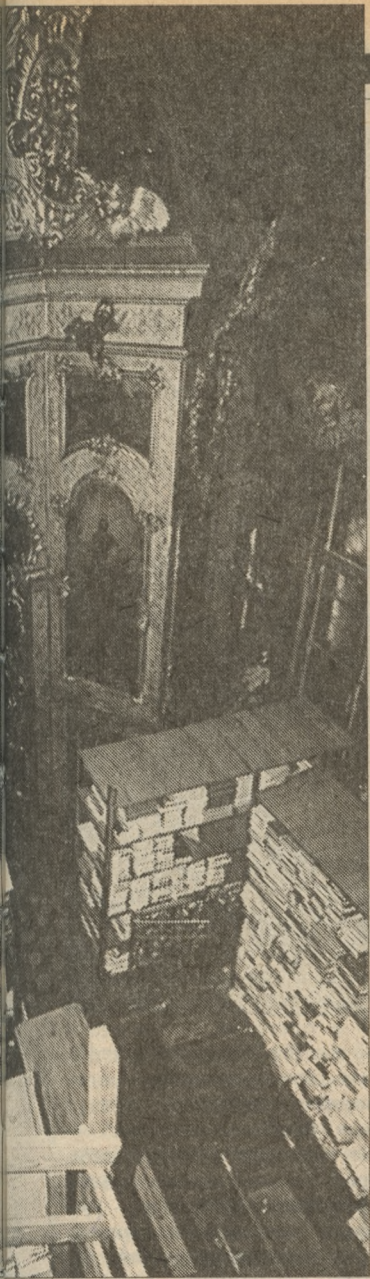
Штат сотрудников отдела — всего двадцать человек. Есть специалисты со знанием иностранных языков: латинского, гречес-

кого и современных западноевропейских. Кабинет начальника под колокольней. На иконостасе сидят голуби.

Мы поднимаемся по широкой лестнице на хоры — здесь журналы советского времени: по физике, технике, библиографии. Все

переплетено, уложено ровными стопками с ярлычками-шифрами.

Отсюда, из резервного фонда, в основное хранение поставляются вместо утерянных, ветхих и просто украденных книг сохраненные здесь экземпляры.

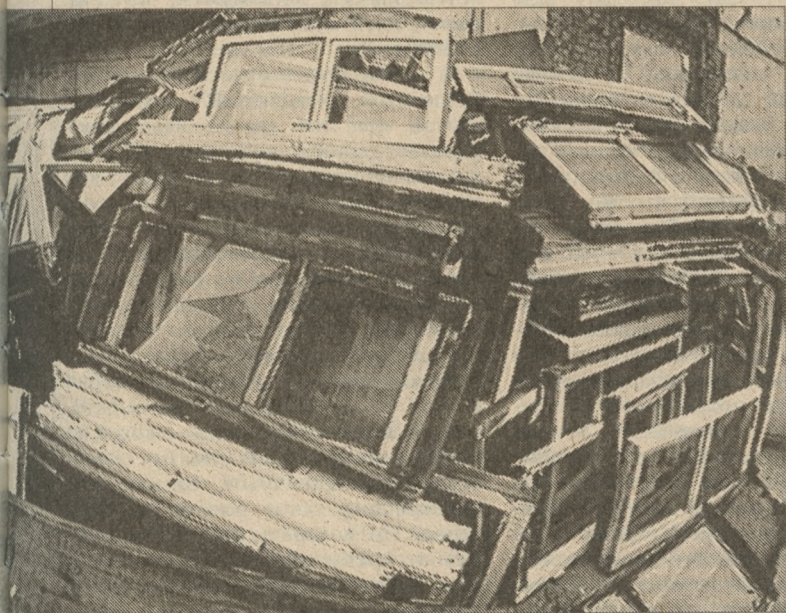
Бесценные национальные сокровища не могут подвергаться таким опасностям. Всем ясно — они должны находиться в достойном помещении. Почему для рукописей К.Маркса, В.И.Ленина построены дворцы-хранилища, а для первых русских книг их нет? Чудом сохранившиеся памятники книжной культуры взывают о спасении. Со строительством отелей, банков и офисов можно подождать. С новым зданием для драгоценных книг ждать нельзя. «Тихая» катастрофа разразилась. Если ситуация коренным образом не изменится, мир лишится удивительного, драгоцен-

нейшего собрания. И это будет нашим общим грехом и наказанием.

Авторы выражают искреннюю благодарность за

любезную помощь в фотосъемках заместителю директора РГБ ЕРШОВОЙ Татьяне Викторовне.

Самая интересная женщина в России

А если это так, то что есть
красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
Н.Заболоцкий

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Нет, не все сосуды, с которыми сталкивается глаз, пусты. Но такого странного огня — холодного, голубого, не поддающегося ветру, спешащего сжечь свой фитилек, но неопасного для других, неистового, огня, который даже не разгорался, а вспыхнул во всю мочь сразу и ни от чего, — такого сегодня в Москве больше нет. Говорят, бывали такие огни в усадьбах и на чердаках, в мансардах и каморках XIX века, когда электричество было еще в новинку, и даже в начале XX века — до ленинской электрификации России, словом. Может быть — Верочка Засулич и Вера Фигнер, Перовская, Рейснер и даже Марина Ивановна Цветаева... Может быть, может быть... А может и не быть — не имело чести лично знать, по книгам судить не берусь.

Говорят, навалом было таких в средние века. Помнят-то в основном мужчин — Гус, скажем, или Бруно. И даже символ их мужского пола — Дон Кихот. Но самая великая все-таки женщина — Жанна. Жанна — на все времена, отныне и навсегда!

«Жанна. А разве сейчас время для терпения? Враг у наших ворот, а мы

стоим, опустив руки, и ничего не делаем. Ах, да почему же ты не сражаешься?.. Послушай, я освобожу тебя от страха! Я...». Ух, не хотел бы я встретиться с ней! Я не хочу, чтобы меня освобождали от страха — куда ж я без него, как без него ходить стану, что от меня останется? Ее назвали ведьмой и сожгли — и правильно сделали, только так мы (ведь обычных людей, трусов — большинство, процентов эдак 99,999) могли от нее защититься. Ее сожгли — и правильно сделали, конечно. Но нас все равно тянет к таким, как она, как тянет к огню, даже к такому, который не греет, даже к такому, который не светит (потому что нам, мирным обывателям, вообще мало что светит). Нас к таким, а они — что они были бы без нас? Мы две породы обезьян, но мы и две стороны медали. Мы любим про них читать, смотреть, иногда даже общаться. Они раздражают нас, мы раздражаем их. Но у нас есть потребность раздражаться, у них — раздражать. Мы их презираем и уважаем, они экономнее: они нас только презирают (ну, иногда еще жалеют, обычно очень абстрактно, «вообще»). Чаще они нас спасают, а мы от них спасаемся. Они всегда проигрывают, особенно когда выигрывают — ведь победи-

тель, известно, не получает ничего, если не становится мародером.

Предисловие затянулось, но я писал его в надежде, что вы, читатель, уже вычислили, о ком речь. А теперь вынужден назвать: **В.И.Новодворская, 1950 г.р., русская, судимая, многократно привлекавшаяся к административной ответственности, не замужем, детей не имеет, член и основатель партии ДС с 1988 г.**

Я долгое время относился к ней с глуповатой (защитной?) иронией, считал, что «все это» — игра, самореклама, «стеб», «штучки». Но вот прочел ее книгу «По ту сторону отчаяния». Если бы так претенциозно назвал (посмел назвать!) свою книгу любой другой политик, кроме злого смеха это бы ничего не вызвало. Какое у них отчаяние? Разве что если «мерседес» угнали, да и то — налогоплательщики новый оплатят...

Новодворской я поверил. Поверил и в то, что ее маска, ее поза, ее экстремизм и восторженность — вовсе не маска и не поза. Нам (мне!) усталым, беспомощно-циничным, ни во что не верящим, такое понять не дано, верно. Но поверить, что другой может это испытывать, — в это поверить по отношению к Новодворской я могу.

И восторженные (не хуже, чем у самой Новодворской) сравнения, в том числе с Жанной д'Арк, не кажутся смешными, если ей верить. Она не виновата, что ее не сожгли, — виновато время. Палачи сейчас не верят — ни в серьезность своих жертв, ни в серьезность свою собственную. И никакие они, понятно, не «палачи» — что там еще за опера! Лера Новодворская из другой эпохи, но преодолеть свое время, прорваться сквозь его толстый клей она не смогла, так и застыла в прыжке. Прыжке в никуда.

О ее книге трудно писать — она сама в ней все написала. Приходится цитировать. «В чем каяться? В бесполезно и недостойно прожитой жизни. А если это так не по моей вине, то это опять-таки мои трудности... я не хочу быть героем этого времени». Ваше желание, Лера, удовлетворено а priori: у этого времени совсем другие герои, и Вы это тоже прекрасно знаете.

Да, о времени, стране, тщете своих героических усилий, своего самопожертвования она все сказала очень четко.

«Теперь до меня доходит, что конфликт между мной и эпохой заключался отнюдь не в том, что я была человеком Запада, а все остальное принадлежало советской действительности и тяготело к большевизму, а как раз в том, что я была законченной большевичкой, а так называемая застойная действительность — сытая, вялая, более частная, чем общественная, тяготела к Западу гораздо больше, чем я». Да уж, конечно — кто симпатичнее для западных буржуев: «безумная Лера» или советские номенклатурные буржуи? Вопрос на засыпку... Они вполне охотно (хотя, конечно, не без презрения к «дикарям») общались с брежневской номенклатурой, а если искали ритуальные стоны об «инакомыслящих», то ведь и ЦК КПСС сильно радел о правах народов Африки. Но уж во всяком случае, если секретарь обкома для западного сенатора был чем-то довольно диким, то истовый диссидент казался ему куда более опасным сумасшедшим. С секретарем обкома все-таки можно делать бизнес, с честным диссидентом — никогда.

Во имя чего жила Новодворская? Во имя борьбы с КПСС.

Во имя чего она боролась? Во имя того, чтобы сытый, равнодушный конформизм КПСС, сбросив старую, рваную ветошь «коммунистической идеологии», открыто, без всякого прикрытия стал идеологией нашего «буржуазного» общества. Это — в идейном плане. А в социальном и то-

Лере 3 года

го лучше: во имя того, чтобы освобожденная номенклатура и стала новой буржуазией.

За что боролись — на то и напоролись. И это Новодворская отлично понимает.

«Я всегда предпочту самого последнего коммунистического фанатика самому милейшему интересу-обывателю. Ибо можно переубедить и сделать антисоветчиками и Павку Корчагина, и тимуровцев, и молодогвардейцев, но я не берусь ничего доказать брокеру с приличным доходом в свободно конвертируемой «капусте», ибо в его системе координат нет ни «жизни за царя», ни жизни за республику, а есть просто жизнь — нейтральная и неприсоединившаяся, как девица с панели».

И вот за торжество этой его «просто жизни» Новодворская жертвовала своей жизнью?! Жизнь за республику... брокеров!

Ирония истории, ирония жизни. Она это ясно видит, остроту этой злой насмешки ничем не смягчает. Отсюда — «По ту сторону отчаяния».

20 лет отчаянной борьбы, с тюрьмами, психушками, голодовками, борьбы — с ветряными мельницами. А мельники тем временем мурлычат себе под нос... нет, не «вихри враждебные» — «а нам все равно», вот что... и намолачивают мешок за мешком... Бескорыстная война за торжество чужой, враждебной корысти. И это она ясно понимает: «Нашим нынешним хозяевам не нужна наша жизнь. Им нужен наш кошелек. Ну что ж, налицо общественный прогресс. «Говорят, что все наместники — воруги, но воруги мне милей, чем кровопийцы». О великий провокатор Бродский!.. Воруги —

это уже лучше». Мне, как и Бродскому, и Новодворской, воруги, понятное дело, куда милей. Но — чтобы за их право спокойно, эшелонами воровать, мне отсиживать в ихних психушках, проводить сухие голодовки, сто раз идти на самоубийство?!

Конечно же, Новодворская делала все это не ради них. А — ради кого, чего?

Революции затевают гении, осуществляют герои, а результатами пользуются мошенники. Это сказано давно, про героические буржуазные революции XIX века. Но наша эрзац-революция была так уж изначально жалка и смешна... Что в ней делать человеку с героическим темпераментом Новодворской?

Да, конечно же, Лера все это делала — как бы себя ни убеждала, какие бы слова ни говорила — не ради буржуев и не ради идей, только ради себя, ради огня, который неизвестно кто в ней зажжет, зажжет в каких-то ее генах, огня, который искал и не находил более адекватного выхода. Как нормального, порядочного человека, ее раздражала тупая коммунистическая ложь. Как безумный эгоцентрист-экстремист, не знающий страха и нуждающийся в «пограничной ситуации» (между жизнью и смертью), она искала огонь, в котором могла бы сгорать и жить, жить «на краю», жить единственно возможным для себя способом. Из сочетания первого и второго и возник ее «антикоммунизм», ее, странно даже сказать, «буржуазно-демократические» убеждения. Убеждения, за которые она боролась совсем уж «не буржуазно». Партия, КГБ стали ее горами, ее «пиком коммунизма», на который она, сладостно, мучительно, болезненно, обдирая руки и рискуя жизнью, восходила, чтобы «попрать ногами» и водрузить свое знамя. Знамя, на котором написано... Что? «Свобода, равенство, братство»? Нет, это не она. «Родина или смерть!» Это Фидель. «Пролетарии всех стран...». Тьфу, ты, дьявол... «Сытость прежде всего»? Ну уж это — извините... Значит, на знамени ничего не напишешь. Знамя просто белое, как *tabula rasa*. Белое знамя.

*Но поражения от победы,
Ты сам не должен отличать.*

Как отличить, когда в такой победе уже изначально записано и видно поражение. Поражение, к которому рвешься всей душой... Поражение, до которого еще надо дорасти.

Окончательное поражение наступило сразу, 22 августа 91-го. Борьба стало по-настоящему не с кем —

больше никто не хватал за шиворот и не тащил в кутузку. Демсоюз мог пойти или по линии «непримиримой оппозиции» — Юрий Власов, Челноков и К^О и бороться с «временным оккупационным режимом» или распасться. Чувство вкуса и порядочности и — как это ни странно! — здравый смысл, в чем-то весьма присутствующий Новодворской, не позволили ей избрать первый путь. ДС пошел по второму пути. Борцы без врагов разбежались, стало скучно. Конечно, она сама продолжает яростно бороться — с красно-коричневыми, с армией, с самим русским менталитетом, — но это уже молотья кулаками по воздуху, точки отталкивания нет. Это тоже трагедия.

И еще одна мысль не оставляла меня, пока я читал книгу Новодворской. Бесстрашный, эгоцентричный экстремист. Почему же ни она, ни ее «народники», столько раз призывая к царевубийству, так ни разу и не пролили чужую кровь? Ни Верочка Засулич, ни Верочка Фигнер, ни Жанна перед этим не останавливались. Лера — остановилась. История

ДС 1988—1991 гг. точно напоминала историю «Народной воли» — до известной кровавой черты.

Новодворская прищипывала свою команду, они рвали поводья, кричали «убей тирана!» («Переступив закон, гласящий, что жизнь человека — святая, Горбачев сам поставил себя вне этого закона... кремлевские палачи (должны)... пасть от руки участников антифашистского Сопротивления...») Казалось, один шаг, один выстрел — и начнется «дурная бесконечность» террора, как в 60—80-е годы прошлого века и в начале этого. Выстрел — поимка — расстрел — новый выстрел... и так до Революции. Но... Ничего подобного не произошло. Ни один «юноша бледный, со взором горящим» на это не пошел, а война с властью стала холодной войной, только психологической, словесной, как пишет Лера, — «странной войной». Чтобы война осталась бескровной, но не стала фарсом, в ней надо все время все время рисковать своей жизнью, но никогда — чужой. Леру удерживала высокая порядочность и историческая память, но что,

собственно, удерживало всех ее сторонников, среди которых — да простят они мне — и впрямь было немало и... нездоровых, и... Ну, словом, видно, всякие там были, иначе ведь и быть не могло — единственная оппозиционная организация в стране.

Нет, видно, причина тут некая общая — изменение атмосферы в России. «А в наши дни и воздух пахнет кровью, окно открыть, что жилы отворить». Нет, больше (после 5.3.1953) не пахнет. Россия террористическая как-то незаметно закончилась, началась Россия вегетарианская...

Не знаю, примет ли Лера (надеюсь, она позволит так себя назвать?) подобное объяснение в... нет, не в любви, конечно, но в восхищении, в глубоком уважении. Если бы у нее была внешность Беназир Бхутто, она свела бы своим неистовством с ума всю Россию и, пожалуй, стала бы президентом... республики воришек и трусишек. Но ее эта чаша миновала. Ее жребий — достойнее.

«У нее осталось — «умри»

Валерия Ильинична Новодворская разразилась большой статьей об эмигрантах («Эмигрант — это банкрот», газета «Иностранец», № 2, 1994 год).

Лично я, будучи эмигрантом, Валерию Ильиничну уважаю. Еще совсем девочкой, лет семнадцати, она на каком-то съезде или пленуме родной партии сумела распространить свои прокламации. За что и поплатилась — побывав, и неоднократно, в дурдоме по решению партии и органов. Сейчас Валерия Новодворская возглавляет Демсоюз.

Досталось в ее статье многим: князю Курбскому, части Белой Армии, которая погрузилась и отплыла в Константинополь, почти всей эмигрантской литературе первой волны, генералу Власову, а также А.Зиновьеву, Синявскому, Максимова, Солженицыну, Буковскому и всей эмиграции после 1991 года, которая является просто саранчой, по ее словам. Если коротко передать суть статьи, то Валерия Новодворская совершенно точно знает, что только смерть в борьбе за Россию и идеалы Демократического Союза является достойным концом жизни. А те, кто на это не идут, — крысы. Протоплазма. «1/6 часть суши была заселена беспозвоночной протоплазмой. Эмиграция — это тоже процесс миграции протоплазмы... Так называемые экономические эмигранты — это трутни». И так далее.

Уважаемая Валерия Ильинична! Можете Вы допустить, что обычные люди, которые уехали или собираются уехать, — совсем не борцы, они не умеют и не хотят умирать на баррикадах ни за какие идеи, а уж с безыдейных — что взять? Тем более что Вы сами говорите: «В России, того гляди, начнут или стрелять, или вешать». Да потом, и в Декларации прав человека, которую всегда читали диссиденты, так прямо и написано: «Каждый человек имеет право покидать свою страну и право возвращаться в нее». Ведь так и Америку, и Австралию можно записать в страны трутней и протоплазмы — они состоят сплошь из эмигрантов. Вот Вы пишете, что Солженицын, когда его лишили гражданства и везли в самолете на Запад, не бил стекла. Обидно мне за Александра Исаевича. Ну, допустим, выбил бы он стекло иллюминатора и выбросился вниз. Так не написал бы «Красного колеса». А если бы Максимов пошел пешком назад, на Родину, под автоматные очереди пограничников, когда его лишили гражданства, не было бы «Континента». Для Вас лучшим примером «честного банкрота» является поэт Илья Габай,

покончивший с собой, или Анатолий Марченко, которого большевики dokonали в лагере. Каждый, на мой взгляд, сам выбирает себе путь в жизни. Неужели мало того, что Советская власть уничтожила миллионы? Или это тоже была протоплазма, миллионы наших сограждан?

Ладно, я маленький человек, но вот Вы к Владимиру Буковскому имеете претензии: «Он хвастался тем, что у него в Англии хороший дом, и сад, и колбасы, сигарет и мыла навалом, а Россия пусть пропадет, если не может бороться».

Я послал Буковскому копию статьи, знаете, что он ответил?

«...Право же, мне абсолютно наплевать, что она думает. Наш старый принцип — «умри, но дело сделай» — она поняла посвоему, и у нее осталось — «умри». Зачем, ради чего? Это ее не интересует. Марченко, между прочим, отлично понимал, зачем умер — благодаря его смерти прекратилась горбачевская «гнуловка» и политзеков стали освобождать без требования писать просьбу о помиловании и отказа от «антиобщественной деятельности». Да и смерть его была, скорее, случайностью (уж точно не самоубийством). Точно никто не знает, но я подозреваю, что ему по ошибке вбухали питательную смесь в легкое при искусственном кормлении. Мне так однажды тоже вбухали в 35-й зоне, но я выжил, поскольку был тогда много моложе и здоровее Толи.

Любопытно, что все рассуждения Новодворской только подтверждают правильность моего отказа от российского гражданства: она ведь это последнее понимает как страстную ночь с неперменной смертью наутро, а не как «общественный контракт». Легко понять, какое государство только и может возникнуть при таком подходе к гражданству. У нее гражданин — как трутень у пчел — должен взлететь с маткой в небо и, слившись в экстазе, умереть. А гражданин должен быть рабочей пчелой, что трудится на благо своего улья и пользуется его теплом. И пока так не будет, ничего путного нельзя ждать и в России.

Ну да что говорить. Ее дело не статьи писать, а ломать лбом омовские дубинки»...

Мне добавить к этому нечего.

С уважением,
Вячеслав СЫСОЕВ

Берлин, 1994

Роли исполняют...

Спектакль провалился. Премьера на самом деле оказалась возобновлением полузабытого репертуара Верховного Совета. Хотя труппа заметно обновилась, солировали в новой постановке прежние звезды. Правда, к ним добавились способные дебютанты из «студии» ЛДПР-ПЖ. Но сыграли они знакомый сюжет без вдохновения. Не тот нынче законодательный театр, зрителей поубавилось, нет прямой трансляции. А главное — сменился режиссер.

Ельцин, как Станиславский, «умер» в актерах из парламента. Он может не сомневаться: они лишнего не сыграют. Мало того, без президента им просто негде будет играть. Худрук из Кремля не только выстраивает мизансцены. Ему принадлежит все — сцена, бутафория, реквизит, право назначать гастролы, формировать репертуар.

Зданием бывшего Госплана в Охотном ряду, где нынче расположилась Дума, мебелью, аппаратурой, коврами, дверными ручками, гвоздями, окладами, надбавками, льготами, привилегиями — буквально всем распоряжается отнюдь не парламентское руководство, не «благородный отец» Иван Рыбкин, не «рабочие сцены» из думского аппарата, а могущественное Управление делами президента РФ и чиновники из его социально-экономического отдела. И депутаты — не хозяева своих апартаментов, а гости, которым пока ни в чем не отказывают, но терпят лишь до тех пор, пока они ведут себя прилично.

Конечно, гостям-арендаторам из законодательного корпуса может показаться, что они тоже хозяева: ведь они утверждают бюджет, из которого их затем финансируют. Но и это — иллюзия. Начеку строгий и бдительный «помощник режиссера» — правительство РФ, которое никогда не позволит выделить ни одной лишней бюджетной копейки сверх разрешенного президентом.

Возможно, думским законодателям не нравится такое «разделение властей», тем более что в Конституции говорится несколько о другом распределении ролей. Но реальность — штука посильней конституций. Дума фактически ничего не решает и ни на что не влияет. Она может заупрямиться, даже иной раз принять зубодробительное постановление, да только исполнительная (и единственная реальная) власть не обратит на эти законодательные «вольности» и импровизации никакого внимания. Дума, например, «зарубила» программу послеваучерной приватизации.

Николай ТРОИЦКИЙ

К закрытию сезона Государственная Дума приготовила премьеру: разыграла сценку под названием «попытка включения в повестку дня вопроса о недоверии правительству».

Ну и что? Президент ввел программу в действие своим указом.

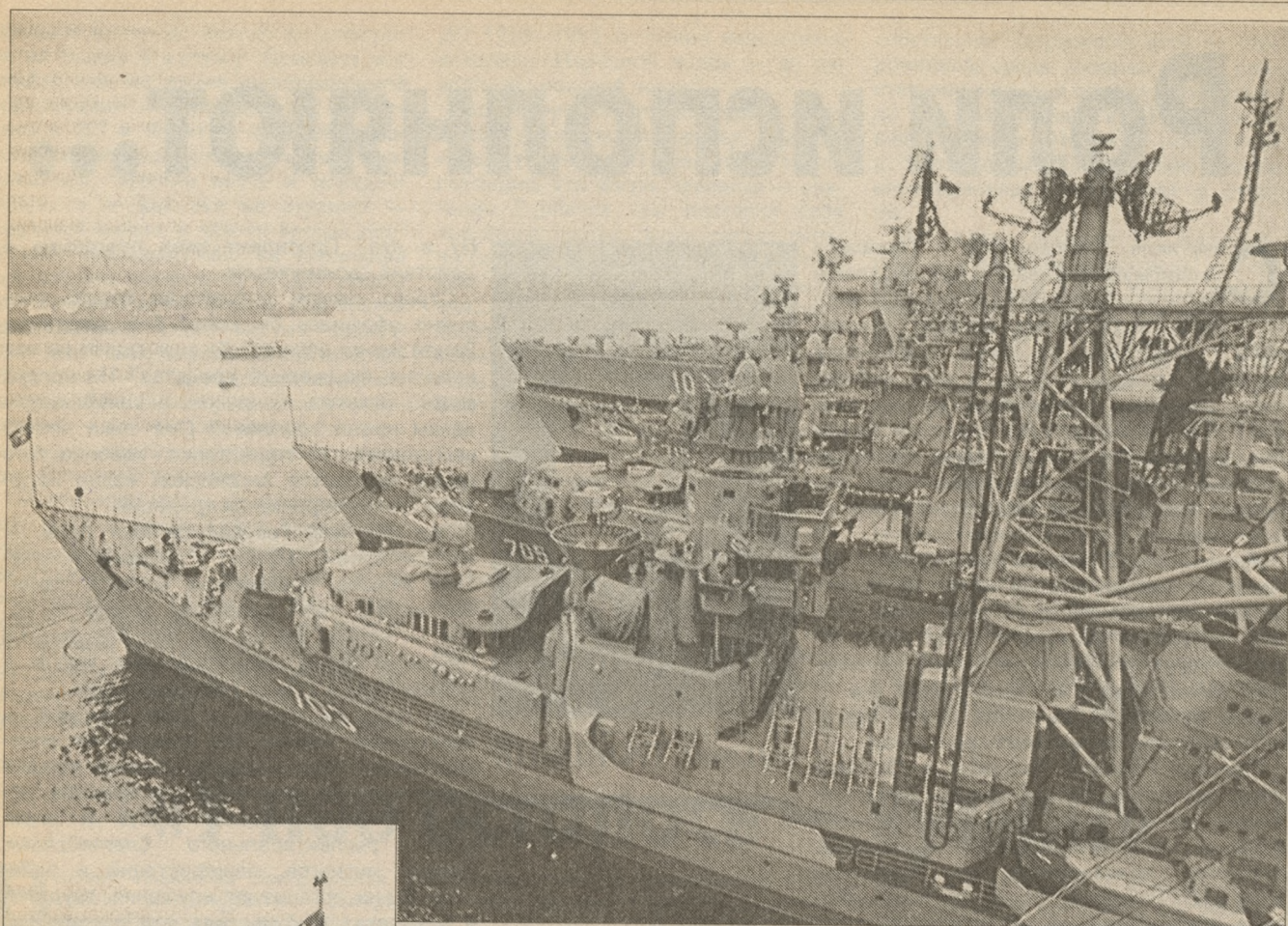
Строго говоря, российская власть спокойно обошлась бы вовсе без депутатов. Зачем же их держат? Да еще тратят на них немалые бюджетные средства? На вопрос можно ответить вопросом: а зачем англичанам нужна королева? Она тоже ничего не решает, и содержание королевского двора обходится английской казне недешево. Зато сохраняется традиция.

Так и у нас. Государственная Дума — исторический атрибут докоммунистической России, преемником которой любит выставить себя нынешний режим. И потому — нельзя же совсем без парламента! Неудобно перед цивилизованным миром, в который наша страна рвется вступить.

Но дело не только в этом. Госдума — прекрасный клапан для выпускания оппозиционного пара. Сколько уличных вождей успокоилось в парламентских креслах, обретя неприкосновенный статус и видимость респектабельного благообразия. Вместо митингов, манифестаций и забастовок они организуют слушания, трудятся в комитетах и комиссиях над поправками к регламенту, над невнятными и бесполезными законопроектами (вроде проекта «Закона об основных направлениях экономической реформы в России»), обмениваются парламентскими делегациями с Сингапуром и Гондурасом.

Конечно, лидеры оппозиционных фракций пока еще тяготеют своим подчиненным положением. Их угнетает кремлевская режиссура. Вот и попытались возобновить пьесу о «недоверии правительству». Кстати, по Конституции имеют на это полное право. Первоначальный провал их не смутит. Инициаторы «недоверия» объявили свою первую попытку всего лишь репетицией. Осенью, после сбора депутатской труппы, обещают устроить фурор и открыть новый сезон премьерой — отставкой правительства.

Они думают, что смогут выйти из роли. Но если «осеннее наступление на правительство» и состоится, то оно будет вновь срежиссировано в кремлевских кабинетах. Или не случится ничего. В любом случае думские «артисты» могут не волноваться. Разгонять их, скорее всего, не станут. Зачем набирать новую труппу со старым репертуаром? С этой можно отлично продержаться не один сезон.

В. МАШАГИН

РИА-НОВОСТИ

Едва живой российский флот

Еще год назад, даже полгода, людей, призывающих бить аварийную тревогу по поводу бедственного положения российского Военно-Морского Флота, можно было сосчитать по пальцам одной руки.

Владимир МАРЮХА

Входу были иные идеи: «России не нужны авианосцы», «наши атомходы — худшие в мире», «в оборонительной доктрине нет места ВМФ»... Когда же флот и его состояние стали оцениваться с налетом сенсационности, тон выступлений начал круто меняться. Однако сие не означает, что флот приобрел истинных радетелей его интересов, ибо митинговые

страсти никогда еще пользы не приносили. Наоборот, пока над митингующими развеваются Андреевские флаги, флот продолжает медленно агонизировать.

Что известно рядовому налогоплательщику о Военно-Морском Флоте? Он горит и тонет — начиная от линкора «Новороссийск» и заканчивая атомной подводной лодкой «Комсомолец». Он выводит из своего состава совсем «свежие» корабли и режет только что заложенные. Флот, наконец, взрывается складами ракетного боезапаса или бомбового вооружения

— на Севере, на Дальнем Востоке. Иная информация, не укладывающаяся в эти ячейки, обывателю неведома, поэтому мнение о ВМФ можно считать сформировавшимся. И на государственном уровне «по многочисленным просьбам трудящихся» это мнение воплощается в конкретные дела по подрыву морского авторитета России. Как? Судите об этом по конкретным примерам.

Примерно раз в 15 лет флот вместе с кораблестроителями составляет своеобразную заявку на свое развитие. Назы-

важется она важно: кораблестроительная программа. Утверждается правительством, которое либо дает, либо не дает деньги на ее выполнение. Чаще — не дает, как это было с завершившейся в 1992 году программой, еще «советской», выполненной едва наполовину. Часть кораблей в ней так и «умерла» в проектах. Еще часть порезали на стапелях. Чудом пока уцелевшие, например атомный ракетный крейсер «Петр Великий» и тяжелый авианесущий крейсер «Варяг», ждут своей участи. Причем судьба «Варяга» ясна: и Украина он не нужен, и Россия оставила попытки достроить его. А «Петр», спустя почти шесть лет после планировавшегося приема в состав ВМФ, возможно, все-таки будет защищать интересы России. Но он — последний из крупных надводных кораблей, до 2015 года больше строить не планируется.

Несколько лучше, хотя точнее, не так плохо, обстоят дела с атомным подводным флотом. Два новых корабля уже совершили переходы в места постоянной дислокации, еще несколько близки к завершению, а в начале года заложено даже два новых атомохода. Между тем ежегодно выводится из состава ВМФ субмарин значительно больше, чем пополняют строй. В результате за последнюю пятилетку весь надводный и подводный «парк» ВМФ сократился на 30—40 процентов. Заметьте, это «без войны» — только по возрасту или из-за отсутствия возможности отремонтировать, модернизировать и даже просто держать у стенки.

Это что касается ВМФ в целом. А вот как выглядит обстановка по флотам.

Черноморский флот (ЧФ) находится в состоянии перманентной финансово-политической «войны» с Украиной. Пока не будет поставлена последняя точка в соглашениях по его разделу, пока не будут определены базы и «прописка» кораблей, состояние боеготовности ЧФ остается условным понятием.

С выводом сил из Прибалтики мы потеряли четыре пункта базирования, три аэродрома, значительную часть судоремонтной базы, узлы связи, склады материально-технического снабжения и многое другое — от 15 до 80 процентов по некоторым видам береговой инфраструктуры. Так характеризует нынешнее состояние старейшего российского флота, Балтийского, его командующий адмирал Владимир Егоров.

Добавим, что на Балтике, в Палдиски (Эстония), потерян для России уникальный центр подготовки подводников-атомщиков. Корабли БФ ушли из Польши, и между двумя их пунктами базирования — Балтийском и Кронштадтом — целое

море интересов, никак не связанных с интересами России. Опять политика? Тогда более «военный» пример.

На Балтфлоте расформируются соединения разнородных сил и десантных кораблей. Не потому, что для них нет задач — нечем пополнить редуемый строй устаревающих морально и физически кораблей. И это при том, что главные военные судовой России остались именно в этом регионе — в Санкт-Петербурге и Калининграде. Однако корабли работают только по заказам, которых, увы, нет*. А отсутствие заказов разрушает технологическую цепочку судостроения, в котором производственный цикл — 5—6 лет минимум.

Но если на Балтике еще можно обойтись «старыми запасами» сторожевых кораблей, то на Севере и Тихом океане этот номер не пройдет. Самый удаленный флот России — Тихоокеанский — не в силах в одиночку справиться с выходом из строя кораблей. Их и раньше через три океана «гоняли» на ремонт в Николаев. Теперь тем более своих мощностей дальневосточникам не хватит: оборвались связи с Украиной и нет средств на оплату ремонта.

В таком положении и лучший из флотов России — Северный. В этом году ему предписано начать испытание боевой службы авианесущего крейсера «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов». Однако денег на укомплектование корабля нет, как нет их и на то, чтобы спасти тяжелые авианесущие крейсера, «Киев» и «Горшков», от участи, постигшей тихоокеанских «собратьев» этих кораблей — «Новороссийск» и «Минск».

А ведь беды флотов не только в отсутствии финансов, устаревании корабельного парка, «замораживании» строительства береговых объектов. Может так статься, и деньги будут, что маловероятно, а служить — некому. Призывной контингент и мал числом, и слаб здоровьем. Контрактная служба по-прежнему остается на уровне эксперимента. Причина опять-таки в отсутствии средств. А еще в неотрегулированности законодательной. «Временное положение о службе по контракту» так и остается неутвержденным, а основные положения «военного пакета» законов не выполняются. Это, кстати, подтвердила и группа депутатов Госдумы, побывавшая на Северном флоте и представившая в парламент информацию для обсуждения положения дел на лучшем из флотов.

Сегодня, когда идет очередной передел сфер влияния, а ВМС США остались единственным контролирующим органом морской международной деятельности, с очередным восполнением брешей в океанской стратегии России можно не петь.

Наивно думать, что американцы возьмутся защищать в море российские интересы. Наоборот, в Черном море амери-

канское присутствие обозначено появлением там натовской эскадры. В Баренц-регионе, идеологами создания которого выступили Россия и Норвегия, военное присутствие США тоже абсолютно неадекватно их участию в экономических программах: Кольский залив — исконно русские территориальные воды — стал своеобразным полигоном американских подлодок. В приглашениях на совместные учения российским кораблям отводится роль статистов и никогда (!) не доверяется руководство совместными операциями — с нами просто перестают считаться как с морской державой. Каким будет следующий ход наших ныне партнеров и бывших вероятных противников?

Он уже сделан, и не только американцами. Процветающая Америка только в ближайшие 2—3 года введет в состав ВМС 3 авианосца, 7 атомных подводных ракетноносцев, 18 многоцелевых атомных субмарин, 8 крейсеров, 16 эсминцев, 3 танкодесантных корабля и другие боевые единицы рангом пониже. Свои ВМС наращивают Франция, Великобритания, Испания, Турция... Да что промышленно развитые страны! Эстония, Литва и Латвия свой суверенитет намерены укреплять строительством флотов, хотя и обойдется это им недешево. И нет ничего странного в том, что даже Украина, несмотря на экономический кризис, бьет за каждый корабль ЧФ.

У России, похоже, как и всегда, своя стезя. Едва на 30 процентов покрываются потребности флота по судоремонту, невосполнимые потери несет вспомогательный флот и поисково-спасательные службы; балластом, тянущим на дно, стала утилизация списанных кораблей и отходов ядерных энергетических установок, нет комплекующих, запасных частей, прекращено производство некоторых видов вооружения... Этот перечень можно продолжить еще не на одну страницу.

А ведь государственные интересы в мировом масштабе отстаивают люди, у которых есть и свой, «мелкий», житейский интерес. Это то, что на законодательном уровне провозглашено как программа социальной защиты военнослужащих. Но если где-то выводимым войскам строятся военные городки, худо-бедно удовлетворяются не только жилищные потребности, то в предоставлении некоторых государственных мужей флоту и это не нужно. Дом моряка — корабль, считают они, а то, что флотский офицер беден как церковная крыса, так это в порядке вещей, армия не для обогащения существует. Но до чего же здорово сработал Петр Великий, что его детище без малого триста лет в России губят, а потопить не могут! Дай Бог, чтобы и нынешний натиск Военно-Морской Флот сдержал, а выстоит он — Россия не пропадет.

* Совсем недавно с Калининградской верфи спущен на воду самый современный в нашем ВМФ большой противолодочный корабль. — *Прим.ред.*

И со стапелей сходили недостроенные корабли

Свою точку зрения на флотские проблемы высказывает адмирал в отставке Николай АМЕЛЬКО — в свое время он командовал Тихоокеанским флотом и был заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Печаль ветерана

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Российский Военно-Морской Флот находится сегодня в таком положении, которое смело можно назвать катастрофой. По сути дела, к военному флоту всегда было любительское отношение, хотя флот имели другие державы и это был вопрос государственного престижа. После 1917 года строительство военно-морских сил происходило бессистемно. Особенно ярко это проявилось после второй мировой войны — мы попросту стали смотреть в рот американцам. Логика развития нашей доктрины была проста: есть у США какой-то тип боевых судов — должен быть и у нас! Но нам, скажем, абсолютно не нужны авианосцы. У американцев каждый такой корабль несет не менее 100 боевых самолетов, у нас — только 36. Что в таких условиях мог сделать наш авианосец, какую боевую задачу он мог выполнить?

Приняли американцы на вооружение подлодку с твердотопливными ракетами — мы вводим аналогичную систему «Тайфун». Но американская ракета весит 40 тонн, а наша — 96! И водоизмещение нашего «Тайфуна» составило не 20 тысяч тонн, как у заокеанских лодок, а 48 тысяч! Это же мастодонт — его только слепой и глухой не обнаружит и не уничтожит.

Пытаясь угнаться за нашими «оппонентами» по количеству боевых кораблей, мы переходили порой все разумные рамки. Скажем, сейчас у США на вооружении состоит два основных типа подводных лодок, способных выполнять абсолютно все задачи. У нас же под каждую задачу — отдельный проект, другая лодка. В мою бытность командующим Тихоокеанским флотом у меня были субмарины двадцати двух проектов! Это же чужь! А про боевые качества тех же подлодок и говорить не хочется, они полностью утратили свое главное свойство — скрытность действия.

За последние годы общее количество кораблей сократилось примерно на 30–40 процентов. Из состава ВМФ ежегодно выбывает больше судов, чем вводится в строй. Трагедия? Но на слом идут уже утраченные боеспособности корабли. Не держать же на вооружении плавающие гробы?! Более того, очень хорошо, что корабельный состав сократился — его можно и на все 80 процентов урезать без потерь боеспособности. Потому что половина судов у нас всегда стояла в резерве и гнила на корню! И так было десять лет назад, двадцать, тридцать. А причины всегда были одни и те же: нет людей для службы, нет денег, нет

нормальной судоремонтной базы.

Иные наши вояки сейчас плачут: американцы на пятки наступают — в Черном море появились, бороздят воды Севера... Ну и что?! Реально мы никогда не имели возможности противостоять ВМС США в большом морском сражении. А главную опасность для нас сейчас представляют не крейсера или эсминцы стран НАТО, а крылатые ракеты морского базирования «Томагавк» с дальностью полета 3000 километров. Они могут поражать объекты на европейской части России, в Белоруссии, на Украине и Кавказе, в Средней Азии из Баренцева, Норвежского, Средиземного морей, Северной Атлантики и даже из Индийского океана. Из районов же Охотского, Японского морей и Тихого океана «простреливается» вся российская территория до меридиана Иркутска. Что уж тут про Черное море вспоминать — битв, наподобие Синопской, не предвидится.

Среди других причин плачевного положения нашего флота — сложившаяся система военной промышленности. Военно-промышленный комплекс, особенно когда им ведал Дмитрий Устинов, был заинтересован в получении большого количества выгодных заказов, стремился выбить как можно больше новых проектов, не особо нужных нам, мо-

рякам. Министерству судостроительной промышленности всегда хотелось чего-нибудь масштабного. Они и подсунули Устинову проект авианосца, скромно поименовав его «авианесущим крейсером». Проектную стоимость его они сами первоначально оценили в 470 миллионов рублей — в ценах 1976 года. Начальник Генштаба маршал Огарков этой цифре не поверил — попросил меня проверить. Я попытался найти в Министерстве обороны отдел или организацию, которые подобные подсчеты и должны производить, — не нашел! Пришлось самому считать, по частям — у ракетчиков кое-что выяснил, у авиаторов, у локопультчиков... Набрал 4,5 миллиарда рублей!

По сути дела, почти вся вина за нынешнее состояние корабельного «парка» ложится на наш ВПК. Промышленность подсовывала нам не то, что мы заказывали, а то, что у них получалось: хотите — берите, не хотите — не берите. И со стапелей сходили недостроенные корабли. Зато за каждый промышленники получали колоссальные премии, тысячи орден, звания Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда.

В 1988 году тогдашний Главком

ВМФ Чернавин добился решения Совета Министров и ЦК КПСС, разрешающего принимать недостроенные и не оснащенные новейшими системами вооружения корабли. И погнались вал — спустили на воду огромное количество надводных и подводных судов, значительно уступающих американским по качеству и боеспособности. Самое удивительное — эти постановления ЦК и Совмина действуют до сих пор!

Кто принимает корабли у промышленности? Государственная приемная комиссия из чиновников ВПК и представителей ВМФ. Подчинена она Главкому. В США же приемом построенных кораблей ведает вневедомственная комиссия, независимая ни от военных, ни от бизнесменов-судостроителей.

Отношение к флоту со стороны Министерства обороны у нас не меняется много лет. Сам министр в военно-морских вопросах ничего не понимает, а министерство в целом вообще не знает, зачем им нужны военные моряки и как использовать ВМФ на практике. Если мы возьмем опубликованное изложение «Основных положений военной доктрины Российской Федерации», то

увидим, что там флоту отведен лишь один абзац: «Активизация диалога по подготовке и принятию эффективных международных договоренностей в области сокращения военно-морских сил и вооружений и ограничения военно-морской деятельности».

И это — наша морская доктрина?!

Напрашивается вывод, что выношенный в недрах Министерства обороны документ предусматривает ликвидацию флота вообще! А первый заместитель министра обороны Андрей Кокошин в прошлом году и вовсе заявил: «...Мы традиционно, в силу своего геостратегического положения, более сухопутная, чем морская держава, да и военная судьба России, как правило, решалась на суше». Это с сорока-то тысячами километров морских границ из 60 тысяч всех российских рубежей — «более сухопутная» держава?

Без военно-морской доктрины, определяющей, что же такое российский флот и каковы его задачи, мы не скоро выйдем из того плачевного положения, которое сложилось совсем не в последние годы, а десятилетия назад.

Записал Владимир ВОРОНОВ

Из справки, подготовленной группой депутатов Государственной Думы после пребывания на Северном флоте:

— Количество бесквартирных в гарнизонах флота по состоянию на 01.01.1994 года составляет 1487 семей. Наибольшее количество бесквартирных имеется в гарнизонах: г. Мурманск-271, г. Североморск-499, г. Северодвинск-387, г. Полярный-56, г. Архангельск-87.

— В результате приватизации своих квартир военнослужащими, уволенными в запас, Северный флот потерял в 1992—1993 гг. более 1000 квартир...

...В 1993 году флот получил всего 242 квартиры...

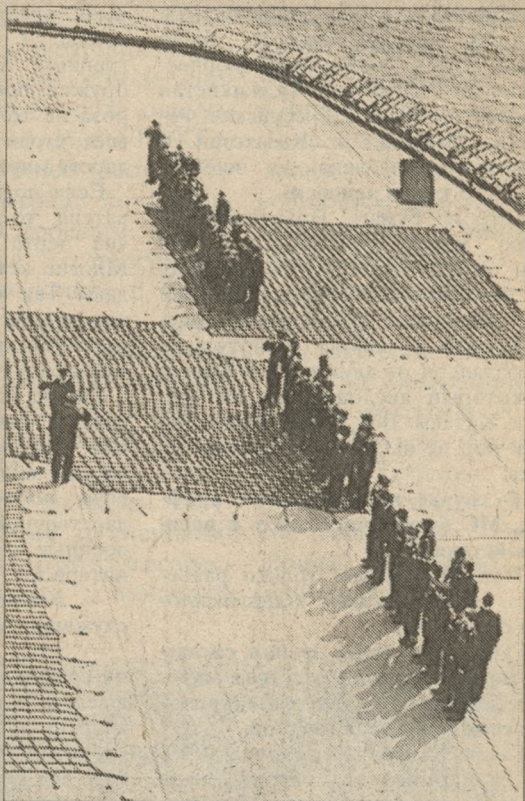
В 1994 году планируется увольнение 2800 семей военнослужащих, из которых 2440 — жилья в средней полосе страны не имеют.

— ... штатная численность медицинского персонала... не соответствует нормативным актам. В г. Полярном имеется только одна больница на 140 коек, что в 2,5 раза меньше установленных нормативов.

В гарнизонах Северного флота проживает более 90 тысяч детей в возрасте до 16 лет. Наиболее характерными заболеваниями среди них являются заболевания органов дыхания (30,3%), желудочно-кишечного тракта (47,8%), сердечно-сосудистой системы. В последнее время наблюдается рост анемии, заболеваний эндокринной системы (сахарный диабет).

...Наиболее часто встречается заболеваемость детей в гарнизонах Мурманск-130, Мурманск-140.

...В гарнизонах СФ обеспеченность школьными местами составляет 55,3 процента к норме...

ВЛАДИМИР ШИШОВ

Все войны заканчиваются миром

-Валерий Анисимович, как вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию в Таджикистане?

— Полтора года назад здесь была гражданская война. Сейчас, можно сказать, затишье. Люди начинают осознавать, что силой ни к чему хорошему не придешь и что, кроме горя и беды, военные столкновения ничего не несут. Но до стабилизации, которой хотелось бы, еще далеко: много оружия находится на руках, существуют различные незаконные формирования. Даже честные и порядочные граждане, стараясь обезопасить себя, вооружаются, не надеясь на государственные структуры.

— Каков нынешний состав миротворческих сил?

— По первому соглашению в состав миротворческих сил (МС) были включены и некоторые части Республики Таджикистан, а это нарушение устава ООН: принимающая страна не должна участвовать в миротворческих силах. Здесь и доказывать нечего — это очевидно. 15 апреля в Москве на заседании глав государств (тогда я и был утвержден на должность командующего) было сказано, что в состав миротворческих сил в Республике Таджикистан выделяют свои силы Российская Федерация, Узбекистан, Казахстан и Киргизия. Определена их численность — 16 тысяч человек.

Но это на бумаге. Практически в составе миротворческих сил мы имеем российскую 201-ю дивизию, один батальон от Узбекистана (три роты, это около 450 человек), расположенный в районе Шаартуза, и один батальон из двух рот от Киргизии, который дислоцирован на границе с Китаем. Вот и все. Казахстан до сих пор не выделил ни одного человека.

— В случае возобновления конфликта, МС будут участвовать в военных действиях?

— Нет. Мы можем только разъединять, встав между конфликтующими сторонами.

— Существует точка зрения, согласно которой Россия посредством миротворческих сил фактически осуществляет свои имперские амбиции.

— Какие имперские амбиции? Таджикская армия не готова, надо еще много работать, чтобы она стала действительно боеспособной.

Командующий коллективными миротворческими силами в Республике Таджикистан генерал-полковник Валерий ПАТРИКЕЕВ:

«Я верю в здравый смысл и считаю, что он должен в конце концов победить».

Пограничных войск у них нет, закрыть границу они сейчас не способны. А что будет, если открыть границу? Хлынет поток наркотиков, оружия, боеприпасов и т.д. И это угроза не только для России, но и для всех стран СНГ, да и других государств мира.

Если подойти с точки зрения обывателя, то можно, конечно, сказать: «на черта нам нужны эти горы». Многие контрактники так и рассуждают. Так что же, заниматься переносом южной границы, создавать новую российскую границу от Каспийского моря до Алтайского края?

Специалисты подсчитали: чтобы сделать один километр государственной границы, потребуется что-то около миллиарда рублей. Поэтому если посмотреть пошире, с государственной точки зрения, то наши военные здесь защищают российские интересы.

— Какие льготы имеют военнослужащие в Таджикистане?

— Здесь получают двойной оклад по сравнению с российским, льготная выслуга лет — один день идет за три, квартира, если таковая имеется на территории России, бронируется, есть ряд других льгот.

— Эффективна ли служба по контракту?

— Сейчас у нас контрактников примерно 75 процентов. Есть приказ министра обороны о том, чтобы основную ставку делать именно на них. Теоретически это правильно, но практика показывает, что в контрактники идут уголовные элементы, бывшие бомжи и т.п. Мое личное мнение — никаких контрактников, это пустая трата российских средств, причем немалых. Серьезных результатов от них практически нет. Надо призывать на службу, как раньше.

— Высказываются разные мнения о взаимоотношениях российских военных и местного населения. Что вы думаете по этому поводу?

— Мне есть с чем сравнить. Я командовал Закавказским округом после известных апрельских событий 1989 года. До этого были отличные отношения с местным населением, а потом ситуация резко изменилась. Я там находился четыре года и все время испытывал моральный террор. Нас считали оккупантами, устраивали многотысячные митинги с плакатами «Убирайтесь!», «Долой!». А вот о Таджикистане я этого сказать не могу, здесь совсем другая ситуация, и основная масса людей к нам, россиянам, относится неплохо.

— В последнее время много говорят о готовящемся наступлении оппозиции на границе, с этим связывают и серию убийств российских военных в Душанбе. Какова ваша точка зрения по этому поводу?

— Я обстановку оцениваю не так. Если взять сопредельную сторону, то там между группировками моджахедов идет борьба за власть. Поэтому таджикская оппозиция не может ни рассчитывать на какую-то поддержку, ни провести какую-то широкомасштабную наступательную операцию сама. А вот попытки оказывать давление на руководство Таджикистана есть, не исключены и теракты, хотя надо разбираться с каждым случаем отдельно. По поводу последних убийств идет следствие, не исключено, что это уголовные разборки.

Я верю в здравый смысл и считаю, что он должен в конце концов победить. Все войны заканчивались миром, но дай Бог, чтобы этот мир наступил пораньше.

Сергей ШАПОВАЛ

Радио РОКС

Международная спутниковая радиостанция

Что объединяло жителей Москвы, Киева, Санкт-Петербурга, Минска и Риги до 1991 года? Все они жили в одном государстве. Что объединяет их сейчас, в 1994-м? Музыка и новости «Радио РОКС»!

Что же произошло за эти три года? Немного истории. В январе 1991 года на международной конференции MIDEM-91 в Каннах (Франция) главный фурор произвели два проекта — и оба они были посвящены созданию спутникового FM-радиовещания. Первый — «западноевропейский», с центром в Дублине (Ирландия) — был разработан группой американских компаний. Второй — с центром в Москве — представляла мало кому известная в ту пору радиостанция «Радио РОКС».

К концу 1991 года американцы отказались от своего проекта, сочтя, что его реализация потребует слиш-

ком больших капиталовложений. Станция «Радио РОКС» за этот год открыла «европейский» FM-диапазон в крупнейших городах России, ближнего зарубежья и сейчас успешно развивает спутниковую сеть.

«Радио РОКС» в эфире с шести часов утра до трех часов ночи в городах: Москва, Санкт-Петербург, Киев, Минск, Рига, Волгоград, Новороссийск, Краснодар, Петрозаводск, Севастополь, Анапа, Геленджик, Пятигорск.

По данным независимого мониторинга, ежедневно 25 миллионов человек настраивают свои приемники на волну «Радио РОКС». В ближайших планах — выход в Калининграде (обл.), Самаре, Сочи и Баку.

Вещание высочайшего уровня обеспечивают: цифровое студийное оборудование фирм SOUNDTRACKS, TASCAM, OTARI, APHEX, европейская спутниковая система EUTELSAT,

музыкальная фонотека TM Century, Warner Brothers, Virgin, Sony Music и других крупнейших компаний звукозаписи!

Безупречное качество звука — лишь первое слагаемое успеха «Радио РОКС»! Качество программ — второе (и еще не последнее!). Лучшая музыка трех последних десятилетий, самая оперативная политическая, коммерческая и развлекательная информация — все это на волнах нашей станции, слушатели которой не нуждаются в других источниках информации: самые последние новости они узнают от «Радио РОКС».

Утреннее шоу «Радио-завтрак» со Степаном Строевым, специальные программы «Рок-каталог» с Оксаной Подригой, музыкальные викторины «Hit-Factor», «Формула-1», «Трижды три — десять» — эти и другие программы по достоинству оценены слушателями и специалистами. По итогам всероссийского конкурса

«Овация» «Радио РОКС» получила одну из пяти номинаций в разделе «Лучшая музыкальная станция».

Взяв за основу мировой стандарт коммерческого радиовещания, наша станция создала собственную студию записи рекламы. Это дает клиентам «радио РОКС» уникальный шанс — над их рекламными роликами работают профессиональные музыканты, композиторы, сценаристы, исполнители. Эту возможность в полной мере смогли оценить такие компании, как «Люфтганза», «Пепси-Кола», «Сони», «Сименс», «Юнилевер», «Филипс», чьи высокие требования к рекламе общеизвестны.

«Радио РОКС» — настоящая находка для тех, кто ищет верный путь на безграничный рынок рекламы в России, Латвии, Белоруссии, на Украине...

Мы не ставим точку — география «Радио Рокс» постоянно расширяется!

Радио РОКС

Подписано Сталиным

«Добыча тайны германских репараций»

Марк ДЕЙЧ

Так называется объемистая рукопись, над которой историк Павел Кнышевский работал более двух лет. Возможно, появится и книга, хотя Кнышевский опасается назвать издательство, где находится рукопись. Я думаю, читатели поймут причину этих опасений.

До сих пор, как бы это ни показалось странным, история вывоза Советским Союзом из послевоенной Германии материальных и художественных ценностей окружена непроницаемой завесой секретности. Почему?

Ответ одновременно и прост, и сложен, пишет Павел Кнышевский. На эту тему в советской историографии было наложено правительственное табу. Но отсюда и вся последующая сложность объяснений, ибо там, где есть государственные тайны, есть и темные деяния власти.

Кнышевский начинает с размеров материального ущерба, нанесенного Советскому Союзу. Вполне понятно, пишет он, что сталинское руководство было заинтересовано вывести максимально возможный показатель потерь. Чрезвычайная государственная комиссия под председательством Н.Шверника назвала сумму в 679 миллиардов рублей с общей расшифровкой ущерба в натуральном выражении. Но кто мог проверить тогда правильность этих подсчетов? Никто. Оставалось верить «честному партийному слову». Однако сегодня есть серьезные основания для глубокого сомнения в объективности выводов и заключений комиссии.

Советская делегация всячески старалась убедить союзников в получении репараций в натуре, причем доказывалось, что Советский Союз многого и лишнего не возьмет.

Сталинский расчет был прост: в отличие от денежных операций, взимание дани с Германии натурой почти невозможно было бы проконтролировать, а сам денежный эквивалент приобретал бы условное значение.

В конце концов союзники махнули рукой на сталинские проволочки и дали согласие на возмещение Германией убытков, причиненных ею в ходе войны, в натуре.

Как же начало осуществляться возмещение убытков?

25 февраля 1945 года, пишет Павел Кнышевский, Сталин подписал постановление ГКО за № 7590 «совершенно секретно» о создании самостоятельного Особого комитета при ГКО в составе: Г.Маленкова (председатель), Н.Булганина, Н.Вознесенского, начальника Управления тыла Красной Армии генерала армии А.Хрулева и начальника Главного трофейного управления генерал-лейтенанта Ф.Вахитова. С этого дня председатели постоянных комиссий при фронтах являлись уполномоченными комитета, а в его работу были втянуты все без исключения наркоматы и государственные ведомства, Генеральный штаб, военные советы и отделы ЦК ВКП(б). Структура так называемых репарационных органов стала представлять собой своеобразный «малый совнарком».

Отныне все правительственные распоряжения и постановления по вывозу оборудования и материалов с оккупированных территорий подписывались только Сталиным. Общее руководство новыми секретными организациями осуществлял Оперативный отдел во главе с заместителем наркома по строительству К.Соколовым.

В своей книге Павел Кнышевский приводит цифры из тайной

статистики Главного трофейного управления. Отправлено по распоряжениям ГКО и Совнаркома в Советский Союз за 1945 год трофейными войсками:

21 834 вагона вещевого и обозно-хозяйственного имущества;

73 493 вагона строительных материалов и «квартирного имущества», в том числе: 60 149 роялей, пианино и фисгармоний, 458 612 радиоприемников, 188 071 ковер, 841 605 предметов мебели, 264 441 штука настенных и настольных часов;

6870 вагонов бумаги и 588 вагонов разной посуды, в основном фарфоровой;

3 338 648 пар различной гражданской обуви, 1 203 169 женских и мужских пальто, 2 546 919 платьев, 4 618 631 предмет белья, 1 053 503 головных убора; 154 вагона мехов, тканей и шерсти; 18 217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием в количестве 260 068 единиц;

24 вагона музейных ценностей.

В общем, за 1945 год трофейные войска отгрузили свыше 400 000 железнодорожных вагонов. Помимо перечисленного, большой объем занимали черные, цветные и прочие металлы в промышленном виде — 447 741 тонна на сумму 1 миллиард 38 миллионов рублей по государственным ценам. Особую группу составляли золото, серебро и платина — 174 131 килограмм.

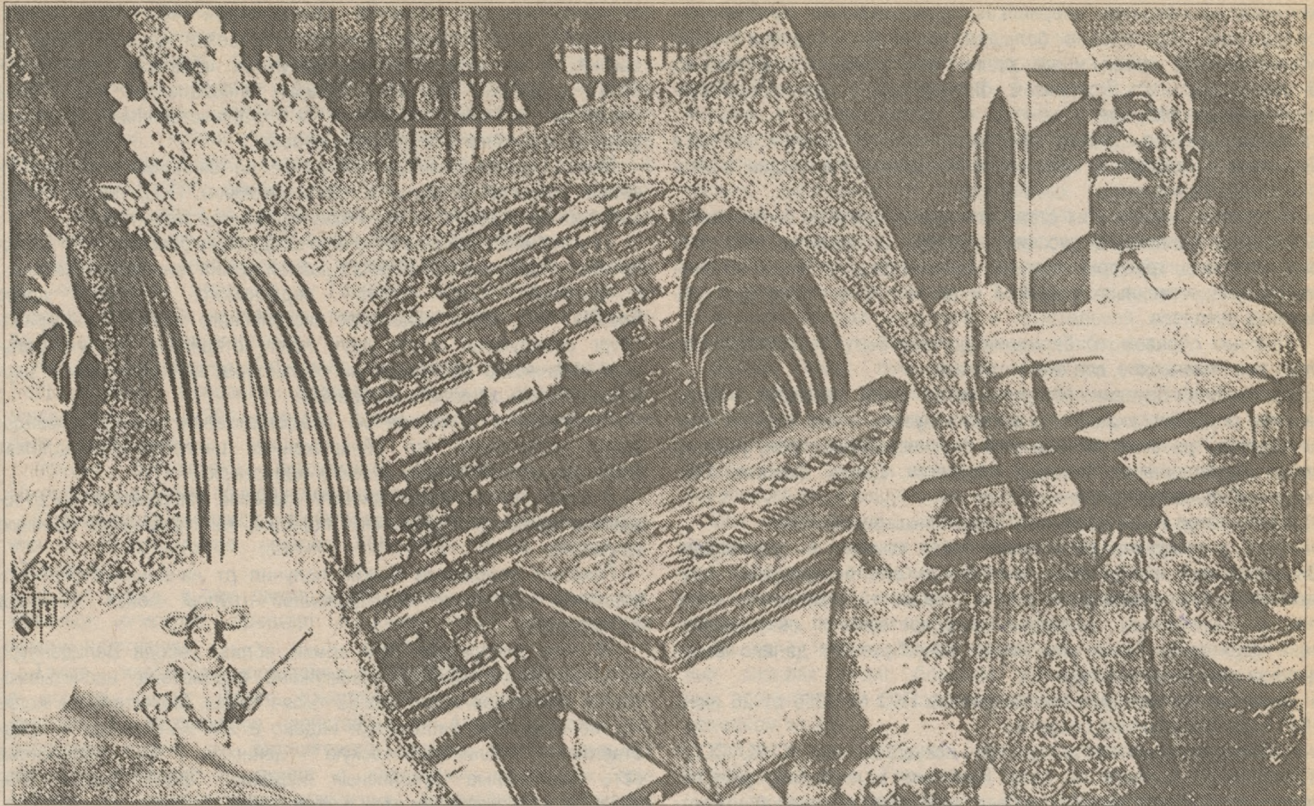
Но более других «трофеев» имелось продовольствия и фуража — на сумму свыше 30 миллиардов рублей. Сюда же входили 20 миллионов литров спирта, «заготовленного» по личному запросу А.Микояна для ликеро-водочной промышленности СССР, и 186 вагонов отборного вина.

Всего, согласно архивным данным, приведенным в книге Павла Кнышевского, ГКО и СНК СССР со 2 марта 1945 года по 2 марта 1946 года было вынесено 986 постановлений о демонтаже 4 389 промышленных предприятий, в том числе в Германии — 2885, в Польше — 1137, в Австрии — 206, в Венгрии — 11, в Чехословакии — 54 и в Маньчжурии — 96.

Невозможно подсчитать и назвать окончательные показатели германских репараций, пишет автор, поскольку на соответствующие документы советского правительства и многих министерств по-прежнему сохраняется табу. Кнышевскому удалось собрать обобщающий материал только за год работы Особого комитета, а ведь вывоз материальных ценностей из Германии, считает он, продолжался не только в 1946 году, но и в 1947 и 1948 годах, возможно, и позже. «Особыми поставками» пользовались все без исключения наркоматы (министерства), многие государственные ведомства.

Тут самое время вспомнить, что в Ялте, а потом и Потсдаме Сталин давал слово союзникам изымать в качестве репараций оборудование, «которое не нужно мирной экономике» для ее «нормального развития». И если вывоз мощных прокатных станков, доменных печей, генераторов электростанций, шахтных машин, цементных и кирпичных заводов как-то еще можно объяснить и оправдать, то как следует трактовать массовое изъятие и отправку в СССР оборудования легкой, в частности пищевой, промышленности и предприятий? Причем по «совершенно секретным» постановлениям?

Что же касается получения научно-технических достижений бывшего противника по войне, продолжает автор книги «Добыча», то странным образом ни в Ялте, ни в Потсдаме в обсуждении вопроса о репарациях никто из союзников так и не загово-

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

рил об интеллектуальной собственности Германии. Здесь, как показывает дальнейший ход событий, была обоюдная заинтересованность, но каждая из делегаций старалась формально держаться в рамках международных приличий.

Со временем о послевоенной охоте американцев и англичан за германскими научно-техническими архивами, секретными технологиями и немецкими учеными будет страстно рассказывать советская печать, подчеркивая в этом отношении непогрязность правительства СССР. Но Сталин недалеко ушел от Трумэна и Черчилля. В первые мирные годы как грибы после обильного дождя выросли новые союзные научно-исследовательские учреждения и лаборатории на базе германских разработок. Чего только стоила одна Берлинская государственная патентно-техническая библиотека. Ее содержимое — патенты на изобретения и материалы к ним — было вывезено в Москву по постановлению ГКО № 9780 «совершенно секретно» от 3 августа 1945 года заместителем начальника Бюро изобретений Госплана СССР Н.Сысовым.

И последний идеологический штрих к репарациям «в натуре». По межсоюзническому соглашению вывоз промышленного оборудования и материальных ценностей должен был главным образом проводиться с целью уничтожения военного потенциала Германии и его Конверсионного использования в странах-победителях, но никоим образом не для начала, ускорения и выведения на новую техническую высоту гонки вооружения. Сталин же отмахнулся от обещаний.

Практически все уцелевшие (хотя бы частично) военные заводы и предприятия Восточной Германии были вывезены на родственные объекты в СССР. В числе трофеев оказались крупные танковые, артиллерийские, судостроительные заводы, предприятия по изготовлению боеприпасов и военно-инженерной техники.

В руках Наркомхимпрома СССР и Главного военно-химического управления Красной Армии оказалось мощное германское производство химического оружия массового поражения. Под руководством генерала технических войск К.Шалькова был демонтирован и полностью вывезен немецкий военно-

химический завод «Оргацид» из Аммендорфа на завод в Чапаевск. Силами Главного трофейного управления было отгружено на химический завод Кинешмы оборудование и материалы по производству боевых отравляющих веществ с завода «Эргэтан» из Штраусфурта, а оборудование по изготовлению фосгена завода концерна «ИГ Фарбениндустри» из Вольфена — в город Дзержинск Горьковской области.

Далее автор книги «Добыча» Павел Кнышевский приводит строго документальные данные о вывозе в СССР обширной военной документации и техники: от разработок по атомному оружию, реактивных самолетов, авиационных жидкостных реактивных двигателей до радиорелейных систем и систем подслушивания.

Касательно советского послевоенного авиастроения, будет, пожалуй, достаточно констатации факта, что, кроме кровного родства первого поколения реактивных самолетов ВВС с немецкими образцами, различные прототипы и копии германской летной аппаратуры и оборудования имели почти все другие самолеты конструкторских бюро Министерства авиапромышленности.

Работали в СССР и многие немецкие ученые и инженеры. 14 июля 1947 года ЦК ВКП(б) даже принял совсекретное постановление «О политической и культурной работе среди немецких специалистов, работающих в СССР». Его «претворением в жизнь» ведал секретарь ЦК М.Суслов.

Одна из самых крупных колоний немецких специалистов находилась на авиационно-промышленном комплексе Куйбышева. Там на опытном заводе № 2 действовало три конструкторских бюро, а привлечение немцев, как сказано в официальном документе, «имело своей целью обеспечить использование их технических знаний для осуществления правительственных заданий по созданию новых моторов и приборов для самолетов».

Всего на заводе работало 405 немецких инженеров и техников, 258 рабочих, 37 служащих. Среди них, пишет Павел Кнышевский, 173 бывших члена нацистской партии.

В феврале 1945 года директор Пушкинского Дома в Ленинграде Владимир Бонч-Бруевич (старый ленинский «гвардеец»,

который, несмотря на дворянское происхождение, не был репрессирован) обратился с большим письмом к Сталину. Павел Кнышевский в своей книге полностью приводит это письмо. В нем, в частности, говорится: «Все архивы и музеи надо разделить на два разряда:

Находящиеся в странах агрессора — и его сателлитов, т.е. в Германии, в Австрии, в Румынии, в Венгрии, в Финляндии, в Италии и в Болгарии.

Я полагаю, что из этих стран эти архивы должны быть изъяты целиком и полностью: русские рукописи, документы, эпистолярии, портреты, гравюры, картины, ценные редкие книги из библиотек, вещественные предметы и пр. и т.п., а также все славянские рукописи.

Главным образом, из Германии должно быть изъято все русское, все славянское, все без остатка».

Далее Бонч-Бруевич, которого автор книги называет «наводчиком», подробно указывает, в каких музеях и что именно нужно изъять. При этом, помимо уже перечисленных стран, указаны музеи Чехословакии, Франции, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Польши и Сербии.

Далее автор книги «Добыча» Павел Кнышевский пишет:

«Есть в международном праве такое понятие — реституция. Означает оно юридически признанный акт возвращения имущества, художественных и других ценностей, незаконно изъятых и вывезенных воюющим государством с оккупированной территории. То, о чем писал Бонч-Бруевич, далеко вышло за рамки реституции...»

Кнышевский приводит постановление ГКО № 9256 от 26 июня 1945 года. Совершенно секретно:

«...Обязать Комитет по делам искусства при СНК СССР (т.Храпченко) вывезти на базу Комитета в г. Москву для пополнения государственных музеев наиболее ценные художественные произведения живописи, скульптуры и предметы прикладного искусства, а также антикварные музейные ценности... с трофейных складов в г. Дрездене».

Подписано Сталиным.

«Комитет по делам искусства при СНК СССР наметил включить прибывшие ценности в состав Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина. Это позволяет — в соединении с прежними коллекциями музея имени Пушкина — создать в г. Москве крупный музей мирового искусства, аналогичный по своему значению таким художественным музеям, как Луврский музей в Париже, Британский музей в Лондоне, Государственный Эрмитаж — в Ленинграде».

Однако предпринимать дальнейшие конкретные шаги по созданию или расширению музея партийное и государственное руководство не решилось. Все-таки выставить «трофейные» произведения искусства на всеобщее обозрение значило расписаться в их незаконном присвоении. Но и открыто удерживать долгое время мировые шедевры живописи и скульптуры в запасниках советских музеев было равнозначно тому же. Поэтому в 1955 году Дрезденской галерее вынужденно вернули 1240 предметов искусства, а в 1958 году — якобы «остальное». Судить о полноте передачи ценностей очень сложно, поскольку найти и сверить подробные описи вывезенных и возвращенных вещей возможности нет. Но даже проверка, что называется, навскидку вызывает сомнение в честности возврата. Например, из 14 картин Рембрандта Павел Кнышевский по каталогам галереи насчитал только 12. Ряд неясностей и с полотнами Ван Дейка.

Но это не единственное решение Сталина о вывозе сокровищ Дрездена. Еще раньше, 31 мая, в постановлении ГКО № 8894 «совершенно секретно» было отдано следующее распоряжение:

«...Обязать Наркомфин СССР вывезти на базу Управления драгоценных металлов Наркомфина СССР в г. Москву ювелирные изделия, коллекцию монет и медалей из района г. Дрездена.

Командировать в район г. Дрездена ответственного руководителя по вывозу ювелирных изделий и коллекции монет и медалей».

Сколько было вывезено и точно принято этого добра в Москве, знал только нарком финансов и служащие Гохрана, но,

вероятно, немало, если в завершающей части постановления речь шла о выделении для перевозки ценного груза не вагона, а вагонов. Тот же документ обязывал командировать в районы Дрездена пятерых специалистов для отбора музейной мебели, библиотек и художественного фарфора (помимо живописи и скульптуры музеев).

Вывоз художественных ценностей не закончился на выполнении указаний Сталина в постановлениях ГКО, поиск сокровищ шел непрерывно по всей оккупированной территории.

14 мая 1945 года было получено следующее сообщение от заместителя начальника ГЛАВПУРА Красной Армии генерала И.Шикина: «Военный Совет 3-го Украинского фронта донес ГлавПУРКА, что в монастыре австрийского города Клостернейсбург обнаружено около двух тысяч старинных картин, большое количество произведений скульптуры, ценные ковры и церковная утварь из золота и серебра.

Специальная комиссия из представителей нашего командования установила, что обнаруженные ценности принадлежат Венскому историческому музею и монастырю».

В этом случае было принято решение «эвакуировать» отобранные ценности в «рабочем» порядке, как трофейную военную амуницию.

Похуже сообщение Шикин получил от начальника Политуправления Северной оккупационной группы войск генерала А.Огорокова:

«В зоне дислокации 65-й армии, вблизи города Вальденбург, в замке Фюротенштайн обнаружена библиотека, насчитывающая в настоящее время до 55 тысяч томов. Значительное количество книг этой библиотеки издано в XVI-XVIII веках и представляет библиографическую ценность. В библиотеке есть уникальные рукописные издания. Прошу Ваших указаний об использовании этой библиотеки».

Библиотеку «использовали» тем же порядком.

Ключевую роль в поиске и вывозе культурных и исторических ценностей на территории Германии играла советская военная администрация и, как это ни прискорбно сознавать, лично маршал Г.Жуков.

Параллельно с военной администрацией в Германии действовали группы специалистов от Комитета по делам искусств при СНК СССР, Академии наук СССР, «специальные комиссии» военных советов оккупационных войск, музейные работники в разведывательных подразделениях и самостоятельные любители старины и искусства. Приятных неожиданностей на их долю выпало много, но самая крупная удача поджидала искателей под Магдебургом.

В начале сентября 1945 года генерал К.Телегин сообщил в Москву об обследовании шахт Саксонии и найденных в них ценностей. А в последний день октября группа ответственных работников ЦК партии докладывала Маленкову:

«По Вашему указанию Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) командировало в Германию бригаду научных работников для проверки культурных ценностей, обнаруженных в соляных и калийных шахтах около Магдебурга, а также в Лейпциге и его окрестностях. В шахтах оказалась научная литература Прусской академии наук, Лейпцигского университета, государственные библиотеки Берлина, Любека, коллекции Берлинского музея народоведения, Берлинского государственного музея, Магдебургского городского музея, собрание негативов государственной фототеки в Берлине, картинная галерея г. Дессау и т.п.

Для отправки в СССР бригадой отобраны наиболее ценные в художественном и научном отношении книги, рукописи и музейные коллекции. Из 40 000 ящиков и свертков, обнаруженных в шахтах, отобрано 8850 ящиков. Для отправки в СССР отобранной литературы и музейных коллекций требуется 85 вагонов».

Далее автор книги «Добыча» Павел Кнышевский описывает содержание этих 85 вагонов:

Фонды библиотеки Лейпцигского университета: науч-

ные труды европейских и американских университетов (Лейпцига, Парижа, Тулузы, Оксфорда, Лиссабона, Нью-Йорка, Чикаго, Стокгольма, Амстердама и других) — диссертации и научные работы по философии, истории, праву, медицине, математике, техническим и естественным наукам; литература по востоковедению и собрание восточных рукописей; книги XVI—XVII веков, рукописные грамоты XIII—XIV веков; сиамские рукописи на пальмовых листьях; научная литература по истории искусств и собрание журналов XVII—XIX веков. Всего 1500 ящиков.

Библиотека Лейпцигского университета была второй по величине и значению в Германии. Ее собрание насчитывало около 2 миллионов томов различных книг. Вывезли 150 тысяч — самых ценных.

Фонды библиотеки Прусской Академии наук. Всего — 1400 ящиков. Собрания библиотек разных городов Германии. Всего — 200 ящиков. Архив города Любека: рукописи — 1003 ящика.

Фонды библиотеки берлинской Врачебной академии: 20 ящиков с книгами по медицине и смежным наукам.

Собрания берлинского «Цейхгауза»: модели орудий, холодное и огнестрельное оружие XIII—XVIII веков. Всего — 13 ящиков.

И так далее, и так далее, и так далее. Даже весьма схематичное описание занимает в книге Павла Кнышевского несколько страниц.

Такое изобилие культурных ценностей, обнаруженных в шахтах, пишет Павел Кнышевский, подтолкнуло реквизиторов к расширению действий. Из Магдебургского городского музея и Лейпцигского музея изобразительных искусств вывезли 42 ящика с картинами, рисунками, гравюрами и скульптурами известных европейских мастеров разных эпох. К ним добавились 455 ящиков с собраниями восточных и древних рукописей, старинных альбумов и книг Камерариуса, коллекций великолепных художественных переплетов, первопечатных книг, литературой по Китаю, Индии, папирусами, книгами по арабской медицине, отчетами экспедиций Лейпцигского университета и историческими реликвиями.

«Все это, — было написано в письме ответственного работника ЦК Маленкову, — в какой-то степени возместит ущерб, причиненный немецкими оккупантами научным и культурным учреждениям Советского Союза».

Никто не отрицает достоверных фактов, продолжает автор книги «Добыча», вывоза фашистскими захватчиками брошенных советскими властями на произвол судьбы художественных и исторических ценностей. Ведь вывезли же по распоряжению Розенберга в ландесбиблиотеку 27 с лишним тысяч редких и рукописных книг новгородской библиотеки из имевшихся в ней почти 34 тысяч томов. Но стоило ли уподобляться варварам, а затем всячески изображать благородную мину советской государственности при нечистой игре в справедливую международную политику?

Выше уже говорилось о том, что, согласно книге Павла Кнышевского, ключевую роль в вывозе культурных и исторических ценностей из Германии играл Георгий Жуков. При этом маршал не забывал и себя лично.

Личный «трофейный» мебельный эшелон маршала Жукова состоял из 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью германской фабрики «Альбин Май». 194 предмета из карельской березы, красного и орехового дерева с обивкой золотистым и малиновым плюшем, голубым и зеленым шелком: полные комплекты гостиной, столовой, кабинетной, спальней и детской мебели для городской квартиры и дачи.

5 января 1948 года агенты МГБ по личному распоряжению Сталина произвели негласный обыск московской квартиры Жукова. Искали чемодан с «трофейными» драгоценностями. Тщетно. И только в сейфе были обнаружены некоторые ценности: два десятка золотых и с дра-

гоценными камнями часов, полтора десятка золотых кулонов и колец и другие золотые изделия.

Через три дня обыск повторили на даче Жукова в Рублеве. Там сыщикам повезло больше. В 51 сундуке и чемодане, а также валом, на стенах и на полу комнат находилось свыше 4 тысяч метров шелка, парчи, панбархата, шерстяных и других тканей; 323 собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых и каракулевых шкуры; 44 ковра и больших гобелена дорогостоящей работы, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии; 55 «ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках»; 7 больших ящиков фарфоровой с художественной отделкой и хрустальной посудой; 2 ящика с серебряными столовыми и чайными приборами.

Далее Павел Кнышевский приводит фрагмент из доклада министра госбезопасности Абакумова Сталину: «Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения...»

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии».

А теперь, пишет Павел Кнышевский, попробуйте представить себе возвращение из победных походов А.Суворова и М.Кутузова с обозами личных и подобных «трофеев». Для себя, для родни...

Нет, Жуков по духу не был ни Суворовым, ни Кутузовым. Он был завязатым большевиком в нравственном значении этого понятия. И ставить Жукова по полководческому благородству и чести на один пьедестал с Суворовым и Кутузовым значит оскорбить светлую память о них.

В своей книге Павел Кнышевский вспоминает свою работу в Петербургском, тогда Ленинградском, архиве кинофотодокументов. Он обнаружил там два фотоснимка. Вот что пишет о них Павел Кнышевский:

«На одном была запечатлена встреча на Николаевском вокзале столицы русского воинства, возвращающегося с японской войны в 1905 году. Почетный караул из бородатых стариков казаков-героев, оркестр в парадных с позументами одеждах и шествие усталого, но подтянутого и гордого строя офицеров и солдат в походной амуниции под ажурной триумфальной аркой. На арке не было ни лозунгов, ни приветственных надписей, а только цветы, образующие единый веночек, обвитый лентой государственного флага, и распростертые на вершине крылья двуглавого орла. Это была и встреча, и последний парад ни победителей, ни побежденных. Злые языки разномастных партийных вождей назовут их пораженцами, и навет позора падет на невинные головы.

На другом снимке был тот же вокзал, но по названию уже Московский, сорок лет спустя. И тоже триумфальная деревянная арка с большими звездами на боковых стойках и аршинным лозунгом на перемычке: «Слава великому Сталину!» Под аркой утомленно бредет толпа военных в расстегнутых гимнастерках и стоптанных сапогах. В руках обмахившиеся шинели и фанерные коробки-чемоданы, через плечи переброшены стянутые ремнями тугие узлы. Небритые, ввалившиеся лица, но с улыбками и бесшабашно торчащими вихрами чубов. Так возвращались домой советские солдаты и офицеры из поверженной Германии. Их первый парад Победы еще впереди».

ЦИТАТНИК

Геннадий ЗЮГАНОВ:

«...Я встречался недавно с деятелями культуры, пригласил 70 человек. Пришли 67. От Губенко до остальных, включая Шилова, все поднялись и сказали: «Это национальное бедствие». («АиФ», № 26)

Эх, жаль — не уточнил Геннадий Андреевич: что они имели в виду? Или кого? Наверяд ли самого хозяина дома: деятели культуры все-таки люди воспитанные, включая Губенко, остальных и даже Шилова. И все же?..

Константин БОРОВОЙ:

«Не боясь показаться неискренним, скажу: я эстет...» («АиФ», № 26)

Не боясь показаться грубыми, скажем: мы это давно заметили!..

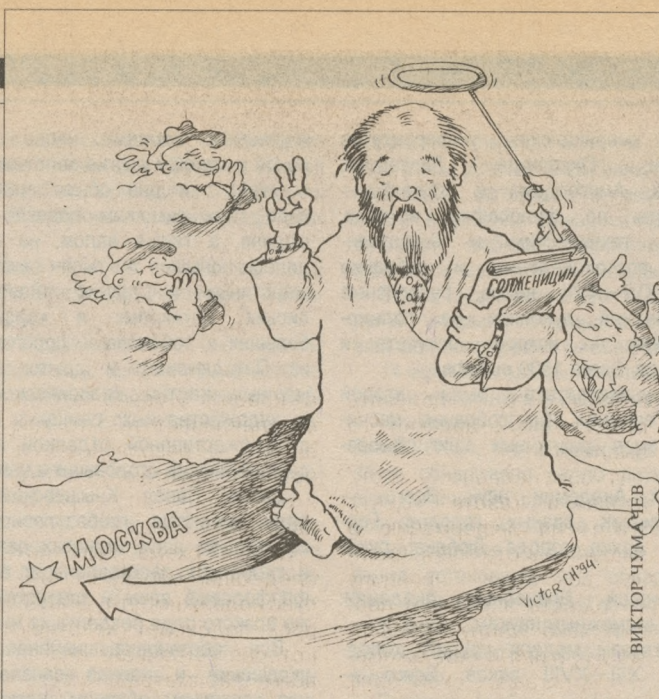
Виктор ЧЕРНОМЫРДИН:

«Не надо ждать денег от МВФ, Америки, Германии и других...» («Век», № 25)

Что же вы не продолжили, Виктор Степанович? Такой до боли знакомый тезис! «Нам не надо ждать милостей от природы. Взять их у нее наша задача».

Валентин ВАРЕННИКОВ, подсудимый:

«...Когда мы приехали в Форос, Горбачев заказал

хороший ужин. Мало того, уже вечером он пошел смотреть эротический фильм. («Век», № 25)

Ну вот, теперь понятно, за что вы его так не любите! Сам пошел смотреть, а вас оставил дожидаться за дверью?! Этого соратникам не прощают...

НЕИЗВАННАЯ БЛИЖАЙШАЯ РОДСТВЕННИЦА В.В.ЖИРИНОВСКОГО, давшая по телефону интервью любимой «Комсомолке»:

«Владимир Вольфович передал все ваучеры своей помощнице Любове Андреевне. Куда-то она должна

была их поместить. Куда — я не добилась. Идет заседание фракции. Некогда. Позвоните вечером. Позже».

(«Комсомольская правда», № 117)

Заседание фракции!.. Архиважная вещь! Это даже мы понимаем... Это все равно как в старое время: «Райком закрыт, все ушли на фронт!» А все-таки жаль, что вечером «КП» никуда не перезвонила...

«МВД России выпустило специальный справочник для иностранцев на тему о том, как надо вести себя, чтобы не стать жертвой

преступников. Однако иностранцы обнаруживают иногда, что им следует избегать встречи с самой милицией». «Крисчен сайенс монитор», 29 июня (ИТАР—ТАСС)

«Наводняемое загрязняющими веществами, попадающими сюда с суши, из водоемов и с воздуха, страдающее от гражданской войны, которая идет на его берегах, запруженное туристами в других местах, оказавшееся в самом центре одного из самых крупных процессов политических и экономических трансформаций — Черное море, самое загрязненное в мире, умирает мучительной смертью». «Вашингтон пост», 28 июня (ИТАР—ТАСС)

«...в бывшем Советском Союзе... банкиры первого поколения, предприниматели и гангстеры стремятся стать российскими Рокфеллерами и Карнеги». «Нью-Йорк таймс», 29 июня (ИТАР—ТАСС)

«Неважно, что Россия присвоила себе мандат на установление «мира» в конфликте, который создала она сама. Война в Абхазии — это прямой результат политики России, состоящей в перманентной поддержке то абхазских мятежников, то президента Грузии Шеварднадзе...» «Спектейтор», 29 июня (ИТАР—ТАСС)

Новоселье

в кредит

Признаюсь честно, хоть мне не раз приходилось брать интервью и писать положительно-рекламные статьи о тех, кто обещает квартиру через два-три года, если уплатить кругленькую сумму уже сегодня, я лично в это не очень-то верил. Тем более что в силу разных обстоятельств эта квартира нужна мне сегодня, а не завтра. А с другой стороны, сколько я ни выкручиваюсь, сразу собрать столько денег, чтобы хватило на приличное жилье, не влезая в немислимые долги под еще более немислимые проценты, мне не удается. И при нынешних темпах инфляции не удастся никогда. Вот если бы можно было сразу въехать в подходящую квартиру, заплатив неполную ее стоимость, а остальное добавить в течение какого-то времени — в рассрочку, под реальные для моей журналистской зарплаты проценты. Ведь весь мир уже десятилетия живет в кредит, покупает в кредит, берет кредиты, отдает их, опять берет и не испытывает никакого страха перед подобной системой. Не пугают проценты, под которые выдается кредит, свободные средства всегда можно пустить в оборот, что и позволит не только погасить кредит, но и получить некоторые дивиденды. Была бы только

возможность получить этот кредит и гарантии его выплаты.

И вот недавно я наткнулся в газете «Центр плюс» на информацию о фирме, работающей именно по этому принципу — то есть я уплатил первый взнос, получил квартиру и, живя в ней, ежемесячно погашаю свой долг. Как все получается на практике, я расскажу чуть позже, да и то не раскрывая коммерческих и личных тайн — как бы общую схему. Пока же назову фирму, о которой идет речь: это агентство недвижимости «ЭМИС-про».

Накопленный им опыт работы на рынке недвижимости позволил разработать очень гибкую систему продажи квартир в кредит. Кроме агентства «ЭМИС-про» в данной программе принимают участие банки и финансовые компании, выступающие гарантом сделки. При этом банк предоставляет кредит на покупку квартиры. Компания-гарант выступает только как поручитель и гарант сделок продажи квартир в кредит. Никакой другой коммерческой деятельностью компания не занимается, следовательно, ни разориться, ни обанкротиться не может. Все ее имущество призвано быть гарантом сделок. Итак, три очень солидные организации задействованы в схеме продажи квартир

в кредит. Именно это и обуславливает то, что так важно, — безопасность и полную гарантию для тех, кто решит приобрести квартиру в кредит.

Общая схема выглядит следующим образом: агентство недвижимости «ЭМИС-про» подбирает квартиру, которая устраивает вас по всем параметрам, месторасположению и цене. Агентство тщательнейшим образом проверяет данную квартиру, ее историю, прежних владельцев, достоверность и правильность представленных документов. Процедура проверки отлажена и отшлифована до мелочей, обеспечена нотариальной службой и службой безопасности агентства. Это очень серьезный и нелегкий труд, ведь не секрет, что обстановка в сфере покупки и продажи квартир в Москве весьма напряженная.

В банке вам открывают счет, на который вы вносите первый взнос в размере не менее 25 процентов рыночной стоимости выбранной вами квартиры. Затем банк предоставляет вам кредит в размере оставшихся 75 процентов. Кредит выдается по вашему желанию сроком до одного года в валюте или рублях — с условием ежемесячного его погашения равными долями. Погашение кредита производится с учетом 36 процентов годовых для валют-

ного кредита и 130 процентов годовых для рублевого. Уплатив первый взнос и получив кредит, вы въезжаете в выбранную вами квартиру, обживаете ее, заботясь единственно о своевременной выплате долей кредита. Следует отметить, что кредит выдается не только на саму покупку квартиры, но и на юридическое и нотариальное оформление.

По выплате последнего взноса квартира в течение трех банковских дней переходит в полную вашу собственность.

В этой программе очевидны несколько серьезных преимуществ покупки квартир в кредит:

во-первых, проблема проживания решается сразу;

во-вторых, свободные денежные средства остаются в обороте (финансовом, товарном или ином), что и дает вам возможность приумножить свой капитал, варьировать им;

в-третьих, участие в данной схеме банковских и финансовых структур гарантирует безопасность и надежность вашей сделки;

в-четвертых, рыночная цена квартиры, приобретенной вами в кредит, неуклонно возрастает, что может свести к минимуму все издержки на начальном этапе.

Вадим БАЕВ

Более подробную информацию вы можете получить в агентстве недвижимости «ЭМИС-про» по телефонам:

267-03-79, 267-03-80, 267-03-81.

Андрей Витальевич, сейчас трудно представить, что всего несколько лет назад наши сограждане имели дело исключительно со Сбербанком, а из всех видов ценных бумаг держали в руках только облигации госзайма. Сегодня Леня Голубков с его акциями прямо Василий Теркин финансового фронта. А Министерство финансов даже опубликовало «Обращение к гражданам Российской Федерации», что прежде было свойственно разве что политическим и идеологическим структурам.

— Появление этого документа, в общем-то, вполне оправданно, и его цель очевидна — способствовать повышению социальной защищенности населения. Отсюда, видимо, и неформальный, я бы сказал, тон обращения. Вы верно упомянули, что до недавнего времени, кроме облига-

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

— Как я понимаю, вам минфинское обращение пришлось по душе. А другим представителям среднего и малого бизнеса?

— О, в деловых кругах по этому поводу идет, что называется, оживленная дискуссия. И она четко проявила полярность позиций российских бизнесменов. Большая часть однозначно одобрила этот документ, увидев в нем, в частности, попытку популяризации чистого бизнеса. У полукриминального меньшинства, чья деятельность может любого клиента превратить в потерпевшего, — иная реакция. Этого стоило ожидать, поскольку обращение связано именно с активизацией очередных «детей и внуков лейтенанта Шмидта». Государство, с одной стороны, решило наконец-то раскрыть вкладчикам глаза, спасти от краха заблудших клиентов, которые позарились на мифические многотысячные проценты годовых. А с другой стороны, оно направляет прозревших к порогу коммерческих структур, действующих честно и в полном соответствии с законами.

Но в то же время обращение Минфина носит какой-то обвинительный характер в отношении негосударственных структур, занимающихся деятельностью, новой для российского рынка. Где же, простите, принята во всех цивилизованных странах презумпция «добросовестности» коммерсантов и вообще граждан? Государству стоит искать в лице бизнесменов партнеров, а не врагов. Тем более если фирмы и компании зарекомендовали себя достойным образом.

— Вы имеете в виду вашу компанию «НБ-траст»?

— Да, но не только, конечно. Я мог бы назвать многих, однако и вы, и читатели сочтете это рекламой. Дело не в названиях, а в отношении государства к коммерческим структурам.

— Эти отношения, в частности, определяются правилами, по которым работают компании в финансовом бизнесе. А большинство россиян не слишком в этих правилах разбираются. И потому не понимают, где кончается законная деятельность и начинается криминальная самодеятельность.

— Прежде всего, для ведения некоторых видов бизнеса необходимо, кроме обычной регистрации, получить соответствующее разрешение государственных органов (Центробанка, Минфина, Госкомимущества, Минсоцзащиты и т.д.). Такие разрешения нужны для банков, страховых компаний, инвестиционных фондов, негосударственных пенсионных фондов, финансовых брокеров и

Государство «убирает» конкурентов?

О ситуации, складывающейся на российском финансовом рынке, рассказывает председатель совета директоров компании «НБ-траст» Андрей МЕЛИКОВ-КОЛЧАК

ций госзайма, наш законопослушный обыватель никаких ценных бумаг в руках не держал. Ну еще конечно деньги «как таковые». Больше того: взращенные в обстановке безоговорочного повиновения властям, полного послушания, люди свято верили в водяные знаки и прочую атрибутику официальных и полуофициальных документов. Это приняло характер своего рода фетишизма.

Но вот в непредсказуемости раннего рынка исчезли эти окаменелости, финансовый монополизм государства рухнул. На освободившиеся «площади» вышли новые коммерческие и банковские структуры. В большинстве своем вполне законопослушные.

— Как вы деликатно говорите: «в большинстве»...

— Деликатность тут ни при чем. Хотя я понимаю, что вы имеете в виду. Конечно, на финансовой арене появились структуры типа компаний «Л.Е.И.И.» или «НефтьАлмазИн-

вест», чья деятельность привела к громким скандалам. И почва для них оказалась благодатнейшая — полное отсутствие у людей опыта приобретения ценных бумаг, работы с ними. Это, кстати, верно отмечено и в обращении Минфина. Но ведь такой опыт из ничего не рождается. Он накапливается годами, в отнюдь не гладких контактах на рынке ценных бумаг, он связан с вполне закономерными поражениями, от которых не застрахован ни один предприниматель и акционер (особенно в начале своего бизнеса), и столь же закономерными победами. Промежуточный отрицательный результат — тоже результат.

— Если это честный результат.

— Вот именно! Вообще, я убежден, что честный и работающий предприниматель даже в рамках нашего никудышного рынка все равно обречен на конечный успех. Иное дело многочисленные нынешние фиаско, которые потерпели и целые фирмы, и отдельные люди, поверившие мошенникам.

других подобных структур.

Для распространения акций АО открытого типа или облигаций прочих компаний нужно зарегистрировать в Минфине, Центробанке и Госкомимуществе проспект эмиссии этих ценных бумаг. Иначе их распространение незаконно.

В последнее время наибольшие вопросы вызывает деятельность фирм, занимающихся привлечением денежных средств. Неверно было бы считать, что подобная деятельность во всех случаях должна лицензироваться как банковская. Иначе каждый человек, выписывающий чек, должен был бы иметь банковскую лицензию. Существуют вполне законные способы привлечения денежных средств населения без таких лицензий. Скажем, в обращении Минфина упомянуты два из них: вексель и договор займа. Но даже при использовании этих законных видов деятельности надо быть очень осторожными в рекламе — и финансовым компаниям, и клиентам. Я говорю о многочисленных рекламных объявлениях, в которых деньги привлекаются «под вклады с выдачей векселей» и т.п.

— В чем же здесь крамола?

— В том, что хотя выдача векселя не требует банковской лицензии, но, в принципе, заниматься привлечением вкладов может лишь учреждение, такую лицензию имеющее. Иначе оно подпадает под статью Гражданского кодекса, говорящую о притворных сделках. А если суд признает сделку притворной, компанию могут обвинить в незаконном предпринимательстве со всеми вытекающими последствиями, вплоть до уголовного наказания ее руководителей. Клиентам же это сулит вероятную потерю денег.

— 1 июля вступил в силу Указ президента № 1233 «О защите интересов инвесторов». Вокруг него много споров, но одно очевидно — в указе проводится курс на тотальное лицензирование. В том числе и при работе с векселями. Это действительно «защита интересов»?

— Это удавка на шее малого и среднего бизнеса России. Указ № 1233 свидетельствует, что мы повторяем «этапы большого пути», по которому шли с 1917 года. Разница в том, что тогда раскулачивали и уничтожали как «экономическую категорию» только-только поднявшегося с колен рачительного крестьянина, а сейчас удар наносится по молодому российскому предпринимательству.

Посмотрите, что делает этот указ с вексельным правом. Оно ведь основано у нас на Женевских конвенциях 1930 года (что всегда придавало ему стабильность), было хорошо и четко разработано. С 1937 года

действует положение, по которому вексель может быть выдан любым лицом, обладающим правом и дееспособностью по российскому законодательству. Выпуск векселей не надо регистрировать ни в каких органах, для них не требуется специальных бланков. Для клиентов векселя выгодны тем, что доходы по ним облагаются налогом по ставкам, ниже обычных.

— Но риск при таком вложении средств — выше?

— А для того и существует рынок ценных бумаг и рынок капиталов, чтобы вы могли выбрать себе место и форму вложения средств. Риск всегда связан с доходом: меньше риск — меньше доход, и наоборот. Кстати, сейчас наименее рискованно делать вклады в Сбербанк, но целесообразность такого вложения за последние три года, думаю, оценили многие россияне.

Короче говоря, Указ «О защите интересов инвесторов» входит в явное противоречие с международным правом, согласно которому никаких ограничений для использования векселей на финансовом рынке быть не может. И мне не очень понятно, как стремление России к участию в Европейском сообществе, желание пополнили ряды «семерки» развитых государств согласуется с нарушением одного из основополагающих экономических постулатов цивилизованного мира.

Смотрите, что происходит в последнее время. Я даже не говорю об обесценении денежных вкладов населения, о ваучерной «псевдоприватизации» и тому подобном. Я говорю о том, что государство делает с предпринимателями. Когда появи-

лась серия антимонопольных законодательных актов, казалось, наконец-то форточка распахнулась, в наши легкие хлынул свежий воздух. Но... Первые же телодвижения малого и среднего бизнеса — абсолютно законные и конструктивные — привели к тому, что форточка с треском захлопнулась. И вот Указ № 1233, самый крупный гвоздь в крышку гроба российского антимонопольного законодательства.

— А может быть, вы так говорите, потому что испугались конкуренции в новых условиях?

— Нет, абсолютно нет! Мы обеими руками за конкуренцию. Но — за нормальную и цивилизованную. Что сейчас может произойти? Указ дает возможность удушить даже эффективно действующие многочисленные трастовые и инвестиционные компании, рассчитанные на людей среднего и малого достатка. Удар придется по ним, потому что финансовые гиганты имеют дело с многомиллионными вкладами, прежде всего юридических лиц, им не интересны 100-тысячные счета инженеров или врачей, пенсионеров или педагогов. Эти люди — наши клиенты, но нас лишают возможности нормально работать с ними.

Конечно, в экономике, как и в политике, ни одна ниша пустовать не будет. Кто заполнит ту, откуда сейчас попытаются выбросить молодых бизнесменов, малые и средние финансовые компании? Мафиозные структуры? Или власти расчищают пространство для государственного монополистического капитализма? Или, как это чаще всего бывает, и то и другое?

В.МИХАЙЛОВ

Иностранцы предпочитают частную охрану, поскольку российская милиция боится мафии

На состоявшемся в Вене семинаре, сообщило агентство Франс Пресс, западные бизнесмены, живущие и работающие в России, осудили рост преступности в этой стране, вынуждающий их принимать меры по обеспечению личной безопасности и безопасности своих предприятий.

«Это серьезная проблема. За последние пять лет преступность в отношении иностранцев стала широко распространенным явлением. Ничто уже больше не контролируется; законодательная система с трудом пытается адаптироваться к новым условиям; милиция плохо оплачивается и подвержена коррупции», — считает Ник Во, один из руководителей британской частной охранной фирмы «Секар».

По словам Пауля Меллинга, возглавляющего в Москве одну американскую фирму, иностранным предприятиям прихо-

дится главным образом бороться с «воровством во всех его формах».

Оба этих предпринимателя участвовали в первом в истории семинаре по проблеме безопасности западных деловых кругов в России, на который 22 июня в Вену съехались около 60 западных бизнесменов и экспертов.

Меллинг рассказал, как он был ограблен в московском такси вместе со своим коллегой по работе. «В машину влезли два человека, вооруженных ножами, и забрали буквально все — банковские карточки, деньги, документы, ценные вещи». Банальный факт, как выразился он.

Ник Во убедительно советует иностранным предпринимателям не брать такси для проезда из аэропорта в центр Москвы: «Не только сами предприниматели, совершающие поездки, подвергаются физической опасности, но и все

предприятия, специализирующиеся на экспорте-импорте или переводе денежных средств, служат предпочтительной мишенью для преступников».

Участились также случаи проникновения на предприятия «промышленных шпионов», утверждает Во. «К руководителям предприятий являются «инспекторы», которые на деле связаны с местной мафией и которые пытаются получить доступ к секретным документам», — подчеркивает этот специалист, советуя «почаще менять персонал».

Во приводит также в качестве примера случай с одним австралийским предпринимателем, который был похищен рэкетирами и освобожден лишь за весьма крупный выкуп. Правда, это единичный случай, отмечает он, поскольку «похищения и убийства в среде деловых кругов — явление, скорее, редкое».

В Москве и Санкт-Петербурге многие иностранцы прибегают к услугам частных охранных фирм. Так, для охраны одного из домов для проживания иностранных дипломатов и журналистов была нанята охрана за 2500 долл. в месяц; охранники в

маскировочных костюмах, вооруженные дубинками, дежурят всю ночь.

В Москве некоторые бизнесмены прибегают к услугам какой-либо из примерно 250 российской охранных фирм, «которой они щедро платят, чтобы не иметь проблем», как выразился Меллинг.

«Но мафия существует и здесь. Нужно уметь оказывать сопротивление и не поддаваться на шантаж, поскольку некоторые «охранные фирмы», нанимающие на работу бывших агентов КГБ или бывших офицеров Советской Армии, доходят до того, что требуют 10 процентов от доходов предприятия», — указывает Во.

По его словам, «иностранцы предпочитают, как правило, пользоваться услугами какой-то западной частной фирмы, которая лучше информирует их. Однако многие из них нанимают русских охранников — причем за очень хорошую плату — для обеспечения безопасности своего завода, своей семьи и своего персонала, поскольку они не могут рассчитывать на местную полицию, которая неэффективна и боится любой конфронтации с мафией».

(ИТАР—ТАСС)

Зона? Но какая!

Четыре сельских района, сто шестьдесят пять тысяч жителей, третья часть которых — беженцы из Северной Осетии, почти полное отсутствие промышленности и слабое развитие коммуникаций — это черты Республики Ингушетия. Необходимость привлечь в регион финансовые средства стала стимулом для провозглашения его территории зоной экономического благоприятствования. Это означает, что зарегистрировавшиеся здесь предприятия платят только федеральные налоги, минуя местные. Так, предприниматели будут «отстегивать» вместо двадцати процентов налога на добавленную стоимость — десять, тридцативосьмипроцентный налог на прибыль снижается до тринадцати, а специальный

— с трех процентов до двух. Ряд сборов, таких, как налоги на имущество, на содержание жилфонда, транспортный и некоторые другие, полностью отменяются. По словам председателя правительства Республики Ингушетия Мухарбека Дидигова, уже утром с первого дня существования зоны экономического благоприятствования в ней были зарегистрированы три компании.

После пресс-конференции, посвященной экономической новинке, господин Дидигов согласился ответить на вопросы «Столицы».

— Как, по-вашему, этот эксперимент отразится на соседях Республики Ингушетия по Северокавказскому региону?

— Я считаю, только положи-

тельно, потому что зона экономического благоприятствования позволяет регистрироваться на ее территории любым предприятиям. Наши соседи тоже такую возможность имеют.

Быть первым всегда трудно, а сейчас в Российской Федерации практически аналогов такой зоны нет. Поэтому нам сложно судить о том, как дальше будет складываться ситуация и к чему это приведет. Если положение создается нормальное, то, возможно, российское правительство применит наш опыт в других регионах.

Не надо придавать введению зоны экономического благоприятствования на территории Ингушетии какую-то политическую окраску. Необходимо учитывать, что наша республика — самый молодой субъект Российской Федерации. В силу ряда исторических причин ингушский народ оказался в тя-

желой ситуации, сегодня он находится на стадии своего становления.

— Как вы считаете, предприниматели не испугаются напряженности в регионе, поедут туда?

— Из своих наблюдений за приезжающими в республику отечественными и зарубежными деловыми людьми я сделал вывод: по сравнению с другими субъектами Российской Федерации у нас очень спокойный регион.

Да, это район чрезвычайного положения, но, для того чтобы полно ответить на заданный вопрос, я хотел бы, пользуясь случаем, пригласить журналистов к нам в республику. Вы сами убедитесь, что у нас спокойный, благополучный регион...

А пока журналисты только собираются, предприниматели, похоже, уже поехали в Ингушетию.

Владислав КОРНЕЙЧУК

Пир после чумы

День победы за рекою Псоу

Алексей МИТРОФАНОВ свои так придирались, что будет на абхазской стороне...»

В Абхазию мы — группа журналистов из России — ехали на праздник — традиционные конные состязания. И, конечно, немного боялись — война. Но больше было все-таки не страха — любопытства. И утешение железное — у нас в Москве вообще-то тоже каждый день стреляют.

Но, проехав поселок Веселое, делегация не то что испугалась или напряглась — просто шутки сделались несколько нервными. Перед нами — множество автомобилей, занимающих чуть ли не все шоссе на сотню метров, а у обочин стоят бабушки с черешней и мушмулой. Это — приграничная торговля. Впереди же — зловещая арка, своєю формой напоминающая расставленные ноги автоматчика. Граница.

Наш водитель как-то все же подрулил к той арке, и в автобус вошли несколько ребят со знакомыми нам по московской милиции укороченными автоматами.

— Куда едете? Зачем? На сколько? Что везете? Приготовьте паспорта.

Долгая проверка, затем команда:

— Автобус — в отстойник.

То есть на площадку справа от поста.

Там мы провели еще немного времени, после чего нас все же пропустили.

«Да, — подумал я, — если

А ничего! На площадку автобуса лихо вскочили несколько джигитов с белозубыми улыбками (тоже с автоматами, но длинными, как в школе на уроке НВП), быстро просмотрели наши документы и больше из гостеприимства, чем по службе, поинтересовались:

— На праздник едете? Вот он, — отдельная улыбка в сторону одного из пограничников, — там тоже будет выступать. Болейте за него. Счастливого пути.

После чего мы въехали в войну.

В землю под названием «Апсны ареспублика».

Собственно, после того как в места боевых действий ввели так называемые миротворческие войска, войны-то поуменьшилось. Больше того, ее почти что не осталось. За тот день, что мы провели в Абхазии, мы не услышали ни одного выстрела. Хотя практически у каждого взрослого мужчины есть автомат.

Но было жутко. Помню, подобное ощущение возникло у меня десять—пятнадцать лет назад, на станции метро «Ленинские горы», когда поезда перестали на ней останавливаться, но все еще ходили у платформы, зачем-то замедляя ход. Станция, которую я привык видеть заполненной людьми, которой сам нередко пользовался, вдруг стала пу-

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ (нг-фото)

Село Гудава

стынной, заброшенной. Мертвой. Ни одного человека.

Так и здесь — по шоссе, которое я помнил вечно забитым машинами, мы ехали одни. Редко-редко попадались нам навстречу грязные, помятые автомобили со стеклами, заклеенными изолентой. И часто — без номеров.

Но главное, конечно же, дома. С выбитыми окнами, выгоревшие, с вмятинами от пуль. Что это? Грузинские боевики уничтожали мирных абхазов? Или, наоборот, мстительные абхазы уничтожали мирных грузин? К сожалению, было и то и другое. Одно лишь очевидно — абхазы той войны не начинали. Они — защищались.

А знакомые по прошлому отдыху здания — стоят в руинах. А гагрский вокзал очень напоминает наш московский «Черный Белый Дом», только поменьше. И надпись: «Борьба народа Абхазии с грузинским нацизмом священна». Надпись — по-русски. Там почти все — по-русски. Там даже старики друг с другом говорят — по-русски.

Единственным, пожалуй, скоплением народа во всей Абхазии был ипподром в городе Гагра. Оживление, торговля пирожками, фруктами и пепси-колой. Магнитофон играет песни о войне, очень напоминающие наш «афганский» цикл. Опять-таки по-русски.

И паренек — совсем ребен-

нок, приехавший сюда на жеребенке.

Мы проходим на трибуны и садимся. Почти все места заняты. В первом ряду — строй костылей. Одни лишь инвалиды. Молодые, старые. Там — есть свободные места. Но люди без увечий их не занимают. Почему — не ясно. Я, на всякий случай, сажусь во второй ряд.

Вот приходит молодая девушка. Очень красивая. Садится в первый ряд. Каким-то царственным, спокойным жестом пристраивает рядом костыли. Костыли же не пристраиваются, падают. Еще нет опыта. Но он, увы, появится. Одна нога у девушки кончается выше колена.

А внизу тем временем пытались проводить соревнования. То, что принято называть организацией, было ужасно. На поле было множество народу. Их разгоняли, но они не уходили. Лошади вели себя свободно — беспорядочно скакали, задирали друг друга,

Миротворческие силы в Гали

козлили — наездники едва удерживались в седлах. Вдруг одна из лошадей решила, что пора соревноваться и побежала по кругу. Ее остановили метров через пятьсот. Конечно, она выдохлась и о первом месте этому номеру думать уже не приходилось.

Лошади никого не слушались, время от времени некоторые, по двое или по трое, срывались с места и бежали. Их с трудом возвращали назад. В конце концов, когда все побежали более-менее одновременно, судьи решили принять этот момент за старт.

Зрители вскочили и начали кричать. Тогда я понял, почему всех инвалидов посадили в первый ряд. Иначе за спинами поднявшихся они ничего не увидели бы.

Рядом со мной стоял абхазец в возрасте, в скромном сером костюме, по виду — мирный и безобидный научный работник. Когда он, аплодируя, приподнимал над головой руки, полы пиджака чуть задирались и открывали кобур с торчащим из нее пистолетом.

Между рядами ходили тонкие юноши в маскировочных костюмах с автоматами в руках и расцеловывались со знакомыми.

В конце концов забег закончился и победитель прямо на лошади подъехал взять приз — приз памяти погибших на войне.

Затем все более-менее

нормализовалось. Началось метание копья, новые забеги...

Через некоторое время мы поехали в Пицунду. Пустынными дорогами, мимо заброшенных пансионатов. Один из них, знаменитая «Самшитовая роща», построенный не так давно для КГБ, вот-вот откроется. И сутки пребывания в

Саперы на дорогах

У поселка Очамчира

На улице Гудауты

этом роскошном заведении будут стоить всего 12 долларов. Двадцать дней в местах попроще обойдутся в триста—четыре тысячи рублей. Что поделать, отдыхающих в Абхазию сейчас довольно трудно заманить.

Незабываем пляж Пицунды. Всегда переполненный, он был пустыней. Лишь с десяток ребятишек ловили каких-то морских экзотических животных, тут же, под пристанью, жарили их и поедали. Мы дали им немного курицы. Так они чуть не передрались из-за нее:

— Ты больше меня курицы съел!

— Нет, ты!

В Абхазии — голод. И на рынках нет ни овощей, ни фруктов. А если есть — их очень быстро раскупают. И остаются лишь старушки, предлагающие пепси-колу, «сникерсы» — ассортимент наших коммерческих палаток.

Правда, недалеко от пристани, в кафе, уже варят кофе по-восточному. Денег же за кофе с нас не взяли — видимо, приняв за первых отдыхающих, в расчете, что потом мы будем пить тут кофе ежедневно. А может, просто потому, что из России.

Когда мы вновь приехали к ипподрому, праздник закончился. Но он продолжился —

приемом у главы администрации одного из районов Абхазии.

Под длинным шатром были накрыты три стола. Традиционная кавказская еда — сыр, мамалыга, мясо, всяческие соусы. И, конечно, сухое вино. Всего — в изобилии. Под шатер заходили министры Абхазии, конники — участники состязаний, старейшины. Было довольно много журналистов.

— Если тост вам понравился, то нужно выпить весь стакан до дна, — объяснял мне «правила игры» один из министров, за одним столом с которым я оказался. — Если же нет — вообще не пейте, вам никто слова не скажет.

Безо всяких там базарных «дорогой», без «тыканья», без фамильярства. Министр Абхазии — интеллигентный человек.

— Но сами-то вы оставляете чуть-чуть.

— Мой дед мне говорил: «До дна — это не значит до последней капли. Всегда немного оставляй. Если кто-то заподозрит, что за его тост ты пил воду, и обидится — всегда сможешь доказать, что пил вино».

— А почему вы едите руками?

— Мой отец мне говорил: «Между моим ртом и моими руками дипломатия не нужна». Тихо, тихо — министр обороны тост произносит.

Был праздник. День побе-

ды. Увы, долго еще будет Республика Абхазия отстраиваться, подниматься, бороться с голодом. Жизнь тяжелая наступит после праздника. И долго будут ненавидеть грузин абхазы, и наоборот. Но сегодня — не место грустным мыслям. Сегодня — День Победы.

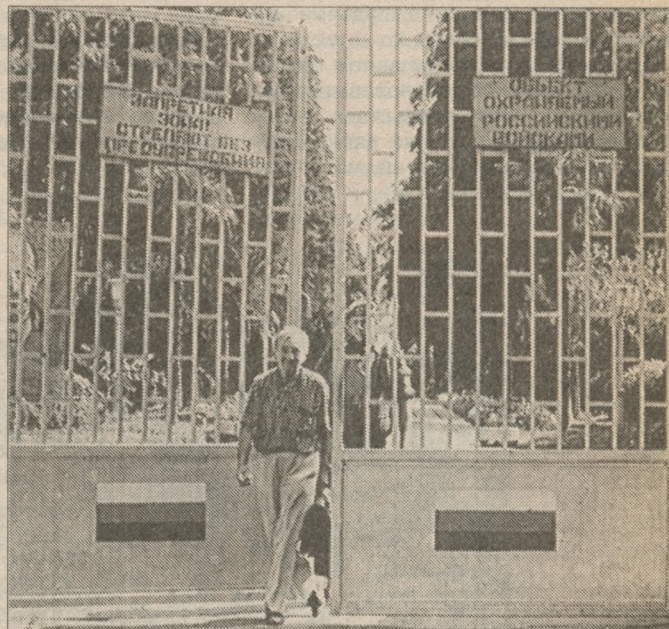
Ближе к ночи мы вновь пересекли речку Псоу, вдруг ставшую столь знаменитой. Абхазские солдаты моментально пропустили нас, с улыбкой пожелав счастливого пути. Казалось, что в нашем «Икарусе» они стесняются своих автоматов. Эти ребята уже наигрались в войну. Они-то знают, что такое настоящий враг.

Перед российским постом опять стояла очередь машин. И фургончик, где за пять тысяч рублей нищие абхазцы, пересекаящие границу, обязаны сдать кровь на СПИД. Этот ритуал особенно унижен тем, что действует в одностороннем порядке.

Наконец, в наш автобус вошли пограничники. И автоматы их смотрели угрожающе.

— Приготовьте документы. Что везете? Откройте багажник!

Мы возвращались в родную страну.

Сухуми. Санаторий МО

Битва Льва с Единорогом

К вопросу об обвинениях
адвокату и шахматисту МАКАРОВУ

- *Вел за корону смертный бой со Львом Единорог. Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог. Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог, А после их под барабан прогнали за порог.*

Л.Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

...Об этом экстрашахматном скандале уже писали, и много. Напомню фабулу: Андрей Макаров, популярный адвокат, а ныне еще и депутат Госдумы, весной 1992 года по результатам шахматного турнира обрел право на получение звания международного мастера. Сейчас, спустя два года (и уже после присвоения звания), ему инкриминировали фальсификацию документов турнира. Короче говоря, нашлись люди — и весьма влиятельные в шахматной среде, — которые утверждают, что никаких партий Макаровым сыграно не было, а «международника» он получил, сговорившись с судьями да арбитрами. Экий, право, конфуз!

Скажу сразу: об этом самом турнире и обо всех сопутствовавших ему загадочных обстоятельствах ваш покорный слуга знал уже давно, поскольку, не будучи, увы, шахматистом,

водит знакомства с поклонниками Алехина и Капабланки. И уже тогда, будучи, увы, журналистом и обладая соответствующей ментальностью, автор подумывал о расследовании, но натолкнулся на мягкий отказ компетентных граждан. («Да ни к чему нам это все ворошить. Мы просто хотим спокойно играть».)

Однако теперь, когда о скандале как по команде отчитался десяток изданий, я счел нужным подготовить свой материал. С двумя существенными оговорками. Во-первых, вовсе не следует замыкаться на одном «деле Макарова». А во-вторых, в отличие от всех тех, кто описывал ситуацию, попытаюсь обозреть конфликт беспристрастно. Для этого создадим атмосферу своеобразного диалога (или диспута, или своего рода заочной партии, если угодно) и предоставим слово двум крупным фигурам — Евгению Александровичу Бебчуку и Эдуарду Львовичу Дубову.

Для справки: Е.А.Бебчук — президент Российской шахматной федерации, Э.Л.Дубов — председатель Высшей квалификационной комиссии Российской шахматной федерации.

- *История Англии не знает подобного случая! Ведь в Англии никогда не было сразу двух королей.*

О чем же это там спорят два достойных синьора в своей родной шахматной федерации? — меланхолично подумает читатель. Как выясняется, прежде всего — о самой федерации. Дело в том, что два уважаемых мэтра принадлежат к разным федерациям. И если такое сообщение польстит вашему патристическому чувству, то я с радостью информирую: у нас теперь существуют две Российские шахматные федерации. Правда, тут же перед автором встает затруднительная задача — разъяснить, в чем состоит функциональное различие двух одноименных организаций.

Главным образом, в именах. Одну возглавляет, как уже упоминалось, Е.А.Бебчук, другую — Макаров. Интересы первой представляет Анатолий Карпов, а второй — ну, вы, конечно, угадали! — Гарри Каспаров. И обе федерации в определенном смысле легитимны. «Бебчуковскую» признает ФИДЕ*, «макаровскую» — Национальный олимпийский комитет России.

Если я возьмусь описывать в подробностях, как была выращена эта «гидра», как созывались внеочередные съезды, в списки вносились «липовые» делегаты, звучали с трибун обвинительные речи, то неискушенный читатель определенно заскучает. Поэтому квалифицированно высказаться должен для начала Минюст, ибо:

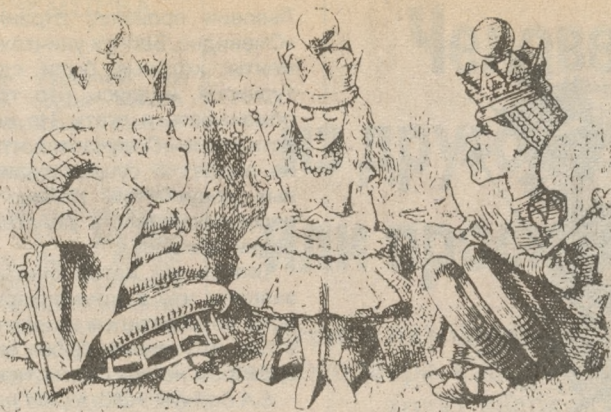
Е.А.Бебчук: Федерация Макарова не зарегистрирована Минюстом.

Э.Л.Дубов: Устав, который лежит в Минюсте, это устав нашей федерации, а Бебчук и его руководство были переизбраны на последнем съезде.

Хотя, допускаю, что Минюсту эта по-

* ФИДЕ — Международная шахматная федерация.

лемика вообще не интересна: Российская шахматная федерация зарегистрирована как общественное объединение, и достаточно. А что там делают Авербах и Ботвинник — их личное гроссмейстерское дело.

В конце концов, быть может, и беды бы большой не было, если бы обе федерации мирно сосуществовали и конкурировали лишь в привлечении свежих сил. Я даже нахожу в этом отражение шахматной гармонии: одна бы назвалась «черной» (безо всякого глумливого подтекста), а другая — «белой»; президенты — «короли», вице-президенты — «ферзи»... Проблема, правда, в том, кто возьмет на себя смелость именоваться «пешкой», но и то не страшно: есть перспектива достичь восьмой линии и обрести статус «ферзя».

Однако мои герои не ведают покоя, подобно средневековым Алой и Белой Розе. Или нынешним Северному и Южному Йемену.

- — Мне больше нравится Морж, — сказала Алиса. — Ему, по крайней мере, было хоть капельку жалко бедных устриц. — Но съел он больше, чем Плотник, — возразил Траляля.

Е.А.Беччук: Каспаров, конечно, гениальный шахматист. Но он разработал свой путь — тот, который ведет к успеху и благополучию всего десятка крупных шахматистов.

У нас было четырнадцать шахматных школ в регионах. Мы с трудом сейчас восстановили пять. Каспаров же хочет все это разрушить. Те миллионы, которые он обещает, будут лишь у нескольких человек.

Э.Л.Дубов: Не сделав ничего за год своего правления для развития шахмат в регионах и развалив даже то, что было, шахматный «банкрот» Беч-

чук пытается помешать новому руководству в организации шахматной жизни страны.

Что делал Беччук? Он брал тридцать—сорок гроссмейстеров и проводил турниры. Он работал только с элитой, т.е. фактически отрывал шахматы от своей основы. Если мы не будем заниматься с детьми, с юношами, то образуется вакуум, который уже ничем не заполнишь.

Но эти обвинения, дорогие читатели, еще довольно вялые.

Е.А.Беччук: Каспаров поступает как неолевый. Если он захватит российские шахматы — а у нас, между прочим, восемьдесят девять гроссмейстеров — намного больше, чем где бы то ни было, — то мировые шахматы просто сдадутся.

Я говорю вам — это настоящая банда. У нас в шахматном клубе они каждый день вырывают телефонные провода!

Э.Л.Дубов: На съезде выступали люди, которые говорили, что для проведения турниров федерации под руководством Беччука не перечисляли им деньги. Кто-то проводил турниры за свой счет, а деньги получал только спустя полгода. Это в нашей ситуации! Где были эти деньги? И некоторые просто говорили Беччуку в лицо: «Вы жулик!»

Последнее время приходится слышать и о том, что, мол, федерация Беччука — это отрывка старой партийной номенклатуры в отличие от макаровских «демократических» кадров. Кстати, Дубов попрекает Беччука и тем, что в свое время он получал деньги на турниры чуть ли не из рук Хасбулатова и Руцкого. По-моему, такое обвинение достаточно спорно: последние, пока не приделались в бронжилеты, были крупными государственными чиновниками, и почему бы им не дотировать шахматы? Ведь не у Япончика на вилле получал Евгений Александрович чемоданчик с купюрами. Но вернемся к «номенклатурно-демократической» теме.

Э.Л.Дубов: Я знаю одну организацию, где Беччук принимал участие в отмывании партийных денег. Хотя я, конечно, не знаю, сколько у него «звездочек» на погонах...

Е.А.Беччук: Вот Макаров, наш крупный «демократ». Его мама — председатель областного суда, папа — вице-президент Международной федерации адвокатов — а это номенклатура ЦК КПСС. Сразу после университета Макаров был принят на работу в МВД СССР. Вы когда-нибудь видели, чтобы пацана в двадцать с небольшим сразу приняли в МВД? Сначала нужно в районных, областных органах поработать. И Чурбанова ведь он защищал не случайно.

Или Авербах! Он был вечным замом при восьми или девяти председателях шахматной федерации СССР. И каждого очередного Авербах «продавал», выступая с разоблачительной речью. Последним он продал Аркадия Мурашева (того самого — бывшего шефа московской милиции. — А.Б.). И во всех письмах против Корчного первым всегда подписывался Авербах. Кто там еще? Соколов — подполковник внутренних войск. Или их вице-президент Крюков — начальник Центрального шахматного клуба Советской Армии. Вот такие демократы.

- Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте!

Вот теперь, налюбовавшись изящными ходами противников, мы приблизились к эндшпилю, с позволения сказать.

Вам, вероятно, очень интересно, почему же история с макаровским участием в турнире ни разу не была отражена никем из пытливых журналистов за прошедшие два года. Нахожу тому одно и вроде бы вполне здравое объяснение. Вспомнить ее решились лишь тогда, когда для того возникла политическая необходимость. Эдуард Львович Дубов, кстати, неоднократно подчеркивал политическую окраску скандала. Доказательно уличить Макарова в подлоге — значит внести смуту в ряды его федерации, деморализовать противника. Бебчук сам опытный журналист и знаком с силой печатного крепкого слова.

Е.А.Бебчук: Когда Каспаров решил создать свою федерацию, ему потребовались известные люди. Одним из таких людей и стал известный адвокат Макаров, у которого в молодости был хороший первый шахматный разряд. Но для пущего авторитета среди шахматистов его, вероятно, решили сделать международным мастером.

Те турниры организовывал Григорий Богданович, который, как говорят, приятель Макарова.

И вот когда я как-то с удивлением увидел, что у Макарова очень высокий шахматный рейтинг, хотя я знал, что он нигде не играл, то стал наводить справки. Все документы были на месте, а вот именно тех двух папок с нужными мне турнирными документами не оказалось. Я послал запрос в ФИДЕ, и оттуда мне прислали копии турнирных таблиц, по которым выходило, что Ма-

каров выполнил норму международного мастера.

Таблицы подписаны Авербахом 19 апреля 1992 года. (Авербах был вице-президентом при прежнем президенте — А.Мурашове. — А.Б.) Но новое руководство избрали уже в марте, значит, Авербах не имел права подписывать.

Тут мне придется снова вмешаться. На таблицах действительно стоит штампик 19 апреля, однако Дубов, который тоже располагает копиями, указал мне на другую дату — непосредственно возле подписи Авербаха, — 16 марта, из чего, по словам Эдуарда Львовича, следует, что виза вице-президента проставлена до съезда и, следовательно, вполне правомочна. По поводу же апрельского штампика Дубов заметил, что это просто дата получения документов ФИДЕ. И снова ход Бебчука: «Выяснилось, что турниры были, но Макаров в них не играл. Точнее, он сыграл одну партию — с турецким шахматистом, но проиграл. И теперь я заявляю официально, что Макаров — жулик». На мой вопрос, почему же с макаровскими победами соглашались его означенные в таблицах соперники, Евгений Александрович отвечал, что кому посулили блага, а кому и пригрозили. «Одному, например, заявили, что если он не согласится, то через два дня его найдут под мостом». Бебчук уверяет, что никаких бланков партий Макарова не существует в природе. Однако это не так. Бланки существуют, и не так давно вице-президент макаровской федерации Крюков обошел всех зафиксированных в них противников Андрея Михайловича и просил еще раз на бланке расписаться в том, что партия имела место. Я специально уточнял: это именно те бланки двухгодичной давности. А Дубов считает, что Бебчук блефует, утверждая, что не видел в свое время бумаг. При этом Эдуард

Львович произнес странную фразу: «Очевидно, Бебчук уничтожил те документы, которые были сданы после турниров, надеясь, что тогда можно обманывать и лгать. Но не знал, что есть копии». Получается, что сам Дубов не ведает о существовании подлинных документов. Налицо некоторая несогласованность действий в федерации Макарова.

Теперь же автор считает важным заявить, что к комментариям Э.Л.Дубова он обратился не случайно. Дело в том, что именно Дубов был главным арбитром на тех самых турнирах.

Е.А.Бебчук: Некоторые наши международные арбитры, к сожалению, не судят а просто потом подписывают документы. Так и Дубов — не судил, а лишь подмахнул бумажки. На том турнире, где якобы играл Макаров, он, насколько мне известно, появлялся лишь пару раз.

Дубов же объясняет свое не самое живое участие в судействе тем, что параллельно с мастерским турниром проходил гроссмейстерский: «Мне, разумеется, была интереснее игра гроссмейстеров».

Напоследок — свежая новость от ФИДЕ. Бебчук продемонстрировал мне их депешу, в которой объявляется о лишении Макарова звания международного мастера. Правда, чуть позже я выяснил, что в ФИДЕ пока лишь решили рассмотреть квалификационный вопрос в конце июля. Об этом поведал Ю.Л. Авербах (федерация Макарова), вернувшись недавно оттуда.

— Но, черт возьми! — воскликнет раздосадованно читатель. — Что вы пересказываете нам эти пересуды? Так играл Макаров или нет?

Автор, откровенно говоря, знает ответ на этот вопрос. От тех самых шахматистов, что участвовали в пресловутом турнире. Но, произнеся его, тем самым необдуманно обречет свое издание на очередное судебное разбирательство: у него в портфеле нет всех необходимых доказательных документов. Так что пускай пока что бодаются Лев с Единорогом. О результатах этой «партии» мы обязательно известим читателя.

Кстати, Евгений Александрович Бебчук сам напрашивается на суд, обещая предъявить убийственные аргументы. Макаров пока не рвется в зал суда. Может быть, подыскивает хорошего адвоката?

Алексей БЕЛЯКОВ

Текст проиллюстрирован рисунками Джона Тенниела к сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

Анна ИНОЗЕМЦЕВА

В группе туристов из Калифорнии герой моего рассказа считался самым умным. Он только что закончил университет и готовился, по его словам, «стать самым знаменитым писателем». И действительно: всем было одинаково интересно слушать его размышления о политике и спорте, истории и литературе... Он мужественно выслушал оперетту «Летучая мышь», совсем не зная русского языка. Он заразитительно смеялся над репризами наших клоунов и торговался московским цирком. Его зовут просто — Дейв.

Как-то мы ехали в переполненном городском автобусе. Мне удалась сесть, и поэтому хорошо было видно все, что творилось близ меня. Вдруг я заметила, как в карман Дейву скользнула чья-то рука и ловко выудила оттуда сложные пополам купюры...

— О-о-о! — одновременно с этим произнес Дейв, хмуря брови, и повернулся к карманнику, который в этот момент уже был готов передать украденные деньги напарнику. Наш американский друг выхватил у вора свои же деньги и произнес при этом единственное слово, которое знал по-русски: «Спасибо!»

Русская публика, наблюдавшая все это, раскати-сто захохотала, а американцы забросали Дейва вопросами.

— Я почувствовал его руку в кармане! — объяснил Дейв и посоветовал землякам получше следить за кошельками.

Однажды мы засиделись с Дейвом в гостях у наших общих знакомых. Когда вышли на улицу, время было позднее, общественным транспортом в этом районе и не пахло. Мы пошли пешком вдоль бесконечного бетонного забора какого-то завода, надеясь по дороге поймать такси.

Не ожидая никакого подвоха, мы шли и оживленно болтали... Вдруг откуда-то выскочила свора разъяренных дворняг и с лаем бросилась в нашу сторону. Один из псов, самый большой, уже собрался было накинуться на Дейва,

Человек из другой страны или просто — Дейв

Америка находится на другой стороне
земного шара. Следовательно, люди там
ходят вверх ногами.

но американец встал на четвереньки и... звонко залаял на бедное животное. Стая замерла. Я не могла сдерживать смех... Через несколько мгновений бродячие псы в недоумении разбежались.

— Почему ты смеешься? — удивленно спросил Дейв, отряхивая ладони.

Я не смогла объяснить.

Поехали мы как-то с американцами в Измайлово — на рынок кустарных поделок-сувениров. Погода была не по-калифорнийски прохладной, и американцы чувствовали себя не очень уютно. Часть туристов, а с ними и я, вышли с рынка и стояли, поджидая остальных.

И тут мое внимание привлек невысокий дядечка в подозрительно знакомой, разноцветной бейсболке.

— Джейк! — обратилась я к одному из американцев. — Это ведь твоя кепка?

— Да, — улыбаясь, сказал Джейк. — Я продал ее полчаса назад, а еще джинсы и свитер.

Глаза мои округлились. Кто из нас представлял простых американских граждан, торгующих своим барахлом на наших «толкучках»?..

— Понимаешь, — продолжал между тем Джейк, — я купил все эти вещи на распродаже в Сан-Диего всего за три доллара. А этот парень взял их у меня за тридцать. Он просто псих. В следующий раз я специально для таких привезу из Штатов грузовик поношенной одежды.

Тем временем дядечка в бейсбольной кепке стал прицениваться к джинсовой куртке, завязанной вокруг пояса Дейва. «Продай!» — попросил дядечка на ломаном английском.

— Но это не моя куртка, я не могу продать ее, — пояснил ему Дейв. — Это куртка моего университетского товарища.

— Даю тридцать баксов, — настаивал дядечка.

— Нет, — отрезал Дейв. — Это не моя куртка.

Мы решили отойти

подальше от поднадоевшего типа.

— Даю пятьдесят! — крикнул вдогонку торговец.

Дейв остановился.

— Я продаю ее, — решил он.

— Но ведь куртка не твоя, — поразилась я.

— А, все равно моему товарищу она не нужна! — сказал Дейв. — Он худой. И эта куртка ему не идет.

...Получив свои доллары, Дейв восхищенно сказал: «Ты видела, сколько у него денег! Боже мой, сколько у него денег!» Действительно, когда дядечка в бейсбольной кепке расплачивался за куртку, он доставал из заднего кармана брюк увесистую пачку долларов.

— Копейки! По сравнению с Рокфеллером, — небрежно заметила я.

— Кто такой, этот Рокфеллер? — оживился Дейв.

Что за народ? Не знает даже своих миллиардеров!..

Американцы показались мне невеждами. Один из них однажды ошарашил меня вопросом: «А вот у вас, в России, все, что закончил школу, умеют читать?»

— А у вас?

— Нет, не все.

И это при том, что американское образование в нашей стране считается почему-то лучшим в мире. Тот же Дейв, узнав, что я читала Фолкнера, его любимого писателя, был просто вне себя от радости.

— Она читала Фолкнера! — в восторге он хватался за голову, будто бы услышал что-то экстраординарное. — Кого еще ты знаешь из американских писателей?

— Стейнбека, Хемингуэя, Апдайка, Брэдбери... А каких русских писателей знаешь ты?

— Никаких, — просто душно признался Дейв. — Я начал однажды читать Чехова, но это так необычно по сравнению с тем, к чему я привык.

Потом он назвал еще Льва Толстого и Достоевского. Сказал, что много о них слышал, и пообещал, что обязательно ознакомится с их творчеством.

— Мы живем в другой стране, — как-то сказала я Дейву.

— Да, — кивнул он. — Да.

ВИКТОР ЧУМАЧЕН

Мародеры истории

Грабители древних курганов безнаказанно хозяйничают в Крыму

Владимир ВОРОНОВ

Алексей ЛОБАНОВ

До 1917 года их именовали «счастливчиками». Сейчас археологи зовут их «друзьями», хотя более заклятых врагов им не найти. Самы себя они предпочитают именовать «охотниками за кладями» или «джентльменами удачи». Но, как ни называй их, они все равно останутся просто грабителями.

Мы карабкались по раскисшему от снега крутому склону к древнему могильнику — нас интересовали грабители древностей. Не удивляйтесь снегу в разгар лета — это было в феврале. Ведь у мародеров самый сезон от осени до весны, хотя зима в Крыму, конечно, не лучшее время для прогулок на природе. Обнаружив свежие следы, окурки сигарет возле костра, аккуратно припрятанные под сосенкой колышки и стойки для палатки, отбросьте версию о случайно забредших в глухомань фанатиках туристов: здесь побывали «друзья»...

Из письма известного знатока древностей Тамани подъясаула В.В.Соколова директору Кубанского Войскового Этнографического и Естественно-исторического музея И.Е.Гладкому от 2 декабря 1913 года:

«...Раскопки гробокопателей уже начались и идут полным ходом, но мне хороших вещей не приносят, очевидно, все лучшее идет в Керчь... Жду, когда замерзнет море и прекратится сообщение с Керчью, тогда и нам что-нибудь перепадет...»

Из письма подъясаула В.В.Соколова директору музея И.Е.Гладкому от 3 февраля 1915 года:

«...Я начал следить за своими гробокопателями, тем более что прошли слухи о находке золотой монеты и хорошей посуды. Золотые монеты находятся почти исключительно в курганах, и я удвоил свою энергию. Мои наблюдения увенчались успехом, и я заметил, как двое гробокопателей с мешком прошли на пароход для поездки в Керчь. Я сейчас же сообщил помощнику станичного атамана о своем подозрении и просил его лично распорядиться задержанием и обыском... Гробокопатели спрятались в трюм. При помощи полицейского я извлек их оттуда и отправил в станичное правление. ...Видя, что обыск неизбежен, Буринский (один из задержанных) достал из кармана сверток, а в нем 20 штук серебряных монет. Оба признались, что дома у них есть ваза с рисунками и бокал... Но, зная, что только с серебряными монетами, вдвоем, счастливицы (так в начале XX века на юге России называли грабителей древностей. — **Прим. авторов.**) в Керчь не поедут, я просил обыскать их. Тогда Буринский вырвался из рук полицейского и убежал из станичного правления. Странно, что полицейский не принял никаких мер к задержанию, да и вообще никто в станичном правлении не попытался остановить беглеца — очевидно, золотая монета была при нем... Потом уже станичные власти делали у Буринского обыск, но не нашли ни его, ни указанных им вещей, а конфисковали какие-то черепки.»

Документы взяты из сборника «Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья». М., 1994

Интересная находка

Проклятье фараонов

Самым удачливым грабителем древностей специалисты считают знаменитого Генриха Шлимана. Ему несказанно повезло — он нашел легендарную Трою. Он же ее варварски разграбил и уничтожил. Но зато разбогател и вошел в историю! Другим охотникам за сокровищами предков обычно везло меньше. В конце прошлого века около Керчи археологи раскопали Царский Курган. Увы, как и большинство ему подобных, он оказался уже подчистую ограбленным. В погребальной камере обнаружили лишь скрюченный скелет грабителя...

...Несколько крепких парней споро пробивают шурф прямо через купол погребальной камеры. Одного на веревке спускают вниз. При свете факела он собирает ценности и отправляет наверх узел с награбленным. Добыча велика, и «Боливар не вынесет двоих»? Так или иначе, но главный добытчик остался в оскверненной могиле навеки: свод склепа столь крут, что у бедолаги не было шансов выкарабкаться. Впрочем, может археологи здесь улыбаются?

Фараоны готовились к смерти долго и обстоятельно. Они знали материальную «цену» бессмертия и оснащали свое последнее пристанище хитроумными ловушками, насылая авансом проклятия на непрошенных гостей. Но это слабо помогало. А жившие в античном Крыму скифы, готы, аланы, греки, римляне, хазары

загробными проклятиями не грешили. Может, именно потому крымские могильники столь привлекательны для «охотников за удачей»?

«Свинойрой»

Обычно на разграбленном могильнике будто стадо кабанов резвилось в поисках желудей: следы сапог, груды свежерытого сырого грунта, ямы. Вот и вскрытые склепы: «друзья» потрудились основательно — пять погребений очищено полностью. Археологам здесь делать нечего. Или почти нечего...

Осторожно подходим к краю раскопа — скользко, можно ненароком угодить прямо в объятия к чьему-то предку — глубина метра три с половиной. Судя по всему, землекопов направляла умелая рука. Сначала металлическим щупом выявили пустоты, каменную кладку, потом пробили шурф точно ко входу в камеру. Дальше уже дело техники. Грунт вытаскивали вверх ведром и просеивали, но вещи брали выборочно...

Археолога интересует практически все: как лежал тот или иной предмет в погребении, в каком положении и по какому обряду был захоронен усопший. «Грабил» же привлекает лишь то, что они смогут реализовать. Обычно это керамика и стекло. Ну и «рыжье», само собой — золото. Когда «друг» начинает свой сезон, он твердо знает, что именно хочет найти, где будет работать, кому сплавит добычу. Сегодня заказ на бронзовые скифские пряжки? Возьмем пряжки. Нужна краснолаковая посуда? Нет проблем! Единственная проблема эпохи ранней рыночной культуры — внезапное изменение конъюнктуры.

В отвале ограбленного склепа находим несколько фрагментов прекрасно сохранившейся краснолаковой керамики. «Исследователи» их не проглядели — посуда намеренно была разбита вдребезги. И правильно: зачем возиться с мусором, на который падают цены, не оставляя же археологам?! Все, что не забирается, раскалывается лопатами, втаптывается в землю. Именно так «свинойрой» поступили с двумя бронзовыми браслетами, которые почему-то их не устроили, — разломали и прошлись сапогами. На дне раскопа виднелась почти целая краснолаковая тарелочка, но мы не рискнули по такой погоде спуститься без веревки — можно было остаться в могиле надолго. Спуск оказался тяжелее, чем подъем. На середине пути машинально бросили взгляд на другую сторону лесистого склона — такое бывает лишь в приключенческих фильмах и дурных детективах: двое

ИТАР-ТАСС

Общий вид нормальных археологических раскопок

верзил в армейских ватниках и сапогах копошились под деревьями, извлекая шанцевый инструмент. Это и были «друзья», вышедшие на объект своих несправедливых трудов.

Увидев нас, двое в ватниках резво выхватили что-то из-за поясов и залегли под соснами. Заняли огневую позицию? Честно говоря, пламенное randevу с вооруженными представителями древнего промысла не входило в наши планы — в том самом склепе нашлось бы место и для излишне любопытных. Мы плюхнулись в грязь и стали униженно отползать, стараясь производить как можно меньше шума. Нас, видимо, приняли за конкурентов — «ватники» тоже не выказали особого желания более тесной встречи, ретировались в противоположную сторону...

Карты в руки...

Нашего грабителя не испугать ни проклятиями фараона, ни статьями УК. Технически он вооружен намного лучше, чем археолог, да и не только технически. Когда две конкурирующие группы нос к носу столкнулись на одном из древних могильников, то поле битвы осталось за теми, у кого оказалось больше автоматов. По слухам, одна из грабительских команд, базирующаяся в Севастополе, устанавливает на разведанных ею памятниках с целью отпугивания конкурентов... взрывные устройства (хорошо еще, что пока не подкладывают мины-ловушки в шурфы официальных археологических раскопок). Но облеты экспедиций на арендован-

ных вертолетах и инспекционные рекогносцировки на автомобилях стали для местной мафии рутинным делом.

Подготовка к взятию памятника напоминает планирование боевых десантных операций. Сначала разведка, смиренная добыча информации — в основном, из профессиональной литературы. Самую надежную информацию грабители получают от... самих археологов. И это объясняется довольно просто: после каждого полевого сезона пишутся подробные экспедиционные отчеты, к которым прилагаются карты, планы и схемы. Вот к этим-то формально не секретным документам «друзья» и получают доступ. Каким образом? Ловкость рук и шелест купюр. Подкупаются не обязательно сотрудники научных учреждений полуострова — подобные отчеты гораздо легче раздобыть в Киеве и Москве. Ясно, что информация утекает и из административных органов Крыма, занимающихся планированием и обеспечением археологических раскопок. По этой причине случаются неожиданные накладки. Начальник одной из экспедиций, допустим Иванов, решил заранее осмотреть место будущих раскопок. Подъехал — а там уже копают. Кинулся к раскопу:

— Кто такие?

— Экспедиция Иванова.

— ??!

Ничуть не смутившись, копатели парировали:

— По плану вы должны появиться здесь лишь через два дня...

Слежка за археологами начинается буквально с первого часа их прибытия. Бывает, «друзья» целенаправленно перенимают археологический опыт, внедряют своих людей в экспедиции. Бывает и наоборот, в «друзья» подаются люмпенизированные нынешней жизнью археологические расстриги.

...Хорошая погода позволила экспедиции задержаться на объекте до октября. Но день в день, когда по начальным планам лагерь должен быть свернут, появились машины «друзей». Они кругами ходили вокруг раскопа, миролюбиво намекая археологам, что те уж слишком задержались:

— Ребята, ваше время вышло — вы копали летом, теперь наш сезон...

Когда это не подействовало, перешли к иным методам убеждения:

— Давайте поделим объект на два сектора: вы копаете одну половину, мы — другую. Не нравится? Тогда сделаем по-другому: вы отдаете нам половину находок на вашей половине, а мы вам — половину того, что найдем на своей...

Охотники за ценностями редко работают большими группами — им не надо тщательно исследовать весь памятник, фиксировать и обрабатывать материал. Поэтому численность групп редко превышает 3—4 человека осенью-зимой и 8—10 человек летом-весной. Летом нужна охрана, люди для слежки, а зимой можно обходиться и без головорезов — «грабилы» и так неплохо вооружены. Взять их с поличным за всю историю крымской археологии стражам порядка не удавалось — охрана хлеб даром не ест. О приближении посторонних предупреждают по радиации, иногда дают сигнал ракетой. Однажды о непредвиденном визите «группы захвата» просигналили, как античные воины, столбом дыма — подожгли камыш в болоте.

Передовая грабтехнология использует такие карты, каких нет даже у военных. Если некоторые материалы аэрофотосъемок попали к «друзьям» явно с кафедры аэрофотосъемки МГУ, то снимки, сделанные с разведспутников, добыты непосредственно в Зеленограде, из секретнейших почтовых ящиков России. Опытный специалист, сделав привязку к местности, легко применит эти материалы для поиска новых, еще не разграбленных городищ и могильников. Кроме примитивных щупов в ход уже давно пущены новейшие, ранее считавшиеся секретными, приборы, позволяющие отыскивать пустоты в земле или реагирующие на цветные металлы. Пока ученые мужи, вооруженные лопатами, ищут новые

откровения материальных культур, мародеры истории наносят прицельно-точечные удары. Наука о цивилизациях в этой ситуации сама становится реликтом. «Через два года от археологических памятников Крыма не останется ничего — все подчистую уничтожат грабители», — пессимистично сказали нам в Комитете по охране памятников при правительстве Крыма.

Антикварная паутина

Побродив по рынкам Симферополя, Ялты, Феодосии или Севастополя, можно заметить крепких парнишек со скромной табличкой «Куплю монеты». Как правило, скупаются монеты античности и периода Крымского ханства. На Южном берегу создана целая сеть таких закулочных пунктов. Но скупленные ценности здесь не перепродаются. Нити сбыта, как правило, ведут в Севастополь, оттуда — заказчикам в Москву, а из Белокаменной у реликвий путь один — за границу. Спустя год-другой скифские и готские вещицы появляются на прилавках европейских антикварных магазинов, несколько позже некоторые из них можно видеть в каталогах лондонских и нью-йоркских музеев, где они фигурируют как находки из... Малой Азии.

По словам специалистов, в Крыму действуют три мафиозные группировки, специализирующиеся на разграблении памятников древностей. Еще не так давно господствующее положение занимала керченская мафия. Но сейчас ситуация изменилась. Окрепшая в закрытой от конкурентов погранзоне, севастопольская группировка довольно быстро установила свой контроль почти над всем полуостровом, сумев вытеснить «керченцев» даже с Керченского полуострова! Потеряв такой лакомый кусок (еще бы, Керчь — средоточение памятников Боспорского царства), керченские «свинорой» не растерялись и перенесли свою деятельность в Россию, где достойных конкурентов у них пока нет.

Ялтинская мафия еще удерживается на своих позициях, но по масштабам деятельности явно уступает «севастопольцам». Поговаривают, что сейчас практически все ялтинские «друзья» так или иначе работают на Севастополь. За спиной тех — мощные и внешне весьма респектабельные коммерческие структуры. Но и эти «коммерсанты» — посредники: именно московские «антиквары» дают конкретные заказы. Они неплохо платят исполнителям, но львиная доля доходов оседает в Москве и у европейских переку-

щиков. А про то, как древности попадают за рубеж, знают лишь коллекционеры, таможня, военно-транспортная авиация, торговый флот и Господь Бог. Возможно, кое-что знает и Интерпол, но что с того проку? Однажды ниточка «культурно-криминального» клубочка привела нас к одному... военно-патриотическому объединению. Формально они занимаются благородным делом — поиском и перезахоронением останков павших во время второй мировой войны. «Патриоты» одного из подобных севастопольских объединений были весьма раздосадованы, когда их взяли с поличным на скифском могильнике.

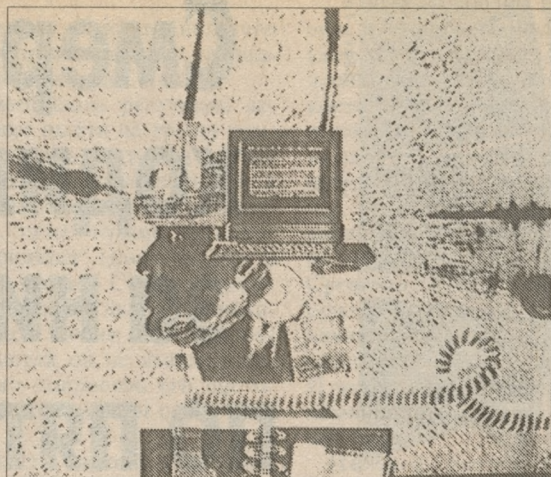
Где выход? В ответ на этот вопрос крымские археологи уныло пожимают плечами. Наиболее оптимистично настроенные предлагают создать спецподразделения по борьбе с грабителями древностей, наподобие греческих и итальянских («...и расстреливать пойманных «грабил» на месте — тогда еще можно что-то спасти...»). Но кто будет этим заниматься — до археологии ли сейчас?!

А что Закон? За всю историю нашей археологии было только два прецедента наказания грабителей древностей. Один — в фильме «Джентльмены удачи». Второй тоже больше похож на киноанекдот — преступнику, застигнутому на месте преступления, дали на процессе в Бахчисарае два года условно. А затем и вовсе скопостили приговор до полугода — опять же условно. Да еще вернули конфискованное — то, что успел выкопать! В Италии, Греции или Турции грабитель в подобной ситуации рискует куда более серьезно — его на месте могут застрелить полицейские или упрятать за решетку лет на пять — семь...

Статья 230 Уголовного кодекса РФ. Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры.

Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры либо природных объектов, взятых под охрану государства, — наказываются лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом...

Уголовный кодекс РФ

Брижит Бардо — добыча для пирата

...К вечеру он отправился в вагон-ресторан и вернулся с бутылкой «Советского шампанского». Остановился в коридоре и, высунувшись в окно, стал ее откупоривать... Ветер подхватил длинную белую полосу пены и унес ее назад, на восток, вместе с пробкой, оставшейся лежать в украинских степях. Бутылка и ее обладатель продолжали ехать на запад, на границу, к Чопу. С откупоренной бутылкой и мятым пластмассовым стаканчиком он зашел в наше купе. Мы не просили его рассказывать о своей жизни. Но до Италии пятнадцати российским туристам оставалось ехать еще двое суток. Надо было чем-то их занять. Каждые три минуты он прихлебывал из стаканчика, и поэтому речь его становилась все более эмоциональной, а жесты — решительными.

— Когда я первый раз два года назад отправился за товаром, друзья говорили: «Лешка в Италию едет. Фильмы с Челентано привозить будет». Хорошо... Я захожу в Милане в магазин и первым делом говорю продавцу: «Дайте мне все кассеты с Челентано, какие у вас есть». И он у меня спрашивает: «Синьор, кто это такой?» Представляете? Нет, понятно, у нас десять лет назад зарубежных фильмов почти не было. И вдруг — «Укрошение строптивого». Для нашего поколения он на всю жизнь звездой остался. А там его уже и не помнят.

Но потом я стал всем этим заниматься уже серьезно. Потому что сейчас надо искать новые пу-

ти. Лучшее европейское кино прошло мимо нас. И на этом можно делать бизнес.

Раньше я и Америкой занимался. У меня был приятель, мы с ним конкурировали. Потом решили разделить сферы влияния. Он взял себе американское кино. Работает потрясающе. Все первые пиратские копии — его. «Парк Юрского периода» он выбросил на московские прилавки раньше, чем его в Америке начали продавать.

Но я считаю, что самое интересное досталось мне. Я занимаюсь европейскими фильмами. Два раза в год езжу за ними в Италию или Германию. У меня есть знакомые продавцы, они знают, что мне нужно, и к каждому моему приезду находят товар.

Вы много фильмов смотрели с Брижит Бардо? А с Роми Шнайдер? А кто такая Сильвана Помпанини знаете? Для наших видеотек это все необычный товар. Но когда их предлагаешь, оказывается, что спрос очень большой. Чем сейчас рынок заполнен? Боевиками. Но это только для подростков. То есть их и взрослые люди покупают. Но чтобы потом весь день говорить: «Такую муру вчера посмотрел, уже сейчас ничего не помню».

А фильмы, которые я привожу, — их всей семьей можно смотреть. Вы детективы любите? Вы «Психо» видели? Как он с ножом из-за занавески появляется! Я ночью сидел, озвучивал. В комнате, один. Мне страшно стало. Я даже телевизор на две минуты выключил. Вот это кино! Но все оно

прошло мимо нас. Даже если фильм у нас когда-то шел, неважно. Люди вспомнят и захотят купить. Помните, у нас лет 15 назад показывали «Народный роман» с Микеле Плачидо? Я в прошлую поездку купил его и выбросил на наш рынок — люди с ума сойдут.

Ребята, Америка — все! Это самое глупое кино. У меня много знакомых из мира бизнеса. Они мне раньше говорили: «Что ты нам одни американские боевики предлагаешь? Мы что, тупые? Мы хотим шедевры смотреть».

Я вожу сложное интеллектуальное кино. Жулавского, Питера Гринуэя. Я Вернера Херцога вожу. Нужно кому-нибудь «Носферату». К кому обратиться? Ко мне. Я — единственный в Москве человек, у которого это можно достать.

Из каждой поездки я привожу чемодан кассет. Надо их переводить. Для этого у меня по Москве сидит целый штат сотрудников. Образованные пожилые женщины из бюджетных институтов. Институт киноведения, например. Ну какое сейчас киноведение? А я за перевод даю больше, чем они получают за месяц. У меня даже один кинокритик есть с именем, с итальянского переводит. Все меня любят, все мне благодарны. Потому что я реальную работу даю.

Вы, наверное, думаете, что у меня своя студия есть, особняк, охрана? Я у себя дома, в квартире работаю. На меня соседи в милицию жаловались. И в психушку хотели отправить. Потому что я по ночам фильмы озвучиваю. В квартире все спать легли, никто мне не мешает. Я включаю видак, беру подстрочник, который мне мои тетенки сделали, и выкаблучиваюсь как хочу. Если вы купите кассету с итальянским фильмом — значит, это от меня привет. На девяносто процентов будет мой голос.

Я работаю с хорошими фильмами. Европейское старое кино — там и юмор есть, и любовь, и сюжет хороший. Ну... почти как у нас.

Ребята! Самое хорошее кино — это наше, советское. Только его надо смотреть! Наши фильмы — лучшие в мире! Вы «Берегись автомобиля!» сколько раз смотрели? Я — раз во всем точно. И еще хочу. А «Мюнхгаузена» помните? Как Янковский его за волосы хватает? «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» А как Кикабидзе в «Не горюй!» танцует! Та-ра-ра-ра! (Пытается танцевать между вагонных полок, падает. Из соседнего купе появляются его помощники, Алан и Сергей, и уносят его спать.)

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ИТАР-ТАСС

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Смерть ходила за ним по пятам

Ксения КЛИМОВА

Машина, пробив дорожное ограждение, понеслась по откосу с легкостью и скоростью консервной банки, на полном ходу врезалась в воду и через полминуты превратилась в огромный аквариум. Внутри колыхались два тела: шофера Витьки и дельфинера Аркаши. Захлебнуться тела не успели, хотя Аркаша сильно стукнулся виском обо что-то твердое. Когда его извлекли с рваной раной за ухом, он пребывал в состоянии полнейшей прострации и, кажется, даже не осознал, что с ним произошло. А осознав, мог бы с полным правом произнести: «2:0». Потому что это был второй раунд, выигранный Аркашей Чебышевым в матче со смертью — чисто, без особых усилий.

По признанию всех, кто знал Аркашу, смерть ходила за ним по пятам. Если с крыши срывался кирпич, можно было не сомневаться, что он просвистит мимо уха Аркаши. Просвистит, но не заденет. Он не нарывался на неприятности. И все-таки именно с ним постоянно случалось нечто странное.

Потом счет стал 3:0. Пошел Аркаша купаться вместе с компанией, аккуратно сложил на пирсе шорты и маечку. Шторма не было. Все попрыгали в воду и завопили от радости. Аркаша прыгнул молча и сразу исчез. Видели, как его подняла волна и зафиксировали странный жест, которым Аркаша провел по лбу и щеке. И снова исчез. Его вылавливали всем миром и достали полумертвого, с легкими, полными воды. Яростно вытряхивали из него воду, заставляли дышать. Отчего захлебнулся обладатель разряда по плаванию и «корочек» аквалангиста — никто не мог понять. Десять дней Аркаша проторчал в больнице. Из всего

происшедшего он ясно помнил, что вошел в воду правильно и не ударился. Просто глотнул воды, и все.

А еще у него была репутация везунчика. Он мог выйти на трассу темной ночью, поднять руку — и первая же машина оказывалась попутной, а шофер — не жадиной. За вином стоило посылать тоже только Аркашу: придет и принесет моментально и без больших затрат. Ссоры в присутствии Аркаши не набирали накала и кончались ничем, хотя миротворческих мыслей он не высказывал. Стоило только попросить его постоять рядом, и конфликт сам собой рассасывался.

Очень немногие знали, с чего началось его везение и когда именно он открыл счет в своих играх со смертью. В курсе перипетий Аркашиной жизни были люди, чья специальность называлась сухим шелестящим словом: суицидологи. Дело в том, что на заре юности Аркаша совершил суицидальную попытку, очень честную и страшную. Он действительно попытался уйти из жизни, и ему действительно повезло — он выжил. Большая часть суицидентов такое везение рассчитывает, чтобы испугать окружающих, но не умереть всерьез. Аркаша хотел умереть всерьез. Иначе бы не стал пить кислоту, обошелся бы таблетками. Ему удалось выжить, хотя первый раунд чуть было не стал последним.

Все сошлось для Аркаши в тот тоскливый год. Все поганое, подлое и неудачное, что может случиться с человеком семнадцати лет, случилось. К тому же кончался период, который психологи называют пубертатным. В это драматичное время, от 13 до 17, чуть не каждая мыслящая личность способна подумать: а не помереть ли мне? Но далеко не каждая что-нибудь предпримет для приближения своей кончины.

Аркаше пришлось оставить работу в цирке, где он обретался с седьмого класса, — любимую работу с лошадьми. Цирк уехал, а Аркаша остался. Его не приняли в театральный институт, потому что после конкурса, как раз перед собеседованием, он угодил в драку, и девица, которую Аркаша по глупости пытался защитить, смылась с места событий. Предательство было особенно противно. У Аркаши не осталось ничего, кроме работы на заводе, абсолютно противоположной его творческой натуре, и скандалов дома — родители вечно ссорились. Тогда он и задумал уйти. Выплеснул в стакан на кухне уксусную эссенцию и опрокинул ее в рот.

Ему повезло немедленно по прибытию в «Склиф». Точнее, повезло

еще в дороге, потому что сразу не умер от шока, но это бывает. А выжившие после стакана пахучей жидкости остаток дней едят манную кашу и говорят хриплым голосом — кислота сжигает все внутри: и глотку, и пищевод. Эта участь ждала бы и Аркашу, но соседом по палате оказался алхимик-одиночка, много лет изобретавший средство от ожогов. Средство предназначалось для наружного употребления, но, видимо, алхимик преуспел, потому что тайно принятое внутрь, оно подействовало. И через месяц Аркаша мог есть даже лимоны, к восторгу и недоверию врачей.

Избегав смерти, Аркаша обрел статус везунчика. Он сразу из «Склифа» попал в редкую экспериментальную клинику, тогда только основанную, и у него стали брать интервью и писать о нем статьи, потому что журналистов тогда в клинике обреталось больше, чем больных. Он познакомился с людьми, не оставившими его в дальнейшем. Для суицидологов Аркаша был профессиональной удачей. За ним наблюдали потому, что шестая часть суицидентов пытается вновь уйти из жизни. Наблюдали и убеждались: Аркаша выбрался, для него кризис миновал, и он будет жить, и жить нормально, а возможно, и счастливо.

А главное, те, кто с ним возился после попытки самоубийства: психологи, сотрудники Центра по изучению и предупреждению экстремальных состояний, их друзья и знакомые, — помогли Аркаше найти работу — удивительную работу с дельфинами. После клиник, мрака, тоски и отчаяния он попал в мир моря и солнца, где стал дельфи-не-ром — дельфинийм тренером.

Дельфинарий, где работал Аркаша, располагался между Анапой и Новороссийском. Здесь дельфины служили науке, и сотрудники двух или трех институтов делали себе диссертации. Пока не нашелся умный человек, сообразивший, что неплохо бы здесь делать еще и деньги, пуская поглазеть на дельфиний цирк посетителей.

Аркадий честно прошел конкурс, подтвердил свою способность общаться с животными и два года пахал на строительных работах по превращению грязного озера в бассейн. А потом в озерцо привезли дельфинов. Их везли в поролоновых носилках и в дороге поливали водой. Сухие дельфины могли заболеть и умереть, а легкими они дышали запросто. Их красиво называли «афалины», и Аркаша распевал это название.

В этом удивительном мире Аркаша был отнюдь не последним лицом.

Роль ему удавалась. Дельфины прыгали в обруч, артистично достигали шеста и показывали чудеса синхронного плавания. Это было красиво: несколько животных, сверкая на солнце, хором выпрыгивали из воды, все в лад ныряли и снова появлялись на волнах. И красив был стройный парень, как дирижер, стоявший над ними с тонкой палочкой.

В свободное время дельфинеры чудили. Аркаша мог взять на поводок тюленя и потащиться с ним на побережье, пусть «пусик» поплавает в открытом море! За такие выходы и неровный характер Аркаша зарабатывал кличку Казимир Алмазов, но, подобно дрессировщику тигров из древнего фильма, он вовсе никому не завидовал, ни с кем не сводил счетов. Все у него было хорошо. Не считая упавшей машины и швов на голове.

А тем временем дело дельфинье пошло в гору. То есть не просто пошло, а побегало, и стали дельфинеры ездить на гастроли за границу. Сначала в Израиль, где было так хорошо и животным, и людям, что хоть не уезжай. Потом в Германию. И завелись у Аркаши деньги. Он, правда, не умел их ни беречь, ни тратить с толком. Но это тоже черта, характерная для везунчиков.

Аркаша умер в Чили. Умер глупо и странно — заснул в ванне, отключив предварительно вентилятор, потому что жужжание мешало ему слушать музыку. Он заснул, а газовая колонка продолжала работать, исправно накачивая маленькую комнату продуктами горения. И комната стала смертной камерой.

В вечер своей гибели Аркаша не пил ни капли. Утром, когда увидели тонкую струйку воды, просочившуюся из-под двери, решили, что Чепышев не выключил кран по глупости. А Аркаша был мертв уже несколько часов... Он ушел, когда все у него сложилось так, как можно было только мечтать. Был влюблен и счастлив. Имел успех и друзей. И все-таки смерть настигла его. Он был светлым человеком, не склонным эпатировать окружающих мрачными выходками. Несчастный случай, и все, забудьте.

И забыть бы, если бы не другие дети пубертатного возраста, демонстрирующие, как боевые ранения, следы от суицидных попыток. Лишь один процент покушавшихся на самоубийство уходит. Остальные живут и забывают обиды, швырнувшие их на грань жизни. Минздрав предупреждает: не играйте со смертью, могут не успеть спасти, учитывая состояние «скорой помощи». Так и сгорит по глупости молодая жизнь. Но, может быть, однажды поиграв и

выиграв, следует ждать, что смерть вернется, как возвращается злая вирусная и недолеченная болезнь.

Существуют проблемы, которые приковывают к себе внимание с редкостным постоянством. Не по причине их значимости и актуальности, а благодаря щемящей человечности. Почему они уходят, когда жить бы да жить, уходят сами, когда любому живому должно инстинктом бежать смерти, опасаться ее?

Лет 40 назад самоубийства стали массированно изучать, самоубийц разбивать на группы, рассматривать, классифицировать. Все это для того, чтобы предупреждать, противостоять и бороться, но до сих пор смерть из-за самоубийств стоит в ряду других значительных причин смерти взрослого населения. И стоило возникнуть какой-либо глобальной версии причин роста суицидальных смертей, как тут же всплывали данные, опровергающие ее. И исследователям приходится все время оговариваться: но в то же время... Самая простая мысль — уходят от плохой жизни, от нищеты — оказывается опровергнутой немедленно. Из 8 стран, традиционно держащих высокий уровень самоубийств на 100 тысяч населения, все высокоразвитые, обеспеченные, процветающие: Финляндия, Австрия, Дания, Швейцария, Германия. Когда существовал социалистический лагерь, в число суицидально-опасных стран входили и Венгрия, и ГДР, и Чехословакия. Может быть, проблема в географии? Ведь все эти страны расположены в Северной и Центральной Европе. Ан нет. Умирают добровольно и на юге, и на востоке. В Японии, на Кубе. Реже — в Африке. Колонии вообще устойчивей метрополий.

Только-только исследователи договорились, что пик самоубийств приходится на возраст 60—70 лет, как поступили данные о Сальвадоре — стране, имеющей низкий уровень самоубийств, где добровольно умирали почему-то сплошь молодые — 15—24 года — люди. «Молодежный» пик самоубийств могла ненадолго обрести любая благополучная, с этой точки зрения, страна. В нашей стране договорились выделять два «пика»: 20—30 лет и за 50.

У нас в стране все добровольно покидающие нашу замечательную действительность вообще долгое время считались психически больными. Только в результате яростной борьбы исследователям удалось доказать: больных примерно четверть. Еще четверть суицидентов абсолютно здорова. Оставшаяся половина может быть причислена и к больным, и к здоровым — это люди

в пограничном состоянии. Но стоит ли вообще, говоря о самоубийствах, оперировать большими числами и глобальными понятиями? В 1975 году специалисты ВОЗ проанализировали сведения о самоубийствах из 24 стран и убедились, что существует бесчисленное множество возможностей интерпретировать эти сведения как угодно, в подтверждение самых смелых гипотез. Надо сказать, данные отражали то ли реальное положение дел, то ли различия в регистрации самих суицидов в разных странах. В Англии, например, где попытка самоубийства до 1961 года приравнивалась к преступлению, цифры, естественно, занижались. И последующее их повышение не отражало реальности: не самоубийц стало больше, а их просто стали правильно считать.

Если на макроуровне невозможно сделать никаких обобщений, не обратиться ли к каждой личности? В России в начале века в статистических сборниках, иллюстрирующих уровень самоубийств, публиковались предсмертные записки добровольно ушедших из жизни. Собирал и анализировал их правовед А.Ф.Кони. Он решил, что французы в своих последних словах слегка театральны, немцы — меланхоличны, русские пишут послания огромной душевной боли или свидетельства неожиданно ироничного отношения к себе и своей смерти. Именно русские изобрели клише «Прошу в моей смерти никого не винить» — мы всегда были очень добры к близким, которых бросали.

Позднее записки исследовали компьютеры — искали в них ключевые слова и подсчитывали их. Американский суицидолог Э.Шнейдман изучал последние «прости» 25 лет и пришел к выводам, близким к мыслям Кони. Шнейдман нашел в записках много общего. Он поразились близости, сходности, почти клишированности выражений. В конце концов он признал, что слова, оставляемые человеком на грани жизни и смерти, на редкость банальны, неинформативны и скучны. Грандиозности события или эмоций они никак не отражали. Возможно, потому, что в этот момент человек уже живет в особой пустоте и к смерти он ближе, чем к жизни. Но ведь Шнейдман не литературоведческое исследование писал. Он искал разгадку тайны самоубийства. Его книга так и называлась: «Ключи к разгадке самоубийств». Она вышла в 1957 году.

Современные исследователи тоже поразились одинаковости, банальности записок. Предсмертные послания обвиняли или каялись, их ав-

торы витали в облаках или давали четкие распоряжения о деньгах и имуществе, но при этом возникало ощущение некой заданности, запрограммированности ситуации. Стандартные объяснения поступка наводили на мысль о существовании модели самого поступка. Теперь мы знаем, что суицидальные модели поведения есть, это — реальность. Как реальные слова уходящего. Люди тонкие, уходя, обвиняют себя. Более примитивные — жену или соседа. Как будто одна и та же болезнь проходит с некоторыми вариациями у разных людей. Течение же самой болезни предопределено. Не смерть ли ей имя?

Абсолютно оригинальные были только душевнобольные. Их собственный недуг диктовал им слова о схватке с Богом и дьяволом или подсказывал параллели в цветах и звуках. Просто диву даешься красоте большого сознания. Но смерть была второй болезнью для них, следствием первой, и первая, душевная, оказывалась ярче в симптомах.

О том, что самоубийство — болезнь, и возможно заразная, свидетельствовал гений. Когда в 1774 году вышли в свет «Страдания юного Вертера», в Германии прокатилась волна юношеских самоубийств. А Гете, излив свою боль на бумагу, от этой напасти освободился. Пафос и логика изложения за два века ничуть не изменились: зараженный смертью жил и говорил так, как говорят и после него и до него. Разве это не симптомы, неизменные признаки еще неизвестной реальности?

Может быть, и эта гипотеза — ошибка. Но как тогда быть с Аркашей — юношей, которого смерть все же догнала? Возможно ли жизнь потратить на то, чтобы обнаружить в организме покусившихся на жизнь свою особое вещество, какой-нибудь «эс-мезон», который, однажды зародившись, размножится, и носитель его уйдет, уже сам не желая, не помышляя об уходе. Все это не будет иметь никакого отношения к загорелому мальчику, кормившему из рук дельфинов...

Смерть ходила за ним по пятам, а он гладил дельфинью кожу и смотрел в умные насмешливые глаза животного. Как нелепо все это кончилось! Вернуться бы вместе с Аркашей Чебышевым, но не в ванную комнату чилийской гостиницы, а на московскую кухню, где он стоял, переливая в стакан яд, чтобы глотнуть его вместе с не названной еще бациллой смерти.

Когда история эта была уже написана, стало известно о самоубийстве молодого актера. С Аркашей Чебышевым они были знакомы и одно время дружили — как раз в то время, когда Аркаша выжил. ■

ИТАР-ТАСС

Игровой момент:
Россия —
Камерун

Такой футбол нам не нужен,

но когда будет другой — неизвестно

Максим ВОЛОДИН

После чрезвычайно тихого возвращения сборной России из США с первенства мира по футболу и игроки, и тренеры «не высываются», чтобы не нарваться на отечественных журналистов. Тем временем, как это и полагается по давнишней традиции, начался поиск «виноватых» дома. Первыми среди них оказались прежде всего «отказники» в лице Шалимова, Канчельскиса, Кольванова, Кирьякова, Кулькова, Иванова, Добровольского, которые, подписав известное «письмо 14-ти», не изменили своим принципам и позициям относительно руководства сборной и национальным футболом. Теперь кое-кто из функционеров от футбола, возможно, причислит их чуть ли не к «предателям нации», ибо именно этих ребят не доставало нашей команде за океаном.

Как известно, российская команда оказалась единственной в США, кото-

рая выпустила на американские стадионы, в частности в Пало-Альто и Детройте, всех 22 игроков, попавших в заявочный список. То есть перетасовка состава продолжалась вплоть до третьего матча с камерунцами, а пик спортивной формы футболистов, можно сказать, пришелся на обратный полет в Москву.

Однако до отъезда домой наша сборная разваливалась на глазах. Если поражение — 0:2 — от бразильцев считалось всеми как бы естественным, с учетом того, что наследники Пеле стремятся стать в четвертый раз обладателями Кубка мира, то беспомощная игра со шведами — начало и одновременно конец ее, на мой взгляд, авантюрного выступления в США. Так и не найдя, не сформировав костяк команды и сменив полсостава на поле душного стадиона (крытого и в этом смысле — единственного в мире) «Силвердоум» в Детройте, главный тренер Павел Садырин вывел в линии полузащиты и нападения такую пеструю смесь «ле-

гионеров», бывших «отказников» и «штрейкбрехеров», в свое время поддержавших висевшего на волоске наставника сборной, что игра шла по принципу действий известных героев крыловской басни — Лебедя, Рака и Щуки.

Кроме справедливого удаления Горлуковича, произошли два ЧП: Бородюк, которого заменили во втором тайме, разругался и затем не здоровался с руководством команды за то, что, как он выразился, «его опозорили на весь футбольный мир». А Саленко, гонявший на тренировке мяч в бутсах фирмы «Рибок» — одного из многочисленных спонсоров сборной России, — успел в тоннеле, за несколько минут до выхода на поле, переобуться в «Пуму», сославшись на то, что его ноги привыкли к этой обуви, чем вызвал гнев полпредов «Рибока»...

Но больше всего меня поразила реакция ребят после поражения от шведов: приняв душ в раздевалке, они, радостно улыбаясь, кинулись

навстречу своим женам, подругам и друзьям, предусмотрительно доставленным в Детройт. Между прочим, из-за некоторых членов этой «группы поддержки» руководство нашей делегации чуть не устроило международный скандал, когда посольство США в Москве на несколько дней задержало выдачу им виз...

Тогда мне подумалось: вот бы руководители Российского футбольного союза Колосков, Тукманов, Симонян с такой же настойчивостью бились за согласие «отказников», которые до последних дней перед отправкой официальной заявки, по имеющимся сведениям, были готовы к компромиссным переговорам. Так нет, наши функционеры предпочли язык ультиматумов, факс-телеграмм с первым и последним предупреждением, и в итоге команда в США с треском провалилась.

Разговоры по поводу «договорных» или «джентльменских» поражений сборных Бельгии и Аргентины просто унижительны и грустны, ибо, как известно, не стоит строить собственное благополучие за чужой счет. Более того, слухи рождают слухи — например о том, что за спиной того же Садырина могущественные деятели футбола вели кое-какие переговоры с африканцами о «поблажках» с их стороны, а кое-кто утверждает, что «разоблачение» несчастного Марадоны якобы заранее было спланировано заинтересованными коммерческими структурами в качестве элемента «международного заговора» против футболистов России...

А если говорить всерьез, то я целиком согласен с точкой зрения Льва Филатова, патриарха отечественной футбольной журналистики, который, как и миллионы болельщиков, желал увидеть наших в 1/8 финала с единственной целью — узнать в конце концов, на что же была способна команда Садырина в матче с одним из претендентов на медали первенства — сборной Германии. Однако все произошло по высшим законам справедливости, и вполне понятно огорчение нашего высокопоставленного болельщика — премьер-министра России Виктора Черномырдина, который с бледным лицом уходил из ложи почетных гостей на стадионе в Детройте.

А вскоре самый главный знаток отечественного спорта, бывший волейболист, а ныне заядлый теннисист — президент России Борис Ельцин, при активном содействии своего советника по физкультуре и спорту Шамиля Гарпищева, занялся чисткой авгиевых конюшен в родном футбольном хозяйстве.

Первым делом президентским указом освободили от работы новоиспеченного председателя Комитета РФ по физкультуре и спорту Юрия Портнова, который, приехав в США в составе «команды» Черномырдина, оставил своего шефа, чтобы досмотреть первенство мира—94 не по телевизору в московском кабинете, а на трибунах американских стадионов. Там его и застала грустная весть об отставке за хроническую бездеятельность и беспечность.

Следующим «отставником» может оказаться сам Садырин, который еще до отъезда за океан громко пообещал уйти с поста в случае если его подопечные не войдут в число 16 сильнейших команд мира. Уже после поражения от шведов и «шлагбаума», опущенного перед нашей командой болгарами, которые одолели аргентинцев, Садырин подтвердил это свое намерение.

Тем временем сборная России после завершения предварительных игр пополнила свой список ЧП: записали (официально — «нарушили спортивный режим») Юран, Горлукович и Радченко. Первого, который, по сути, предал сплоченную группу «отказников», отчислили из команды и досрочно отправили восвояси, а на остальных был наложен «административный» штраф в размере 5 тысяч долларов. Сумма вроде солидная, но стоило бы посмотреть на размеры баулов, с которыми наши футболисты и их жены, едва успевшие отовариться в Сан-Франциско, выгружались в аэропорту Шереметьево-2 по возвращении в Москву! Не зря все-таки слетали на чемпионат...

Как бы то ни было, но пока остается в тени ключевая во всей истории сильнейшего «удара по национальному престижу России» (формулировка Ш.Гарпищева) фигура — В.Колосков, президент Российского футбольного союза. Между прочим, по предложению своего давнишнего приятеля и учителя президента ФИФА Жоа Авеланжа он еще на два года продлил свое пребывание на посту вице-президента ФИФА от... СССР.

Напомню, что первая попытка властных структур сменить Колоскова в кресле главного футбольного функционера России закончилась бесплодно и он поехал в США, так сказать, на белом коне. Мне кажется, что вопрос «кто есть кто в российском футболе», как и в прежние годы, будет решаться в Кремле и пока никто не берется предсказать, чем закончится новая попытка подвигнуть В.Колоскова на отставку.

Вынужден объективности ради

продолжить список «виновников» поражения сборной страны: это не только функционеры от футбола, но и те средства массовой информации, которые беспрестанно предоставляли слово Колоскову и его «команде» в ходе известного скандала, а в качестве поощрения получили оплаченные командировки в США для своих спецкоров. Мало кому из болельщиков известно, что РФС взял на себя поименное распределение 25 аккредитационных карточек, выделенных ФИФА для российской прессы. В их число, естественно, не попали «неудобные» и «непослушные» издания («Труд», «Российская газета», «Сегодня», «Собеседник», издательство «Физкультура и спорт»...). Дело дошло до того, что освещающий восьмой по счету чемпионат мира (на этот раз — для читателей «Труда») известный обозреватель Валерий Винокуров был, как оказалось, аккредитован от... американской газеты и одновременно передавал репортажи для радиостанции «Свобода». До последнего момента «красный свет» горел и перед Владимиром Маслаченко...

К сожалению, беспомощной в деле защиты коллег оказалась Федерация спортивных журналистов страны, пропустив этот очередной гол в свои «ворота».

Впрочем, как мне представляется, одними оргвыводами в болшевицком стиле тут не обойтись: отечественный футбол давно и хронически болен. Поэтому требуется не только хирургическое вмешательство, но и терапевтическое лечение с участием специалистов, знатоков футбола, с регулярным наблюдением за состоянием столь авторитетного и популярного «пациента». Иначе нас ждут очередные провалы — ведь первенство Европы—96 и чемпионат мира—98 не за горами.

Сан-Франциско—Детройт—Москва

 PAREX BANK
Без проблем и формальностей!

**ОБМЕН И
ОБНАЛИЧИВАНИЕ
ВАЛЮТЫ В ДЕНЬ
ЗАЧИСЛЕНИЯ**

**ОТКРЫТИЕ
КОДИРОВАННЫХ
СЧЕТОВ**

тел. в Риге 0132-325766, 331541
факс 224576 325305

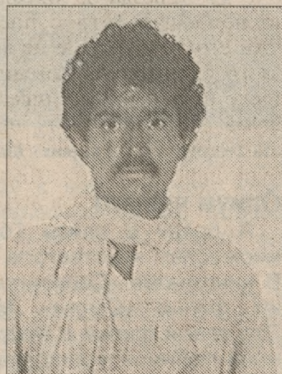
Человек без имени

Кому нужна такая жизнь?

Все чаще в вагонах метро и подземных переходах к нам тянутся руки нищих. Кто-то скептически улыбается: «Спектакль!» Кто-то протягивает деньги и равнодушно спешит дальше. Чтобы в полной мере ощутить страдания нищих, необходимо побывать в их шкуре. Как это и сделал французский журналист Марк Буле. В совершенстве выучив хинди, он почти два месяца, загримированный и переодетый в нищего, мотался по городам Индии. Итогом этого эксперимента стала удивительная по тонкости наблюдений и искренности книга «В шкуре отверженных», которая выходит на Западе. Отрывки из нее мы и предлагаем вашему вниманию.

Марк Буле
до метаморфозы...

...и после

Человек-невидимка

Глубокая ночь. Ждать дальше бессмысленно. Во рту — отвратительный привкус. Может быть, это привкус страха, который волнами поднимается откуда-то снизу. Выкуриваю последнюю сигарету, потуже затягиваю пояс и шейный платок, застегиваю ветхую рубашку. В кармане позвякивает несколько рупий — на самый крайний случай. Паспорта нет. Я спрятал его, если будут обыскивать. Скандала быть не должно.

Итак, я готов к новой жизни. Что толку размышлять над своим превращением? Всех вариантов не просчитаешь. Хочется поскорее выйти на улицу. Погрузиться в эту реку, в которой плывущие тела подчиняются совсем иным, не общепринятым законам. Я ухожу в лабиринт...

Снаружи — ни фонаря, ни огонька в окне. Хоть глаз выколи. Темнота рождает расплывчатые призраки. Подхожу поближе. У входа в лачугу женщины готовят поздний ужин, прямо на земле, над жаровней. На меня — ноль внимания. Чуть дальше несколько мужчин: кричат, ссорятся. Эти тоже меня не замечают. Я что, человек-невидимка?

Потом я еще много раз буду проходить по этому кварталу, и его обитатели будут смотреть сквозь меня. Когда я стану переходить улицу, автомобили не будут замедлять свой ход. И именно мне, а не им придется

остановиться и подождать.

Еще вчера я, представитель западной цивилизации, свободно ходил по улицам, одетый в шорты и тенниску, эти же самые водители останавливались, даже если я переходил улицу в неустановленном месте. Мои шорты — здесь их носят только гости с Запада — были для них красным светом.

Сегодня ночью, впервые за все время пребывания в Индии, у меня нет имени. Я забыл его. Я растворился в своей роли. Прежнего Марка Буле нет. Ничто: ни цвет лица, ни одежда, ни привычки местного населения, которые я долго изучал со стороны, — не отличает меня от других обитателей этого человеческого муравейника. Я — человек без имени. Я — человек без лица.

Вокзал. «Подайте нищему!»

...У платформы номер один готовится к отправке пассажирский поезд. В Индии во многих поездах стекловит. В окнах — лишь металлические перекладки. Нищие, прося милостыню, могут протягивать руку прямо внутрь вагона.

Я смотрю, как это делают другие. Долго не решаюсь. Но на размысленные времена нет: пропадет всякая решимость. Сильно бьется сердце. Пульс насквозь пробивает виски. Впервые в жизни я иду на это. Мне

стыдно и страшно. Я почти схожу с ума, и страх душит горло. Я подхожу к окну поезда и, оставившись на пассажира лет пятидесяти, шепчу: «Дайте мне денег, господин!» Я слышал, что другие нищие именно так обращаются за подаванием. Не глядя на меня, господин отворачивается с такой гримасой, будто от меня дурно пахнет.

Я подхожу к следующему окну. Еще дальше, еще. За мной, прося подавную, следуют уже пятеро нищих. Ядвигаюсь как бы автоматически с протянутой рукой. А мне машут: «Отстань!» или: «Иди проси дальше!»

Я обманут и разочарован. Но не слишком удивлен тем, что мне никто ничего не дает. В Индии полтора миллиона нищих. Невозможно одновременно жалеть полтора миллиона человек. Такой большой жалости на свете не существует. Однако эти нищие не умирают с голоду все одновременно и как-то умудряются существовать. Может быть, я неправильно взялся за дело?

Трудно размышлять над глобальными вопросами в процессе попрошайничества. Я продолжаю просить милостыню, перехожу в другой вагон. Как глупо и отвратительно это, на верное, выглядит со стороны. Особенно для пассажиров, которых я беспокою. Решаю быть более настойчивым, остановившись перед аккуратно одетым человеком лет сорока пяти в тонких очках. Он выглядит достаточно зажиточным. Я стою, прижавшись лицом к его окну, протянув руку, гляжу с мольбой, на глазах — почти слезы. Повторяю еще и еще раз усталым голосом: «Господин!» Каков я, однако, артист! Пассажир смотрит на меня абсолютно мертвыми рыбьими глазами. Вы видели мертвую рыбу на берегу? Этот тип даже не улыбается. Сцена длится мгновение. Он молчит, оставившись на меня, я повторяю вполголоса, робко: «Я голоден». Тот, в конце концов, отвечает: «Пойди поспрашивай подальше. У меня совсем ничего нет!» Какое вранье!

Сосед из ближнего окна, увидев меня, спрашивает: «Чего ты хочешь?» «Денег», — отвечаю. «Чего? — Денег. — Зачем? — Чтобы есть. Я голоден». Я кладу левую руку на живот. Тот отвечает: «Ты молод. Иди работай!» Я не знаю, как парировать, и безо всякой надежды иду дальше вдоль поезда с безжалостными окнами.

Но вдруг мне улыбается удача. Только я протягиваю руку к пассажиру лет сорока, как тот начинает рыться в кармане. Просто так или ищет для меня деньги? Да, действительно. Он достает монету и кладет мне в ладонь. Я прикладываю монету

ко лбу в знак благодарности и уважения с таким жаром, как если бы это был божий дар. Я счастлив, жизнь продолжается. На этом свете не перевелись сострадание и жалость к ближнему своему. Эта первая подачка — всего четыре сантима в пересчете на французские деньги, но она доставляет мне такое чувство блаженства, сравнимое разве что с полнотой ощущений во время оргазма. Оргазм нищего.

Приговор: умереть от тоски

Мое главное занятие — убить время. Дни тянутся невыносимо медленно. Делать мне нечего: только попрошайничать и ждать. В полдень я отдыхаю на вокзальном мостике, прислонившись к балюстраде.

До смены лица мне часто приходилось бывать на вокзале, чтобы изучать толпу. Журналистское любопытство на сытый желудок. Сейчас — настроение другое. Основы моей жизни поколеблены, и я уже не тащусь на вокзал просто ради удовольствия. Я предпочел бы находиться в другом месте, но выбора нет. Я уже не зритель в зоопарке, каковым является этот вокзал. Я — один из этих зверей за решеткой нищеты. Вокзал стал моей тюрьмой, и мне кажется, что жизнь материальная, осязаемая, со всеми ее радостями, дружбой, любовью не может существовать вонне этой тюрьмы. Я уже ни о чем не думаю, кроме себя. Я уже не могу представить себе, что люди живут где-нибудь в другой стране, за сотни и тысячи километров отсюда. Другая жизнь. Все, кто за границей вокзала, — для меня существа фантастические, ирреальные. Реальный мир — это я и вокзал. Это нормальный мир. И я его ненавижу.

Моя Вселенная — поезда, платформа, забегаловки, железнодорожники, полицейские, пассажиры, маленькие сапожники и некоторые другие попрошайки. Вот и все! Я пью чашу этого мира до дна. Меня презирают, как паршивую собаку, я мало ем, плохо сплю. Кажется, потерял несколько килограммов в весе. Каждый раз, когда солнце поднимается над горизонтом, весь сценарий разыгрывается сызнова. Я ненавижу рассветы. Просить милостыню, быть унижаемым, искать пропитание, дремать, а не спать. Какая жизнь! Никакой светлой мечты, никаких надежд на лучшее. Я оглядываюсь назад. Кому нужна такая жизнь?! Я хотел бы сесть на поезд и уехать. Но куда? Чтобы просить милостыню на другом вокзале? Какой в этом смысл? Я приговорен умереть от тоски.

На террасе храма кормят нищих

Опиум нищего

Я бреду в район Годхаули. Там множество кинотеатров. Мне везет. В кинотеатре «Сарасвати» показывают фильм «Санжи». Музыкальный. Это новый фильм с Мадхури Дикшит, моей любимой индийской актрисой.

Покупаю билет в партер за девять с половиной рупий на полуденный сеанс. Раньше я всегда покупал билеты на балкон, но теперь этого удовольствия позволить себе не могу. Балкон — на три рупии дороже.

Партер переполнен, как братская могила. Мокрая жара, удушье. Все сильно потеют. Из спинок кресел даже выдавливается пена — так они пропитаны потом. Из сидений торчат пружины, которые нещадно царапают заднее место.

Неожиданно экран освещается, и я забываю обо всем на свете. Все, что заставляет забыть о существовании вокзала и моей жизни, — это экран.

Вдруг мне начинает казаться, что этот фильм — волшебная сказка. Я чувствую себя как мальчишка, жадно вперивший глаза в мультфильм Уолта Диснея.

На экране появляется очаровательный облик Мадхури Дикшит. Она играет слепую девушку, танцовщицу в «пип-шоу». Джеки Шруф — бедный уличный певец, герой с большим сердцем, пытается вырвать героиню из болота. Он дает приют девушке, прячет ее в своем убежище, в недостроенном доме. Они влюбляются друг в друга и после многочисленных препятствий и страданий, согласно классической схеме индийского кино «потерялся — нашелся», слепая красавица находит благодаря возлюбленному менестрелю свою мать, миллионершу. В заключение тан-

цовщица и певец женятся. Добродетель и страдания вознаграждены.

Какая жалкая мелодрама, сказал бы любой нормальный кинозритель!

Три месяца назад я и сам смеялся над фильмами с участием Мадхури. Я спрашивал себя: какие существа, помимо вшей, просвещают голову бедного индийского кинозрителя, если он по несколько раз ходит смотреть этот супердешевый фильм. Какова психология восприятия таких зрелищ?

Теперь я сожалею, что так зло смеялся. Я погружаюсь в интригу, я мечтаю. Не замечаю дефектов съемки, неправдоподобия и наивности сценария. На кинематографических обочинах нет мусора, не бродят голодные коровы, нет жалких лачуг. Больницы, офисы, магазины — все как в кино. У каждой вещи — свое место. Сказочная Индия! Я путаю фильм с реальной жизнью. Я пью этот наркотик и забываюсь...

Пляски святого Рамы

Вспоминаю, что последний раз ел вчера вечером в Годхаули. Голод терзает мой желудок. Я решаюсь поискать один из храмов, в которых иногда бесплатно кормят нищих. Поворачиваю на улочку, идущую через центр города мимо великолепного дворца. Еще сотня метров — и выхожу к толпе людей в оборванной одежде, сидящих на террасе вокруг храма Рамы. Фасад храма сделан из белого камня и чудно оформлен голубой лепкой. Я понимаю, что эти люди у входа в храм ждут обеда. У многих из них — выставленные напоказ алюминиевые котелки. Чистенький карлик в черных штанах и зеленой рубашке в клеточку поочередно выстраивает их в линию спиной к хра-

му и осматривает. У карлика — поступь хозяина. Я, как и все, разуююсь и взбираюсь на террасу и прямо спрашиваю его: «Нищему здесь можно покушать?» Он не отвечает на мой вопрос и молча указывает: «Садись вон туда!»

Я нагибаюсь, чтобы присесть на корточки на свободное место. Тотчас шестеро индуистских монахов начинают возмущенно кричать, что место занято. Я отвечаю: «Ответственный по храму сказал мне сесть сюда. — Уходи в другое место. — А где мне можно сесть?» «Не знаю», — говорит монах, сидящий рядом со свободным местом.

Две старушки приходят мне на помощь и кричат на монахов: «Оставьте его в покое, пусть садится. Он имеет полное право». Потом, обращаясь ко мне, одна из них говорит: «Положи свой мешок сюда и садись!»

Я подчиняюсь, и монах, что справа от меня, что-то злобно бормочет сквозь зубы. Хорошо, что старики поставили на место этих монахов в робах шафранного цвета. В противном случае я мог бы сказать «до свидания» своему обеду. У меня спала с глаз пелена. Я обнаружил в этих монахах тот же эгоизм, что и у бродяг с вокзала. Я воображал, что они — мудрецы, оторванные от пошлых реальностей и иллюзорных представлений о мире, безо всяких лишних желаний и амбиций, с сильным характером, великодушные гуру. Оказалось, они не прочь влезть в скандал по поводу бесплатного обеда для нищих.

...Из храма выходит тщедушный, довольно бледный человек. Должно быть, это сам священник, потому что он уверенно раздает монахам, сидящим рядом со мной, цимбалы. Потом бросает нам вскольз: «Идите и пойте «Сита Рама!» и хлопайте в ладоши!» Почему бы и нет? Сита — супруга Рама, и эта пара, жизнь которой посвящена идеалам всеобщей любви, символизирует также человеческий идеал справедливости, верности и искренности. «Мудрецы», владеющие цимбалами, задают ритмы и начинают петь. Мы подражаем им. Я тоже пою и хлопаю в ладоши: «Сита Рама! Сита Рама! Сита Рама! Да здравствует Сита Рама!»

Это почти забавно. Вначале, по крайней мере. Мы поем пять минут, четверть часа, полчаса. Но еды никакой не видать. Ничего. И я должен тысячи раз повторять «Сита Рама!».

Ужасное состояние, но, к счастью, через открытые окна храма долетает запах вареного риса и вновь возрождает надежду на то, что обед скоро будет подан. Интересно, будет ли это «кихари», или рис с пюре из

чечевицы, а может, овощное рагу. Для меня все сойдет. Я на мгновение останавливаю свою пляску, и индуистская обезьяна бросает на меня гневные взоры. Бабушки также показывают мне, чтоб я сильнее бил в ладоши. Мне это надоело. На-до-ело! Но я не прекращаю хлопать в ладоши, в моих интересах не размягчаться, потому что по террасе прохаживается священник и зорко следит за тем, насколько энергично каждый из нас бьет в ладоши. А петь и хлопать нужно с убежденностью и вдохновением! И может быть, если мы поем надлежащим образом — таков смысл во всем этом издевательстве, — тогда нам кое-что и дадут.

...Мы долбим «Сита Рама!» уже час. Я повторил эти слова, по меньшей мере, две тысячи раз. Вдруг священник замечает, что одна из старушек задремала от изнеможения. Он приближается к ней, нахмутив брови, потом наклоняется над бедной женщиной и прямо в ухо кричит ей: «Ооо!»

Бабуля подпрыгивает. Надеюсь, с сердцем у нее относительно в порядке, иначе на одного едока сегодня стало бы меньше.

«Ты, сволочь, спала!» — гремит священник. «Нет! Нет!» — вскакивает на ноги бабуля. «Вставай! Начинай петь сначала!»

Старушка прикасается к ногам священника, чтобы тем самым выразить свое раскаяние и попросить прощения. И она начинает петь, и здоровенный священник стоит, осклабившись, глядя на эту бессильную пожилую женщину.

Я в бедственном положении. Охрип голос, болят ладони. Руки ничего не чувствуют, кроме острой боли, потому что я обязан мэхать ими перед собой. Целый час это очень долго. Это шестьдесят минут. Это 3600 секунд. Пробовал ли кто из нормальных людей на этом свете хлопать в ладоши в продолжение часа, повторять: «Сита Рама! Сита Рама!».

Я превращаюсь в молоток с наковальной. Моя песня — это железо, а голова — наковальня, по которой я бью словами «Сита Рама!». Проходит еще полчаса — все на последнем дыхании.

И тут священник с видом, подобным Христу, делившемуся последней горбушкой хлеба, передает на террасу бананы с кучей картонных тарелок. У него вид благодетеля, который осчастливил человечество. Но роль эту он выдерживает, увы, не до конца. Подойдя к нашей толпе, он начинает от груди метать картонные тарелки в разные стороны, и они, разлетаясь, падают на землю, на наши

головы. Он обращается подобным образом как с мужчинами, так и с женщинами, и со старыми, и с молодыми, и с оборванцами, и более-менее прилично одетыми. Никакой дискриминации — мы все равны для него, этого брахмана, служителя храма, расположенного неподалеку от места рождения бога Рама. Бога, призывающего к всеобщей любви.

Старый служитель внезапно появляется из глубин храма с ведром из белого железа, в котором плотно утрамбован вареный рис, и большой кастрюлей с подливой. Он начинает выдавать порции. Кучка риса на картонной тарелке и ложка подливы. Он делает эту операцию не нагибаясь: чтобы не приближаться к нам и, может быть, избежать всяческого контакта. А может, чтобы просто не утруждать себя. Но поскольку рис падает в тарелки с высоты его роста, то не всегда попадает куда нужно, на лету разваливаясь и рассыпаясь. Крупинки падают на землю. Мы подбираем его, обдуваем от пыли. Каждую рисинку. Но прежде чем нам дозволяется накинуться на еду, мы еще раз обязаны вознести благодарность великодушному Рама, подарившему нам этот обед.

Мы накидываемся на нашу трапезу. Рис жжет пальцы. Тем лучше. Тем яснее цена этой горстки риса. Это так приятно есть. Но вкус не ощущаешь. Приятно другое: заполнение пустоты твоего желудка. Твоего бедного, измученного желудка.

Из храма выходит другой, неизвестный мне человек, и начинает раздавать беднякам по две рупии. Бабули учат меня, что я должен свернуть бумажную тарелку с недоеденным, иначе мне ничего не дадут. Такие вот порядки.

Казначей и священник проходят рядом с нами, и неожиданно священник говорит, указывая на одного из моих соседей, который хлопал в ладоши молча. «Морда мне его не нравиться, ничего не давай ему...» Мой сосед подпрыгивает и многократно открывает свой рот, как рыба, выкинутая на берег. Он нем. Он обращает свой немой крик в спины удаляющимся благодетелям...

Подготовил С.ТОЛКАЧЕВ

Фото из журнала
«Нувель обсерватор»

Не снимайте про меня кино!

Всемирно известная американская актриса Элизабет Тейлор в ближайшее время намерена предъявить иск телевизионной компании Эн-би-си на десятки миллионов долларов. Причина иска — намерение компании снять многосерийный фильм о жизни актрисы.

По данным газеты «Нью-Йорк пост», Тейлор не устраивает то, что сценарий фильма, возможно, будет основан на книге писателя Дэвида Хеймана, которая должна выйти в свет в мае 1995 года. В книге, которая предположительно будет называться «Интимная биография», автор исследует личную жизнь актрисы, часто показывая ее далеко не в лучшем свете. В частности, в ней рассказывается о том, как многие из бывших мужей актрисы (сейчас она замужем уже в восьмой раз) били ее и подвергали издевательствам, а это, по мнению юристов актрисы, может помешать экономическим предприятиям Элизабет Тейлор. Сегодня она известна не только как актриса, но и как дизайнер и производитель духов. Но какая же американка захочет купить духи Лиз Тейлор, если накануне вечером она увидит на телеэкране, как один из супругов знаменитой актрисы волочит ее за волосы по полу или наносит удары в живот? Вряд ли кто-либо из представительниц прекрасного пола соблазнится такой судьбой, а зна-

С МИРУ ПО НИТКЕ

чит, и велика вероятность того, что спрос на духи Тейлор значительно понизится.

На первый взгляд актриса должна была бы судиться с автором книги и его издателями, но она решила не делать этого, посчитав, что влияние даже самой популярной книги вряд ли существенно скажется на прибылях парфюмерной компании. Другое дело телевидение, с его «наглядностью» и многомиллионной аудиторией. Не считаться с этим не может себе позволить даже легендарная Элизабет.

Питонов потянуло к знаниям

Настоящей осаде подвергли могучие питоны университет нигерийского города Уйо, сея панику среди студентов и преподавателей. С

начала мая в его учебных корпусах и общежитии было найдено 9 огромных рептилий.

Так, один из питонов облюбовал себе убежище под кроватью в студенческой комнате и был обнаружен случайно. Лишь с помощью охраны удалось справиться с непрошеным гостем. Судя по отложенным яйцам, дневал и ночевал он в комфорте довольно долго. Добрались питоны и до самого проректора. На прошлой неделе представителя семейства удавов нашли в его кабинете.

К счастью, ни среди студентов, ни среди преподавательского состава университета жертв и пострадавших пока нет, разве что от нервного расстройства.

Буренки-астрономы

Редкая удача выпала на долю стада канадских буренок. Им удалось случайно обнаружить обломок метеорита, упавший неподалеку от Монреаля. Как рассказал журналистам владелец стада — житель деревеньки Сент-Роберт Стефан Форсье, — он застал своих коров сбившимися в кучу и с глубокомысленным видом рассматривающими небольшой кратер, появившийся откуда ни возьмись на его поле. Заразившийся любопытством от своих «подопечных», Форсье заглянул в дырку тридцатисантиметровой глубины, где и обнаружил «небесное тело» размером с приличный грейпфрут.

Как удалось впоследствии

установить ученым, космическим пришельцем оказался обломок более крупного метеорита, который на скорости около 100 километров в секунду врезался в землю, вызвав яркую вспышку и мощную звуковую волну.

По утверждениям канадских геологов, размеры огненного шара, который в день происшествия наблюдали многие жители окрестностей Монреаля, а также сила прогремевшего взрыва говорят о том, что вторгшийся в земную атмосферу метеорит имел куда более крупные размеры. Однако на подлете к земной поверхности он, скорее всего, распался на несколько частей, одну из которых и обнаружили, к своему огромному удивлению, канадские буренки.

Профессор, вы не правы!!!

Пора вступительных экзаменов в вузы заботит сегодня не только российских абитуриентов и родителей, но и их коллег в других странах мира. Не обходится и без курьезов.

В испанском городе Малага абитуриенты одного из факультетов местного уни-

верситета и их родители возмутились и заявили протест приемной комиссии после того, как насчитали 14 орфографических и грамматических ошибок в списке вопросов, подготовленном профессорами к вступительному экзамену по химии.

Как указывается в тексте протеста, «наличие целого ряда грубых ошибок в экзаменационных билетах серьезно затруднило понимание вопро-

сов для абитуриентов».

По мнению более «умеренной» части поступающих, равнодушно или негативно воспринявших идею подачи протеста, неосведомленность профессоров-химиков в орфографических и грамматических тонкостях родного испанского языка еще хоть как-то можно оправдать их «углубленностью» в свой любимый предмет. Но даже эти абитуриенты признают,

что делать ошибки в написании имен всемирно известных химиков nepозволительная роскошь для университетских профессоров.

Как разрешила приемная комиссия столь сложный казус, пока неизвестно, однако в случае «победы» абитуриентов их ожидает переэкзаменовка. Впрочем, не исключено, что руководство университета решит проэкзаменовать и самих профессоров химии.

А/О КанСтар
предлагает свои услуги по
изготовлению следующей продукции:

КанСтар

- жесткая маркировка и ярлыки на промышленные товары;
- картонная тара и упаковка;
- фирменные бланки предприятий;
- бутылочные этикетки;
- пригласительные билеты;
- прозрачные папки с эмблемой предприятий и другую полиграфическую продукцию.

Ждем вас по адресу:

Москва, Кутузовский пр-д, 8
Первый Московский приборостроительный з-д
им. Казакова
Отдел кадров, 2-й этаж, 2 комн.

Тел. (095) 249-65-65

Столовый пер., 7
Тел. (095) 291-50-14

Уважаемые Господа !

Торгово-Финансовая Компания

"Героз"

продолжает прием

денежных вкладов от населения

с выплатой высоких процентов.

*Минимальный срок вклада -
3 месяца,*

*с возможным получением процентов
ежемесячно.*

*Минимальный вклад -
200 000 руб.,
для пенсионеров и инвалидов -
50 000 руб.*

***Обязательное страхование
деятельности компании !***

Адрес: Тетеринский пер., д. 16,
офис 15, этаж 2
(м. "Таганская-кольцевая").
Телефон/факс: 915-20-71.

Время работы с 11 до 19 ч. ежедневно,
кроме воскресенья и понедельника.

Внимание ! Открыт новый пункт приема
денежных вкладов по адресу:
ул. Краснобогатырская, д. 79,
корп. 2а, 1 этаж
(м. «Преображенская площадь»).
Телефон: 963-0435.

ФИРМА

«LAUREL»

ПРОДАЖА
КВАРТИР В МОСКВЕ

НЕДВИЖИМОСТЬ
В АНГЛИИ
И ГОЛЛАНДИИ

С 10 ДО 18 ЧАС.

449-3933 449-3943

449-3764 445-4263

445-1462 445-3988

1—
КОМНАТНЫЕ

2—
КОМНАТНЫЕ

3-6—
КОМНАТНЫЕ

114-1893 407-9813 ПОСЛЕ 18 ЧАС.

Гармонически развитый Юрий Рост

Известный журналист и фотохудожник Юрий Рост еще тридцать лет назад дебютировал на телевидении как автор-ведущий. Тогда он учился в Ленинградском университете и при своей общительности не мог не подружиться с замечательной молодежной телередакцией «Горизонт», которая во времена оттепели была известна своими необыкновенными экспериментами. Но потом Юру пригласили работать в Москву, в «Комсомольскую правду», где подобрался не менее яркий народ. В газете Роста привлекло то, что он все делал сам и за все сам нес ответственность: не был связан с киногоруппой, аппаратурой, техническими сложностями. При его ставшей легендарной независимости и непредсказуемости это было очень важно. Правда, за долгие годы у нашего читателя выработалось привычное недоверие к газетному слову, отчасти поэтому Ю.Рост стал снимать своих героев на пленку. «Зрительный образ был аргументом, что я не вру, — объяснял он, — постепенно мне стали доверять, потому что подбор людей, о которых я писал, говорил сам за себя». Он назвал свою постоянную рубрику столь любимым впоследствии словом «Взгляд».

Очерки и фотопортреты Роста цепляли читателя не по-газетному глубоко. Иногда они всплывали в памяти спустя годы, даже у тех, кто не обращал внимания на фамилию автора. Многие, например, помнят историю оставленной хозяином в аэропорту собаки, которая все встречала и встречала самолеты, не веря, что существует предательство.

Но все же телевизионная «отрава» спустя десятилетия дала свой рецидив, и появилась передача со странным названием «Конюшня Роста». Тут даже не скажешь, что журналист решил попробовать что-то

На окраине Ржева

новое. Потому что для него это — хорошо забытое старое.

— Сложно ли вам было перейти от газетной журналистики к телевизионной?

— Честно говоря, телевидение мне пока не очень нравится. Сидишь и видишь только то, что этот экран показывает. В театре можно посмотреть налево, направо, на декорацию, сосредоточиться на одном актере, на другом. Если зафиксировать движение глаза, вы увидите, какое оно сложное. А при взгляде на экран — простое. Все главное уже отобрали для вас оператор, журналист, режиссер. Это абсолютизм, принудительное зрелище. Сознание этой принудительности сидит где-то внутри меня.

— Странно, что вы подходите к телевидению не с газетной, а с театральной меркой. У вас роман с театром?

— Конечно! Я же родился в гримуборной. В буквальном смысле. Отец был актером в Киеве. Когда они поженились с мамой, она была еще очень молодой. У них даже не было комнаты, они жили прямо в театре.

Мои родители очень не хотели, чтобы я стал актером. Тем не менее, учась в Киевском институте физкультуры, я приехал в Москву поступать в театральный и дошел до третьего тура. Меня отговорили переходить, потому что в институте физкультуры была военная кафедра, а из театрального я бы сразу попал в армию.

А когда кончил институт, возникло новое увлечение — журналистика. В молодежной сборной Союза по водному поло подружился с ребятами из Ленинградского университета. Им был очень нужен вратарь в университетской команде. Я поехал в Питер

и поступил сразу на два факультета: на журналистику, где меня и ждали — вратарь ведь дело уникальное, и на вечерний — на английскую филологию. На филологии проучился до третьего курса. Потом начались спецдисциплины — кельтский, староанглийский. А я к тому времени уже начал работать в газете, на телевидении, и просто не стало времени. К тому же еще и тренировался. Так что я такой, гармонически развитый.

— И как, это помогает вам в работе?

— Все мои качества мне только мешают. Нужно привязывать себя к столу, чтобы работать.

— Вы же фантастически добросовестны, готовы все переделывать по сто раз.

— Это другое дело. Если бы дали возможность, я бы переделал и то, что уже прошло в эфире. Вот завтра приду и немного распотрошу готовую программу, ждущую выпуска. Там есть два плана, немного манерных. А тема не позволяет этого.

— Делая передачу, вы адресуетесь к конкретным зрителям?

— Конечно. Это — человек шесть моих знакомых. Рейтинг аудитории мне безразличен. Я не рассчитываю на «зрителя вообще». Скорее, озабочен тем, чтобы не было стыдно перед друзьями. У них высокий уровень оценки, а значит, если нравится им, то понравится еще каким-то думающим людям. Читателям. Читатели и читатели — разные аудитории. В принципе, ни одна телекомпания на мне не заработает. REN-TV пока терпит. С ее создательницей, Иреной Лесневской, у меня раньше было шапочное знакомство. Но она буквально атаковала меня: «Работай у нас!» Я ей рассказал, что оборудую

Первая фотография Юрия Ростя. 1946 г.

Баба Дарья

мастерскую, «конюшню». Это действительно бывшая конюшня при старой московской усадьбе на Чистых Прудах.

Я придумал, условно, три типа программ. Первый тип — «Стоило», где я один, с фотографиями, с кино- и аудиоматериалом. Другой тип — «Манеж», когда в мою конюшню приходят гости. Например, я собрался позвать Сережу Юрского. Может, мы вдвоем разыграем интермедию, развлекая друг друга и рассказывая о чем-то. В конюшне можно все сыграть, как на сцене, даже крохотный подиум есть. Третий вариант — «Рысистые испытания». Это все, что связано с выездами.

Ирена предложила: «Давай вложим деньги в твой ремонт, потом заработаешь и отдашь». Я отказался. Сам,

сам все сделаю. Я, еще в газете работая, за свой счет ездил в командировки, чтоб никто не мог меня упрекнуть, будто зря истрачены деньги. Такая дурь у меня. На REN-TV никто надо мной не нависает, никакой давилочки. Не представляю, в какой другой компании мог бы работать. Видно, Ирена сама натерпелась на Гостелерадио.

— Какой момент создания передачи для вас самый важный?

— Собрание материала. Я ведь накопитель. Если бы удалось подобрать команду, понимающую, что сбор материала важнее всего — монтажа, озвучивания, дикторского текста! Это как жизнь. Рождение — случайность. Смерть — закономерность. Я писал о фотографии, что она фиксирует смерть момента, который никогда уже не повторится. А выход передачи в эфир — публичные похороны. Об этом в детстве все мечтают: вот

Сванские мужчины в отсутствие женщин

Сванские женщины в отсутствие мужчин

умру, как вы будете плакать! А потом осеняет — я же этого не увижу. А тут видишь реакцию окружающих — похоронили, а потом все живые ходят.

— Чем телевидение, по-вашему, является в большей степени — властителем дум, средством влияния на общественные мозги, домашним кинотеатром?

— Всем, что вы перечислили, плюс еще многое. Этот шар состоит из десятков сегментов. И информация, и искусство, и культура, и мускулатура, и пошлятина, и идиотизм. Какое общество, таковы и жанры.

— Вы, по-моему, тоже похожи на такой «шар». По крайней мере, в вас уживаются профессиональная совестливость, порядочность и бережность вместе с жуткой необязательностью: подводите, опаздываете, как говорят...

— Кого это я подвел? Назовите!

— Считаете, что это легенда?

— Легенда и есть. Если я кому-то обещал прийти в гости и не пришел... Да, я необязательный. Необязательный в необязательных делах.

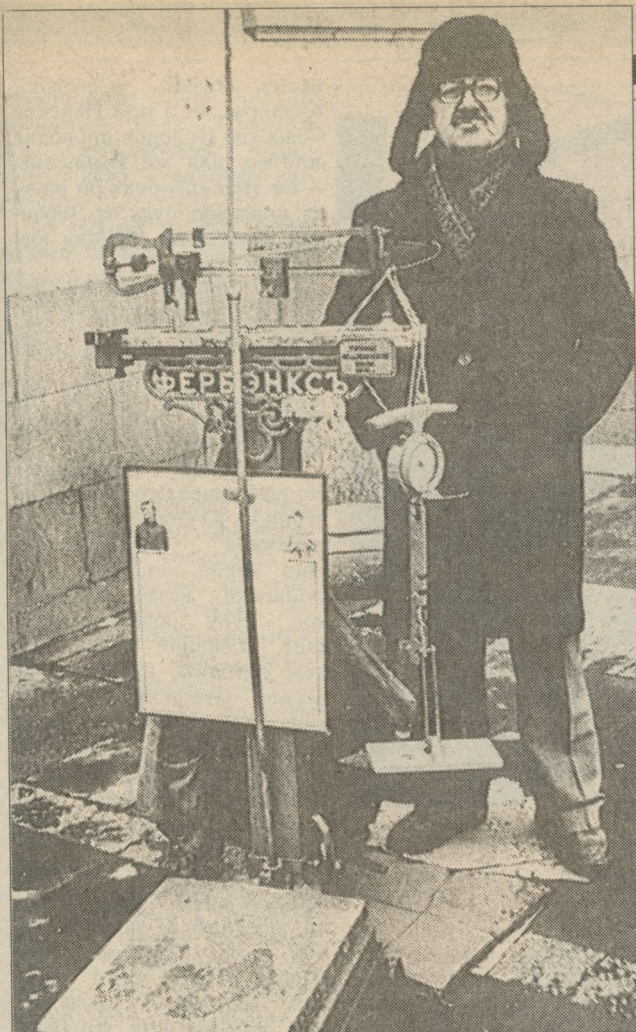
Легко не опаздывать тому, кто плел на всех. Сказал, что будет к четырем, и тут хоть трава не расти, хоть дом сгорел у товарища — он едет к четырем. А если к тебе в это время приехали из другого города, если кому-то срочно надо найти врача...

— Друзья вас очень эксплуатируют?

— Да, честно говоря, я сам охотно отвлекаюсь от работы. А благородный поступок — замечательный повод отлынивать.

— Вы как-то опоздали на нашу встречу и сказали, что перед вашей машиной упало дерево.

— Знаете, говорить правду не всегда

Ереванский весовщик дядя Степа

Московский чистильщик дядя Гриша

Грузинский беженец из Гальского района

удаётся. Только дураки и жестокие люди всегда говорят правду. Приходится катить перед собой снежный ком фантазии. И он все накручивается, накручивается...

— А какие дела для вас святы?

— Жизнь, смерть, болезни, помощь. Иногда даю осечки. Должен был отвезти на вокзал жену приятеля. Сидел, работал, работал. И в 9 вспомнил, что в 7 поезд. Третью неделю переживаю. Я же обещал. Мой привычный для всех образ не позволяет сказать «не успеваю», «не могу». Я как бы

всегда свободен.

— Вас любят. Всеобщий любимец.

— Знаю. Поэтому у меня нет претензий к любым легендам. Я тоже вижу в людях в первую очередь доброе. Хотя замечая все — и дурное, и хорошее. Даже когда не вижу — все равно вижу. Для меня очень важна деталь.

— Все ли эти детали остаются на пленке?

— Не всегда. Зачем, если человек что-то хочет скрыть? Я не выворачиваю его наизнанку. Человек всегда одинок. Так он устроен. Бывают разные формы защиты от одиночества — в семье, в детях, в работе, в поведении, иногда скверном. Но скверное поведение хорошего человека от хорошего поведения скверного человека я отличу. Отношусь к людям хорошо, потому что сам слеплен из того же теста. Знаю, что иногда нетерпим, а иногда — нестерпим. Моя задача — увидеть то, что не увидели другие. В журналистике, в фотографии мне это несколько раз удавалось. Так что, думаю, и на ТВ удастся.

Маша ТОПАЗ

«Московский дворик»

Дворик, который был четвергом

Мифы прошлой культуры вызываются к жизни двумя известными методами: спиритическими сеансами политиков и юбилеями.

Васнецов с Нестеровым понадобились понятно кому, Поленову с Репиным просто выпала дата — 150.

Первым в Третьяковке пошел Поленов: публика умилялась, эстеты кривились.

Николай МАЛИНИН

Есть писатели «одной книги» (Грибоедов, Ершов, Венедикт Ерофеев), есть художники «одной картины» (Пукирев, Саврасов, Малевич). К последним, по логике, надо было бы отнести и Василия Дмитриевича Поленова, кабы его «Московский дворик» не был так солнечно-сладостен и настойчи-

во-умилителен.

Надо отдать должное трезвости художника — сам он «Дворик» иначе как «картинкою» и не звал. «К сожалению, я не имел времени сделать более значительной вещи...» — писал Крамскому. Но «значительному» времени «незначительный» сюжет показался сенсацией. В 1878 году искусство еще с большой буквы писалось,

а тут: не дворец, не двор, так — дворик! Академизм был в очередной раз посрамлен, но и передвижники получили щелчок: всех «тягот» — ребенок оружий.

Дворик-то он дворик, да стоит особняком. Ничто в поленовской эволюции «Дворика» не предвещало. И за ним — ничего.

С другой стороны — «Дворик» везде; «бесконечный дворик», как выра-

зилась газета «Сегодня». Аукалось ли в нем Царское Село, где Поленов проводил детство, или же Имоченцы — но этот «дворик» он рисует повсюду: будь то Франция, Палестина, Греция или Турция.

Как Горький повсюду возил свой кабинет, так и Поленов всюду таскал свой дворик.

Везде одно и то же голубое небо, белые стены, ослепительное солнце.

Его солнце — полуденное. Не заходящее Левитаново, не сугривое Куинджево, не сумеречное врубелевское. Оно яркое, плотное и, в сущности, везде одинаковое. Этот ослепительный свет, заливший самые разные пейзажи, нашел логическое завершение в картине «Большая». Такого великолепного электрического света, что льется из тамошней настольной лампы, в XIX веке не нари-совал никто.

Это солнце освещало весь его путь. У него не было ребенка с заячьей губой, как у Врубеля; наоборот, полная чаша, внук, вон, заседает в президиумах, дай бог ему здоровья. Он не был горбуном, как Борисов-Мусатов; наоборот — красавец мужчина, дамский угодник. Не мучила нужда, как Саврасова; наоборот — усадьба, заграникомандировки, коллекция. Еврейский вопрос не терзал его, как Левитана; никаких комплексов насчет происхождения: чистокровный дворянин...

В общем, все у человека было. Вот только гений и благополучие — две вещи несовместные. Увы.

Он честно и терпеливо искал. Был баталистом, портретистом, пейзажистом; был декоратором, архитектором, теоретиком. В конце концов, оказался народным художником республики.

Ему казалось: нашел. Главным делом жизни счел цикл картин «Из жизни Христа». Нарботал много, снабдил комментариями, картами: «Христа и грешницу» прямо с выставки купил царь... Достойное уважения

мероприятие, вот только обмолвка Льва Толстого все перечеркивает: «Христос у него — какой-то полотер».

Не находя в себе боли, полагающейся «русскому художнику», искал, чтоб приткнуться, какую-нибудь идею. Рисуя библейскую серию, мечтал «нести людям идею добра и всепрощения». Но как все дидактичное, идея ложилась мертвым равнодушием на лицо Спасителя...

Люди получались неживые, вяленые, вымученные. Репин вспоминал о молодости друга: он «начинал», «задумывал», «выпестовывал интерьеры»; «красивые залы, дивно освещенные, великолепные троны, колонны — картины грандиозные и совсем готовые, оставались только люди... И тут художник охладевал...».

«Право господина» невольно отразило собственное представление молодого барчука о предмете: никакого страха на лицах девушек, никакой брезгливости; что уж говорить о довольном сладостлюбце.

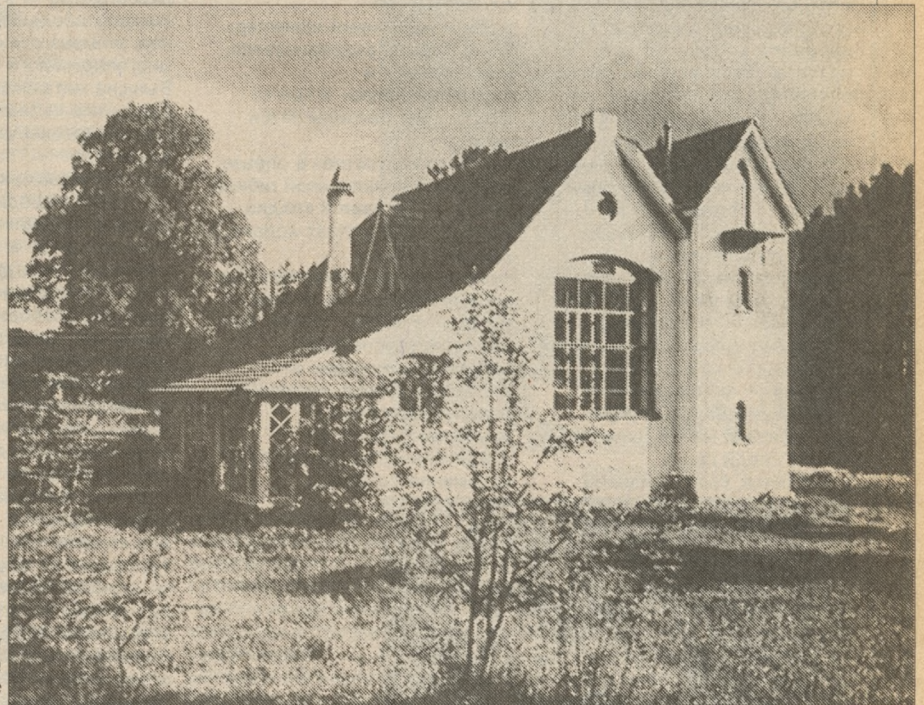
Ничего «идейного» не получалось; Серов мечтал рисовать «отрадное», но тоска (или хотя бы грусть), обличающая гения, пробивалась сквозь все перси и персики. Поленов же, берясь за самый драматический сюжет, все равно оставался спокойным и умиротворенным. Недаром Стасов намекал ему остаться во Франции: «Склад души у вас не русский».

Ах, ему бы отдаться этому свету, легкости, блеску — и быть нашим первым импрессионистом! Или, действительно, остаться во Франции и стать там импрессионистом последним... Но «идея» кляпом торчала во рту; жаль, что Спаситель не захаживал в «Фоли-Берже»: тут бы Поленов развернулся!

Роль же первого импрессиониста подарил Коровину. Роль лучшего пейзажиста — Левитану. Место главного портретиста — Серову. Оказался тем талантом, который находит и

*В.Д.Поленов
за работой*

*«Аббатство» -
мастерская
В.Д.Поленова
в Борке*

у которого гений, как водится, крадет.

Он остался в истории учителем и провозвестником; не только русского импрессионизма, но и «ми-рискунства»: с какою силою загремят у них струны, чуть тронутые Поленовым в «Бабушкином саде»!

Ужасная неловкость вышла с «Золотой осенью» и «Заросшим прудом»: надо ж было им дать одинако-

вые названия! И что такое Поленов рядом с Левитаном? Победенный учитель, победитель-ученик. «Мило, талантливо», но не Левитан.

Им восхищались Головин, Нестеров, Коровин, Остроухов, Левитан — и место ему, наверное, надо искать где-то около Фортуни. Знаменитые поленовские «четверги» — в сущности, точная метафора: перед пятницей-Врубелем, суббо-

той-Левитаном, воскресеньем-Серовым он был именно «четвергом».

...А самый большой вклад в русский пейзаж он внес отнюдь не «изображая», а «преображая»: выстроив великолепное «Аббатство» и церковь в Бехове; едва ли какой другой «пейзаж» ему так удался.

Устами клоуна

**«Клоуны»
Международный
театральный центр
им. М.Н.Ермоловой,
реж. А.Левинский**

«Вечные деньги! Вечная любовь!» — восклицает герой повести «Глазами клоуна» Белля. Казалось бы, маловато, но для вечного искусства — достаточно. Две части великолепного спектакля Алексея Левинского объемлют как раз две названные темы, но добавляют к ним рефлексию по поводу самого искусства, того, что имеет свои начала и концы в искусном теле кудесника-клоуна, или гистриона, или каботина, или жонглера — в общем (по-русски), лицедея. Обнаженный железный каркас перекрытый потолка, под которым развешаны причудливые и забавные предметы вроде клетки с чучелом птицы или мишени с растробом; деревянный станок-помост, чей травянисто-зеленый цвет гармонирует с красными ступенями обычных приставных лестниц; круглые коробки, простые табуреты — вот почти и весь нехитрый скарб, используемый комедиантами. Первая часть — «Дарио, Барио и компания. Клоунада» — воскрешает подлинные французские клоунады начала века. В отличие от феллиниевских документальных «Клоунов», где носители масок Дарио и Барио, среди своих соратников, были призваны

воплотить горькую ностальгию по исчезающему искусству «белой» клоунады, работа Левинского лишена выраженной тоски по утраченному. Лишь странная расстановка, замедленность ритма и отстраненная сдержанность напоминают о том, что огонек игры слаб и обращаться с ним следует осторожно. Если б спектакль ограничился «вечными деньгами», которых Дарио ловко лишает простаков и резонеров, ему грозила бы опасность превратиться в реестр реликвий. Но «вечная любовь» приходит на помощь — и актеры разыгрывают «Кармен. Драмму». Счастливая мысль — использовать речитативы, ариозо и песни из либретто оперы Бизе в качестве драматических диалогов и монологов — придает действию очаровательно-выспренный и одновременно всецело-шутливый характер. Сама Кармен раздваивается на «оперную» и «драматическую», а где-то посередине располагается субстрат «вечного искусства» в образе Микаэлы — маленькой гибкой девушки, которая и сладко поет, и ловко делает колесо, и красиво читает чувствительные монологи. Тут же и бравые вояки, отвага которых отлипают от них, как неплотное пригнанное нагрудники-мундиры от клоунских одежд. Нелепость персонажей прямо пропорциональна их убедительности: здесь опять вспоминается Белль,

описавший в одном эссе трубочиста, который, сорвавшись с крыши, раскачивается на куске кровли и предается лирическим излияниям. Надежда, что трубочист никогда не упадет, слаба, но Левинский упрямо дарит ее нам.

М.С.

Живая радость

**Юбилейный
вечер Игоря Бриля
ЦДРИ**

Получается так, что из всех радостей шестидесятичной культуры самой живой и бесспорной осталась радость джаза. Некогда реформаторский театр разменялся на скучные дрязги. Знаменитые «оттепельные» писатели все больше разбегаются — кто под сень комфортабельной Европы, кто под знамена отечественного многопартийного ангажмента. Бывшие мятежные поэты и барды все пытаются культивировать свою трепетную политехнически-костровую ностальгию среди грубого бурьяна молодежного стеба... И только джаз в этом море культурного раздрызга сохраняет достоинство поистине свободного острова искусства, демократичного по форме и элитарного по содержанию, творящего свой неповторимый праздник. Подождите еще немного — если, конечно, мы все окончательно не сойдем с ума, — и этот праздник станет самым модным и престижным, ибо создадут его не натужные тусовщики от шоу-бизнеса и не наркотические зомби от арт-богемы, но играющие и слушающие профессионалы. Несколько лет тому назад они объединились в Московскую джазовую ассоциацию под руководством Юрия Саульского и за это время провели несколько международных фестивалей в разных городах СНГ, а также несметное количество концертов «Джаз-клуба» в Большом и Белом залах Дома кино. Апогеем нынешнего концертного сезона МДА стал вечер в ЦДРИ, прошедший в атмосфере единодушного восторга и благоговения. Причем благоговели не только от явления на сцене Германа Лукьянова и Алексея Кузнецова, Георгия Гараняна и Алексея Козлова, не только от

высокого, как всегда, класса их игры, но и от необыкновенного душевного, скажем так, куража, с каким они преподносили имениннику свои подарки. В особый же восторг аудиторию привели представители молодых джазистов: квартет «Зеленая волна» под руководством Александра Осейчука, студенты Российской академии музыки им.Гнесиных (класс доцента И.М.Бриля) и еще целый молодежный биг-бэнд, созданный на базе этой самой академии. Ну и, разумеется, абсолютное неистовство зала было вызвано музыкальным дивертисментом, уже ставшим популярным у джазовой публики, а именно: выступлением ансамбля «Игорь Бриль и новое поколение» с участием сыновей-близнецов юбилера. Последний же предстал в этот вечер во всем блеске своего традиционного имиджа, сочетающего два уникальных свойства — талант и интеллигентность.

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

Возвращение из подвала

**«Памятник современному
состоянию»
Москва, 1974 г.,
реж. В.Сидур**

«Памятник современному состоянию» — одна из скульптур, созданных в 60-е, — установлен в городе Констанц (Германия). Стоящая вертикально, напоминающая женскую фигуру форма пересекается с другой формой, в которой угадывается мужская фигура, держащая на вытянутых руках собственную голову. В фильме, впервые показанном в музее Вадима Сидура к его 70-летию,

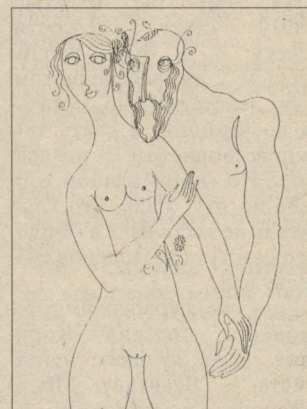

Рисунок из цикла В.Сидура
«Мужчина и женщина»

Сцена
из спектакля
«Клоуны»

это черепок кукольной головки, слабо скрепленный с целлюлоидным телом.

*Мертвые куклы
Выброшенные на помойки
Расплющенные
Растерзанные
Расчлененные
С выколотыми глазами
Распоротыми животами
Снова убитые
Дети Европы*

(В.Сидур)

Именно отсутствие жизни делает в фильме связь скульптора с куклой-девочкой — любимой, напряженной, трогательной и — увечной. Вот он моет ее опустошенную башку под такой же беззащитной струйкой подвальной воды, зовет девочку радости в дом печали. Вспоминается Свидригайлов, отыскавший за шкафом маленькую девочку и ублажавший ее, перед тем как застрелиться... Вот и герой фильма прячет куклу за пазуху — пятнадцатый рисунок к циклу «Мужчина и женщина». Камера неотступно следит за приближением к смерти, а натывается на мягкую лунку пупка, влагу языка под губами, шрам на теле ожившей куклы-возлюбленной — заштопанный срез ее напряженно-внутренней сути. Граница меж яблоками ягодиц, на которых ни капли пота, ни вдоха, ни ответа. Война на минуту спустилась в подвал, разожгла будничную грудь золотыми орденами — сгустками времени, от которого не отречешься. Современное состояние — мутант противогАЗа — маска, за которую прячешься, чтобы враспи в скорлупу подвала, стать его внутренней сущностью. Объятый подвалом, герой по-собачьи третса о колени жены так недопустимо долго: прежняя кукла — Мадонна в противогАЗе — не стоит земной светящейся улыбки Вечной Жены. Где-то между

Мадонной и Женою — художник, который идет на кладбище, к родительским могилам, с собственной гробовой доской, ибо смерть для него — последний творческий акт, вписанный в памятник современному состоянию. Фильм не подвластен озвучанию, он начинается и кончается немотой. Звучание — подражаемо, молчание всегда уникально. Фильм-землетрясение. Скрытый подземный крик, рассекающий насилие обыденности. Немой рот, обесиленный вынудтой челюстью.

Елена КЛИМЕНКО

Спасите наши души

**«Позорная звезда»
Диск группы
«Агата Кристи»**

Оттолкнувшись от традиций свердловского рока — «Наутилуса Помпилиуса» в частности, — группа пришла к редкому (для сегодняшней рок-культуры) самобытному стилю. Красотой мелодий и драматизмом их песни порой приводят в мистический трепет, хотя всегда их сопровождает циничная, а порой и жестокая ирония. Седьмой по счету, но третий из тех, что выходили на диски, новый альбом, конечно, не дотягивает до классического «Коварства и любви», но делает мощный рывок по сравнению с предыдущим «Декадансом». Возможно, это лучший альбом прошлого года. Главное его достоинство — цельность: единая тема, апофеоз и финал. Второе — тема войны, которую «Агата Кристи» поверяет любовью. «По лесам бродят санитары, они нас будут подбирать, эй, сестра, влезь ко мне на нары и будем воевать»... Эта любовь не только тяга к женщине, но состояние души человека, разрушаемой хаосом. Правда, душа об этом не знает и взыскует обычной любви, но этот путь ведет ее не к гармонии, а к новым трагедиям. «До свиданья, малыш, я упал, а ты летишь, ну и ладно, улетай в рай» — уж не к купидону ли обращается проигравший сражение с войной герой финальной песни диска? Его душа не готова ни к войне, ни к миру. Как, впрочем, и наши души.

Александр ШПАГИН

Не миную самого себя

**Персональная выставка
фотохудожника
Вилли Мельникова
ВДНХ, павильон № 36**

Автор, известный в узком кругу авангардной тусовки, выбрал для первой своей персональной выставки довольно специфическое пространство. Дорога от метро ведет через славный молодой лесок, мимо речушки, затем,

— из работы в работу переходящие мотивы: ряды, просветы, отражения (чаще всего — просто в луже, иногда — в окне и никогда — в зеркале — своего рода отказ от постмодерна, от культурной подпитки). Отсюда же — упорная апелляция к небу, на фоне которого разворачиваются сюжеты большинства работ. Мельников, вообще говоря, авангардист. Основной его жанр — «фотостихограф» (фотография с внедренными в нее текстовыми элементами).

Фотостихограф В.Мельникова

миную очередной шедевр сталинского ампира, выворачивает к бетонно-стеклянной громаде, где при входе любителей искусства встречается пара симпатичных мотокультиваторов и полезная информация о мощности новой установки для убоя домашней птицы. Так задается доминанта экспозиции: контраст. Как будто появление в одном кадре ветки — и стены, храма — и бетонной коробки не сулит ничего нового, но, как в любом серьезном фотоискусстве, все дело в ракурсе: не просто рядом, констатацией, противоположением, — а под-над-в-сквозь сложную вязь взаимоотношений, выстраивающихся в общую картину сосуществования. Мельникова явно занимает идея единства мира, его сквозной связанности. Отсюда

Тем любопытнее (быть может, и с точки зрения каких-то новых тенденций в сегодняшнем искусстве), что на сей раз он выставил исключительно бесхитростные работы, без какого-либо монтажа, в которых помощниками художника стали фотоаппарат ФЭД-2 и увеличитель — оба ровесники 32-летнего автора. Ключ здесь — название одной из работ: «Миную самого себя». Именно этому — на фоне всеобщих достижений народного хозяйства и элитарного искусства в сфере убоя домашней птицы — хочет противостоять Мельников.

Игар ТАССОВ

Дневник У.

Не верьте пехоте, когда она бравые песни поет

Есть в Москве мало кому известный музей боевой славы. Там хранятся реликвии многолетней партизанской войны, о которой не везде и слыхивали — война была тайная, засекреченная солдатами ее невидимого фронта.

Алексей ДИДУРОВ

Фронт расстилался, тем не менее, по всей Руси великой, делился на региональные армии, те — на еще более мелкие и компактные соединения, каждое из которых имело свой нарукавный знак, базы, пароли-речевки, многие — униформу, штандарт или знамя. В упомянутом музее все это можно увидеть и изучить вместе с громадным фотоархивом, видео- и звукозаписями памятных событий, отшумевших на том сокровенном фронте во времена, сугубо мирные с виду. Но достаточно взглянуть в лица героев и ветеранов той Тридцатилетней войны — и сразу проникаешься героическим пафосом, которым овеяны их имена и деяния, их позы и лица на портретах, их манера держать лихо-небрежно свое оружие наперевес под грудью.

Оружие было шести- или семирядным. Называлось гитара. Армия называлась — КСП. Клуб Самодетельной Песни.

На вопрос: «Как я отношусь к КСП?» — могу ответить: «Я к КСП не отношусь». Но сталкиваться пришлось. Первым моим журналистским заданием в «Комсомольской правде» в 1965 году было написать репортаж с первого всесоюзного конкурса самодетельной песни в ДК МГУ на Ленгорах (там я увидел и услышал классиков — Анчарова, Берковского, Кима, других). Через десять с небольшим лет я написал статью о том, что нужно легализовать КСП, — она была прочитана в верхах и цели своей достигла. А еще через десять с лишним годков с песнями на мои стихи Сергей Кана-

шенко и Сандро Эристави прошли все туры до первой премии и лауреатского концерта на ЦТ — финала последнего всесоюзного конкурса самопесни.

Вот так — от первого конкурса до последнего я «работал» на КСП-империю. От ее рассвета до ее заката. И немало ее подданных и солдат — от рядовых до маршалов — знал и знаю.

Как все долгое и большое — империи, войны, церковь, началось это все с маленьких, уютных между-собойчиков, со стихийной кружковщины, с невинных тайных вечеров вокруг хлебов надломленных и вина.

Начало — это 50-е. Коммунальная нора, за столом — позавчерашние фронтовики и их подростная смена, на столе — раки из ближайшего «Гастронома». А из радиоточки поют Нечаев и Бунчиков: «Далеко-далеко, где кочуют туманы...». Компашка вокруг гитары резко контрастна радиодуэту: песни и пение собравшихся доверительны и интимны в противовес сталинизму, утилизовавшему всех под именем «винтиков» и прославлявшему их устами госкультуры только как некую обезличенную массу: взвод, рота, полк, фронт, застава, колхоз, завод, цех, класс, курс, «девушки», «ребята». А эти поют — каж-

ВАДИМ КАНТОР

дый о себе самом. И, значит, в их окна смотрит новая эпоха. И в одном окне поющего зовут Булат Окуджава, в другом — Александр Галич, в третьем — Михаил Анчаров. А там, чуть позже, — Солянов, Матвеева, Высоцкий, Ким, Клячкин, Городницкий, Визбор, Кукин...

Уже в первое десятилетие жанра была заложена его философия и определен ее гуманистический вектор: от одной живой души — к другой такой же. Так состоялись рождение и взлет авторской песни — русской разновидности шансона, отличающейся от него тем же, чем разнятся «их» рулетка и русская рулетка.

А ныне те многие, кто причастен к авторской песне и в той или иной степени к движению КСП, сокрушаются, вторя друг другу, о кризисе этого жанра. Мы с ужасом говорим об экологической катастрофе, постепенно, но с ускорением лишаящей нас среды обитания. Но исчезновение или кризис духовного явления — знак беды не меньшей.

Легко поняв в 50—60-е, что они в партгосударстве не ко двору и на годы уйдя «за туманом и за запахом тайги», рыцари самопесни вызывали у власти неприятное ощущение потери голов в стаде. В 70-х система легализовала КСП. Легализация же (которой и я пером споспешествовал) означала в СССР только одно — огосударствление. ЦК ВЛКСМ мидасовым прикосновением возвел самопесню в ранг «объекта молодежной политики», в результате чего у казспешников появились автобусы и прожектора, армейские палатки и мощная звукоаппаратура, время в эфирах — радио- и телевизионном. И

как следствие того — раскрут, и как следствие сего — тираж, и как следствие его — массовость, и как следствие ее — номенклатура, а там иерархия, к ней — кормушка, а значит, канонизация, после чего (всего) плагиат — сиречь вырождение.

Этот КСП-контингент уже имел стандартизированный вид: юношеское личико троечника или девичье хорошистское, тельняшка до колен (иногда поверх засаленная штормовка), от колен — джинсовые рукотворные дыры с бахромой и кеды.

На первом слете, на который я попал, меня поразили три вещи: во-первых, что поют, в основном, чужое

ИГОРЬ СТОМАХИН

(зичный хор навстречу каждому выходящему к микрофону: «Давай Высоцкого!»), во-вторых, количество пьяных, в-третьих, количество плагиативных подделок. Аукался в этом некий фетишизм дикарей: надеть доспехи героя, взять его оружие (в данном случае — струнное), и вот уж вроде сила и доблесть их владельца переходят из них в нового хозяина. Держишь гитару, как Галич, поешь про туман, как Визбор, витийствуешь у микрофона, как Высоцкий, упоаешь на «надежду», как Окуджава, да еще вдобавок хохотнул а-ля Ким — и как будто с ними вровень встал. Дешево и сердито.

Дешево потому, что успех корифеев и отцов самопесни дорого оплачен: того ГБ за горло взяв, до гроба не отпускало, этого в ЦК таскали на «разговоры по душам», а этого заставили имя сменить — ну и так далее. Такую цену охотников платить немного. Высоцкий, когда его причисляли к

КСП, приходил в бешенство публично и даже придумал сепаративный термин «авторская песня». Окуджава долгие годы шархался от приглашений на слеты КСП, объясняя тем, что они пугают его слишком прямыми аналогиями и ассоциативным рядом — построения, парады, речевки, рапорты перед строем, факельные шествия, униформа и нашивки, хоровое пение и раскачивание, взявшись за руки...

Неудивительна и закономерна потеря большинства волонтеров и рыцарей «КСП-жанра» именно в тот момент, когда «жанр» перестал сначала быть табуированным, а потом и вообще лишился необходимости скрываться в лесах и присмотра цензуры. Трагедия вырождения КСП-эстетики из-за канонизации и герметизации напоминает последствия запрета на смешанные браки среди монарших домов Европы — с той лишь разницей, что у наследников

трона все жиге становится кровь, а в песнях нынешних казспешников — вода и сопля. Однако при пустеющих стогнах некогда многолюдной империи КСП ее фасад хорошеет год от года. Словно догадываясь о своем более ностальгическом ныне, нежели каком ином, значении, КСП торопится стать сегодня индустрией: выпускает компакт-кассеты и пластинки с обоймами канонизированных песен канонизированной обоймы своих звезд, издает огромными тиражами их же тексты и ноты отдельными томками в серии «На книжную полку КСП». Возможности растут по мере падения потребности в них.

Но приток в КСП все же продолжается, превратившись, правда, из реки в узкий ручеек соискателей среды (подалеже от папы, мамы, преподавателей и милиции, хотя от последней никуда не денешься) и — славы. По-прежнему — славы. Творчество для юных россиян, как для их сверстников в Латинской Америке — футбол: возможность «выбиться в люди». Тем более что СМИ доводят до сведения нового поколения, куда может катапультировать КСП-жанр своих выдвиненцев и авторитетов — кто-то из них нынче замминистра, кто-то процветающий бизнесмен, кое-кто дотянул по уровню раскрученности до звезд эстрады. Последнее особенно печально. У этого некогда революционно-опального вида искусства появилась, подтверждая вырождение, своя попка: к примеру, «Иваси» (Ивашенко и Васильев) или Дольский. Целлулоидные страсти и инструментальная натасканность привели их на платные подмостки госкультуфициоза. А на другом полюсе КСП — бессмертная трехаккордовая песня больших розовоухих куч в штормовках. Империя дряхлеет и гибнет. Ей ничто уже не поможет: есть стадии болезни, когда лучше уже не оперировать — большой дольше протянет.

...Безлюден музей КСП в квартире его бывшего московского директора Миши Баранова. Сам его основатель и хранитель переквалифицировался в печники («новые русские» на своих виллах в Подмоскowie любят, знаете ли, послушать, как поленья в печи пишат и постреливают). А Миша цитирует мне Окуджава сегодняшнего: «...А просто изменилось время, и создать что-нибудь подобное тому, что вызвало к жизни мои прежние стихи, я, конечно, не смогу, я это прекрасно понимаю...»

Книгоиздание в руках профессионалов

В стране с рыночной экономикой можно издавать
«нерыночную» литературу

Из дословного перевода названия «Nederlands Literair Productie- en Vertalingenfonds» («Фонд издания и переводов нидерландской литературы») трудно понять, что это такое. Зато пояснения директора отдела переводов этого Фонда доктора Руди ВЕСТЕР оказались интересным рассказом о проблемах книгоиздания в условиях страны с рыночной экономикой.

— Фонд был создан в 1991 году по инициативе нидерландского Министерства культуры, здравоохранения и благосостояния. А создавался он с одной целью — распространение нидерландской литературы по всему миру. Ведь было бы несправедливо, если бы вклад нидерландских писателей и поэтов в современную мировую культуру оказался незамеченным. Издание серьезной художественной литературы — дело непростое в любой стране, тем более в такой небольшой, как Нидерланды. Так что поддержка государства в этой области имеет огромное значение. И наш Фонд стал как бы посредником при распределении государственных субсидий, направляемых на поддержку литературной деятельности. При этом правительство выделяет деньги, но никак не вмешивается в творческую сферу.

Фонд состоит из двух отделов — издательского и отдела переводов. Издательский отдел участвует в субсидировании изданий, никогда себя не окупающих: полных собраний сочинений, литературно-критических журналов и другой некоммерческой литературы. Главная задача отдела переводов, которым руковожу я, — это помощь в распространении нидерландской литературы за рубежом.

Мы напрямую субсидируем зарубежных издателей, печатающих переводы нидерландской литературы. При этом каждый издатель, конечно, сам выбирает, какой нидерландский

автор и какое произведение будут более интересны для читателей его страны.

Мы очень заинтересованы в том, чтобы перевод с голландского был сделан качественно. Поэтому переводчиков подбираем очень тщательно. Как правило, это представитель того народа, на язык которого делается перевод. Однако переводчик должен очень хорошо понимать и нидерландские реалии. Обычно выбранного переводчика мы приглашаем на полтора—два месяца в Нидерланды. Оказаться в той культурной среде, где создавалось переводимое произведение, почувствовать атмосферу современного живого языка — для переводчика, конечно, очень важно. А нас при этом очень выручает собственный «домик творчества» здесь, в Амстердаме, в котором наши переводчики могут спокойно жить и работать. Во время пребывания в Нидерландах Фонд выплачивает им стипендии в размере 2000 гульденов в месяц.

— Какими критериями руководствуется Фонд, принимая решение о субсидировании издания того или иного литературного произведения за границей?

— Во-первых, дело в нашем профессионализме. И, конечно, своим зарубежным партнерам мы предлагаем издавать, прежде всего, тех нидерландских авторов, которые уже получили признание у своих соотечественников.

Во-вторых, мы учитываем результаты многочисленных литературных конкурсов, которые регулярно проводятся в Нидерландах. Самые авторитетные из них — это «Libris» (с призовым фондом в сто тысяч гульденов), который можно сравнить с конкурсом на Букеровскую премию, и конкурс «АКО», на котором определяется лучший бестселлер года. Нельзя не упомянуть и конкурс на премию Питера Корнелиса Хофта,

Руди Вестер

классика нидерландской литературы XVII века. Популярен конкурс на лучшее произведение детской литературы, который, кстати, имеет очень большую финансовую поддержку государства. Наши соотрудники — частые гости на многих литературных конкурсах, а мне в апреле даже удалось побывать на номинации претендентов на Букеровскую премию в Москве.

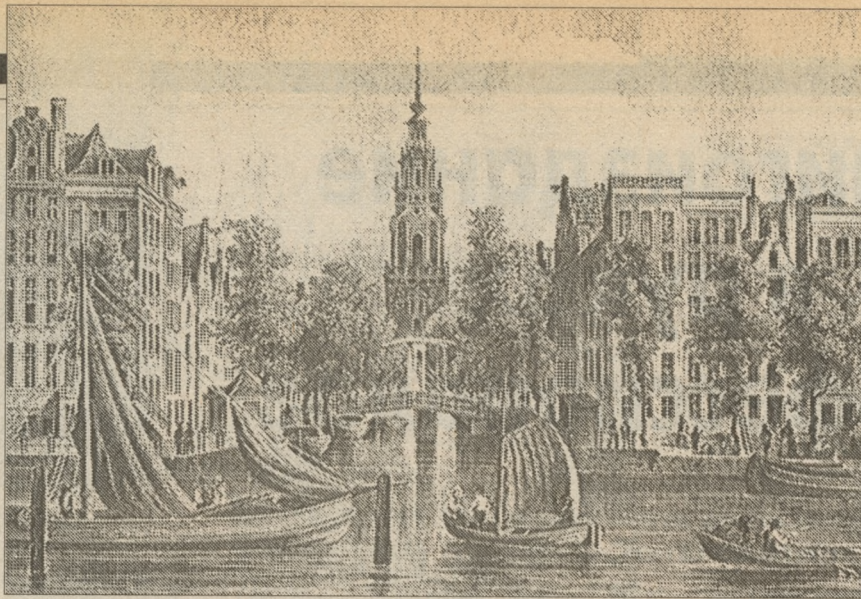
И в-третьих, мы учитываем результаты Международных книжных ярмарок. Конечно, бывала я и на Московской книжной ярмарке, на которой меня очень неприятно удивила необыкновенно высокая плата, запрошенная за западных участников за установку книжного стенда. Тем более что и само пребывание в Москве по дороговизне несравнимо с пребыванием в большинстве других европейских столиц. Кроме того, я заметила, что продукция российских издательств процентов на 80 оказалась переводной — американизированной. Русская литература такого отношения явно не заслужила. Так что создание такого Фонда, как наш, в России было бы очень полезно.

— Творчеству каких современных нидерландских литераторов вы отдаете предпочтение как читательница?

— Мне нравятся книги о второй мировой войне Харри Мюлиша; кстати, недавно в России был переведен его роман «Покушение». К поколению Мюлиша относится и В.Ф.Хэрманс, но его произведения большей частью посвящены современности. Еще очень люблю исторические новеллы Хэллы Хаассе и рассказы о путешествиях Сэйса Ноотебоома.

А читателям «Столицы» я бы предложила познакомиться с рассказами Симона Кармихелта.

Дмитрий КУНИН, Сергей ПАНОВ
Амстердам

Симон КАРМИХХЕЛТ

Милые мои

После третьей стало немножко легче. Руки перестали трястись, и ее больше не подташнивало. Она почувствовала радостный прилив бодрости, так бывало всегда в самом начале, ей даже захотелось выбраться из-под одеяла, одеться и пройтись немного. Нет, нет — только не на улицу. Она уже кое-чему научилась. Запас на кухне она сделала себе приличный, так что с какой стати из дома-то выходить? Нет, тут лучше. Вечером можно будет у телевизора посидеть. Прямо в ночной рубашке. Замечательно! Чего еще желать, если все идет путем? Она посмотрела на свет бутылку можжевельники, там оставалось еще немного на доньшке. Так, сейчас сходим на кухню за новой. Она допила остаток и спустила ноги на пол. Опять мутит. Надо осторожно прокашляться, и все пройдет. Маленький коридорчик соединял спальню с гостиной. Тут горели все лампы, а за окнами светило яркое утреннее солнце. Забыла выключить свет сегодня ночью. Опрокинутый журнальный столик, а рядом валялись осколки ее любимой статуэтки — девушка на камне — Хэнк подарил, когда они проводили свой медовый месяц в Копенгагене. Ах да, она ведь сегодня ночью упала. Вот откуда этот синяк на ноге. В последнее время она частенько стала падать. Надо бы поосторожнее. Она погасила свет, поставила на место столик и взглянула на разбросанные осколки статуэтки. Ах, какая жалость! На глаза навернулись слезы, но она тут же взяла себя в руки. Хэнк говорил раньше, что это «слезы из бутылки». Она поспешила на кухню за непочтой бутылкой и устроилась с ней в кровати.

После шестой рюмки она почувствовала себя на вершине блаженства и принялась распевать немецкие песенки из тех, что были в моде во времена ее юности, и тут неожиданно раздался звонок. Он стрелой вонзился в грудь и заставил бешено заколотиться сердце.

— Не хочу никого видеть, — сказала она сама себе.

Позвонили еще раз. И еще. И еще. Она встала, осторожно, боясь упасть, приблизилась к окну, чуть приподняла створку и выглянула наружу.

— Это мы, мама!

Сын с невесткой. На машине приехали.

— Ах, милые вы мои!

Она проворно накинула халат и, прежде чем открыть дверь, отнесла бутылку с рюмкой на кухню.

— Мальчик ты мой! — она поцеловала сына. — Вот ра-

дость какая! А я, знаешь, еще не вставала...

— Надеюсь, не заболела?

— Да нет. А что? В общем — да, есть немножко. Простыла, думаю. Но это пройдет. Давайте, проходите, милые вы мои. Вот как хорошо!

Опять эти слезы, но надо держаться. Нечего раскисать. В гостиной он сразу заметил осколки той самой статуэтки.

— Ну вот, этого еще не хватало.

— Да знаешь, она у меня как-то из рук выскользнула прямо перед вашим приходом. Глупо получилось. Я тут как раз решила немного прибраться...

— А я понял, что ты еще спала, — сухоотреагировал он.

Нечего им тут делать, подумала она. Пусть убираются на все четыре стороны. Если я сейчас вот не приму глоточек, у меня опять будут трястись руки, а он уставится на них своими наглыми глазами. Я этого не перенесу.

— Пойду-ка приготовлю вам кофе, — бодрилась она. — Не беспокойтесь, у меня растворимый. Я скоро. А вы пока садитесь, располагайтесь, милые мои.

Она повернулась и нетвердым шагом отправилась на кухню. (А что это я все говорю «милые мои»?) Она торопливо налила большой стакан можжевельники и сделала жадный глоток. Напряжение как рукой сняло. Теперь ей до них никакого дела нет. Вот так-то. Сейчас она попьет с ними кофе, поболтает. Они наверняка ничего не заметили. Теперь кофе. Себе она, на всякий случай, нальет полчашки из бутылочки. Она удовлетворенно улыбнулась. Чего еще желать, если все идет путем?

— Далеко это у нее зашло, — сказала невестка. Они сидели в гостиной.

— Со смерти отца, считай, каждый день, — ответил ее муж.

— Надо что-то делать.

— А что тут сделаешь? Ты же знаешь. Давай после кофе сразу уйдем. Мы ей в тягость.

Он закурил сигарету, и в эту же минуту открылась дверь. Она стояла и лукаво улыбалась. В руках она держала поднос, на котором не было ничего, кроме того самого стакана, опорожненного наполовину. Ее голос, немного хриловатый, звучал торжественно:

— Милые мои, а вот и кофе.

(Сборник «Старики», 1981)

Мама

Мужчина не успел еще добраться и до середины лестницы, как услышал голос старой женщины: — Что же ты опаздываешь?

Он не ответил сразу и, когда поравнялся с нею, расцеловал ее в обе щеки.

— Привет, мама, — он посмотрел на часы, — сейчас десять минут третьего.

— Так ты же по телефону сказал, что в два будешь, а тебя все нет, а мне в голову всякое лезет.

Она придирчиво осмотрела сына.

— А что без шарфа? Кто в такую погоду выходит на улицу без шарфа? Ну совсем как ребенок. И перчатки не надел. Я же тебе хорошие связала на Синтерклаас*.

— Ну, они немножко порвались, — уклончиво ответил он.

Вот знакомая комната, все здесь как и прежде.

— Мне очень жаль, что не смог прийти на твой день рождения, — он опустился в кожаное кресло возле окна, отец любил уединяться здесь со своей неизменной кипой газет. — Никак не получилось. Ты же знаешь, как оно сейчас с подчиненными. Чуть недосмотришь — и все кувирком полетит. А цветы-то мои получила?

— Конечно. Иди сюда.

Он поднялся с кресла и пошел следом за ней. На кухне она открыла балконную дверь.

— Цветы? Извольте. — Она повела рукой так, как это обычно делают иллюзионисты.

Его взору предстали жалкие останки того, что когда-то могло быть пышным букетом роз.

— Я нарочно их сохранила, чтобы тебе показать, — продолжила она, — но когда их принесли, они были, конечно, не такие, как сейчас. Ну, скажем, не совсем такие. Ты ведь их по телефону заказывал, да? Это вообще —

выброшенные деньги. Кота в мешке купил. Я сразу позвонила им, говорю, мол, что это за веник вы мне привезли? Прикатил от них один на велосипеде, болтун — поискать таких. Розы, говорит, в эту пору всегда такие. Это он мне-то рассказывает, да знаю я их.

Они вернулись в гостиную. Мужчина снова погрузился в кресло. Он вяло скользил взглядом по комнате. Ему вдруг представился тот человек из цветочного магазина, как он жмет на педали своего велосипеда, борясь со встречным ветром, и он усмехнулся при этом даже с некоторым злорадством.

— А что это ты так коротко постригся? — поинтересовалась мать. — Вот, смотри, аж глаза навывкате стали. Такой мальчик был хорошенький.

— Да ладно, мам, мне ж — сорок девять, — ответил он.

— Ну и что?

— А то, что я уже не мальчик, — он чуть повысил голос. Она пожала плечами.

— Нет, ты какой-то весь неухоженный, — подвела она свой итог, — и пуговицы, смотрю, нет. Вон, на левом рукаве. Жена-то что, не смотрит за тобой?

— Да оторвалась только что.

Она достала коробку с нитками и пристроилась напротив, разложив на коленях его пиджак.

— И рубашка у тебя заношена, — продолжила она.

— Почему, я каждый день свежую надеваю, — соврал он.

— Ну эту ты, поди, неделю не менял.

Час спустя она провожала его на лестнице.

— Пока, мама, — он поцеловал ее на прощание опять в обе щеки.

Она не стала напоминать ему, чтобы он аккуратнее переходил улицу, но, стоя у окна, еще долго махала ему вслед, как раньше, когда ее мальчик с ранцем за спиной шел в школу.

* Синтерклаас — день св. Николая, национальный детский праздник, который отмечают 6 декабря.

(Сборник «Мы живы пока», 1970)

Неплохо

Около пяти часов господину Коэну на работу позвонила жена.

— Я сейчас в городе, — голос ее звучал празднично, — мне пришла в голову мысль, а что если нам сегодня поужинать в каком-нибудь ресторанчике.

— А какая причина? — удивился он. Вообще-то он предпочитал домашнюю кухню, да и она, впрочем, тоже.

— Я подумала, что неплохо было бы для разнообразия.

Он пожал плечами. Видеть его она, разумеется, не могла, но отчетливо разобрала, как он произнес «ну, ладно». Они договорились, куда ему надо будет подойти. В семь часов он уже шел по нарядным предпраздничным улицам к месту встречи — небольшого роста, опрятно одетый седой мужчина лет шестидесяти. Его жена сидела за столиком у окна с сигаретой в серебряном мундштуке, перед ней стоял бокал шерри.

— Вы только посмотрите — Мата Хари.

По правде сказать, редко кто видел, чтобы она курила или выпивала.

— А ведь неплохо тут, — улыбнулась она в ответ. На ней было ее лучшее платье, сколотое бриллиантовой брошью.

— Что за праздник у нас сегодня? — спросил он как-то неуверенно. — Годовщина свадьбы или что-то в этом роде?

Как правило, он забывал такие даты.

— Да нет, просто так. Что мы сидим все время дома. Вот я и подумала, надо бы...

Он пожал плечами и раскрыл меню. Народу в кафе было немного, и заказ принесли быстро. Однако мясо никак не жевалось, картофель показался ему непрожаренным и каким-то мылистым, а зеленый горошек — вдвое толще, чем он привык дома.

— Нравится? — поинтересовалась жена. Она ела с расстановкой, и улыбка на ее лице выдавала человека, который, несмотря ни на что, решил сегодня развеяться. Он не ответил. Когда наконец ужин закончился и официант получил по счету, он произнес: «Ну что ж, пора домой».

— Знаешь, — она взглянула на свои часы, — я была бы не прочь выпить еще рюмочку ликера вон в том кафе.

Он был ошеломлен: как и он сам, его жена на дух не переносила эти выпендренные заведения с музыкой, куда разодетые посетители приходят поглазеть друг на друга.

— Там, говорят, очень неплохой оркестр. Игоря Ше-

вальского, — робко предложила она.

— Во-во, Игорь Шевальский, — съехидничал он, — Мойше Лошадевич, вот кто это.

— Ну, может, зайдем все-таки... — просила она.

Вскоре они сидели за столиком.

Оркестр распозался сладеньким сиропом, официант, похоже, только недавно освободился, но жить по эту сторону тюремных ворот определенно не было его стихией, а батареи были чуть теплые.

— Подумать только, брать четыре гульдена за комариновую порцию ликера, — бушевал господин Коэн, — да как у них только язык поворачивается? Здешний хозяин не иначе как человеколюбец.

— Ладно тебе, все равно неплохо, — не сдавалась она.

Он опять ничего не сказал и продолжал сидеть, мрачно вперив глаза в одну точку. Дождавшись, когда она спривится со своим ликером, он встал:

— Все, пошли. Я хочу еще почитать газеты.

Она снова взглянула на часы.

— Ты знаешь, а что если...

Но он уже решительным шагом шел к гардеробу. На площади она кивнула в сторону ярко освещенных дверей:

— Слушай, Бэн, мне рассказывали, что там тоже очень неплохо. Может...

— Нет.

— Всего на полчаса.

— Ну и иди сама, — выкрикнул он, — а я домой пошел.

Не сделав и двух шагов, он услышал за спиной:

— Бэн...

Он обернулся. Ее голос звучал едва слышно:

— Сегодня по телевизору идет «Оккупация». Про концлагеря. Я очень боялась за тебя, понимаешь? Через полчаса уже кончится. Давай переждем здесь...

От открыл дверь и пропустил ее вперед. В кафе они оказались единственными посетителями, даже официанта не было видно. Они сели рядом, двое незаметных, навсегда неразлучных старика. Он поднял на нее глаза и улыбнулся:

— А что, неплохо.

(Сборник «Позднее будет слишком поздно», 1979)

Крючок

Большой и неповоротливый иностранный автобус, заполненный туристами, заклинило на Лейдсе-страат между тротуаром и вагоном нашего амстердамского разукрашенного трамвая. Все движение разом замерло. Случилось так, что как раз в это время я оказался на острове безопасности возле тоже застрявшего в пробке свадебного кортежа. Лошади, кареты — все под старину. Надо было видеть. Невеста, особа в рубенсовском стиле, вся в белом и под фатой, гордо восседала рядом со своим избранником — щуплым юношей в не по размеру просторном фраке. По неуверенной улыбке, скользившей по его лицу, можно было заключить, что чувствует себя он в этой роли не совсем комфортно. Он опустил стекло кареты и то и дело выглядывал наружу — скоро ли пробка рассосется. Но автобус неуклюже дергался то вперед, то назад и напоминал гигантских размеров рыбу, выброшенную волной на берег.

Я уже собрался было переходить на другую сторону, как совсем рядом остановился мотоцикл. Водитель, грузный мужчина лет сорока пяти, опустил ноги на землю и принялся скручивать сигарку накрепчайшего табака. Существо позади него, закутанное в широченную прозрачную пленку, в очках и с шестимесячной завивкой, была его жена. Мужчина курил и хмуро глядел по сторонам, пока в поле его зрения не попала карета с молодыми. Он принялся деловито рассматривать невесту и натолкнулся взглядом на юношу щуплой наружности, отчего тот сразу заерзал на месте.

— Я бы не стал этого делать, — изрек мужчина.

— Что вы говорите, простите? — жених с услужливой улыбкой перегнулся из окошка.

— Не стал бы, говорю, этого делать, — мрачно повторил мотоциклист.

— Харри, брось ты ко всем цепляться, — одернула его жена.

— Слышь, моя заворковала, — мужчина, не оборачиваясь, ткнул большим пальцем через плечо. — Так же вот рядышком сидела. В платьице белом. Ничего прока-тились, только вот лучше бы я тогда дома остался.

Невеста чуть повернула голову:

— Отстань от него, Аат.

— Во, она уже командует, — не унимался мужчина, — и расписаться-то еще не успели.

Молодой человек отвернулся и принялся demonstra-

тивно насвистывать, тем самым желая показать свое прекрасное расположение духа. Однако это не помогло, ибо искуситель на мотокцикле относился как раз к той неистребимой когорте амстердамцев, которые знают, что молчание — золото, но гораздо охотнее предпочитают ему серебро. Все в тех же мрачных тонах рисовал он картины будущего.

— Жизнь теряет свою прелесть. Возьми холостяка — тот много себе может позволить. Но стоит тебе только сказать «да», как, считай, влип. Деньги получил — все до последнего сента ей отдай. Порыбачить с друзьями — забудь. Друзья теперь — побоку. На футбол? Только на стоячие места, да и то если удастся ее уломать.

Невеста перегнулась через своего будущего муженька.

— Слушай, весельчак, а с тобой не соскучишься.

— Было когда-то дело, пока не женился.

— Да заткнись ты, Харри, — не выдержала жена мотоциклиста. И, обращаясь к невесте, как это делают только женщины из желания солидарной поддержки друг друга: — Он у меня такой крючок, ему только дай зацепиться.

— Там вроде бы зашевелилось что-то, — с облегчением произнес жених, — сейчас поедем.

— Вот посмотришь, через месячишко она на телевизор начнет копить, — вещал мужчина, — а внесете эту заразу в дом, так она еще и смотреть заставит. За дверь — ни ногой. Чуть что — куда да зачем? Вот и сиди, как галерник прикованный. Поставят тебе под нос бокал пива на весь вечер — и будь доволен. Кончилась программа — марш в койку.

Автобусу наконец удалось высвободиться, и все вокруг пришло в движение.

— Вылезай, парень, пока не поздно, — уговаривал мужчина, — трудно, понятное дело, зато потом на всю жизнь — кум королю.

Карета тронулась.

С гордо поднятой головой, невеста держалась по-королевски величественно, но юноша рядом с нею выглядел озабоченно. Мужчина врубил мотор. Когда они отъезжали, женщина повернулась ко мне:

— Вот так всегда. Сам-то по себе он хороший мужик. Но цепляется ко всем.

(Сборник «Тонем ниже», 1959)

© Перевод Владимира БЕЛОУСОВА

ЖЕНИТЬБА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Как-то раз бабочка Кузьма решил жениться на иностранке, так легко.

Выбирать долго не приходилось, нашел ход, связи, и ему одну привезли без объяснений, приволокли на тачке и швырнули упакованную в ноги.

И тут любопытство сгубило бабочку Кузьму, он развязал посылку.

На третий день супружеской жизни бабочка Кузьма, однако, обратился к фельдшеру кондору Акопу, который поставил ему диагноз буквально следующий: «д-з вялотекущий вывих челюсти» или «привычный вывих челюсти», как кому больше нравится.

Челюсть у бабочки Кузьмы, реально, висела по третью пугвицу.

С этим диагнозом бабочка Кузьма долго жил у таракана Максимки в гостях, затем (много детей, кухня, помой) он перебрался к леопарду Эдуарду на окно (внешняя сторона) и смотрелся на себя как в зеркало, разинувши пасть в ожидании саморегуляции вывиха.

Ночами бабочка Кузьма бился о стекло окна Эдуарда, якобы просясь внутрь (особенно челюсть дребезжала), однако дальше дело не шло: Кузьма просто развивал грудобрюшные щетинки для поддержки вывиха.

Леопард уже привык и не открывал форточку всякий раз, заслышав барабанный бой бабочки Кузьмы.

Через неделю повеселевший Кузьма пошел к себе на старую квартиру, неся диагноз в ортодантированных челюстях, на сей раз они сошлись.

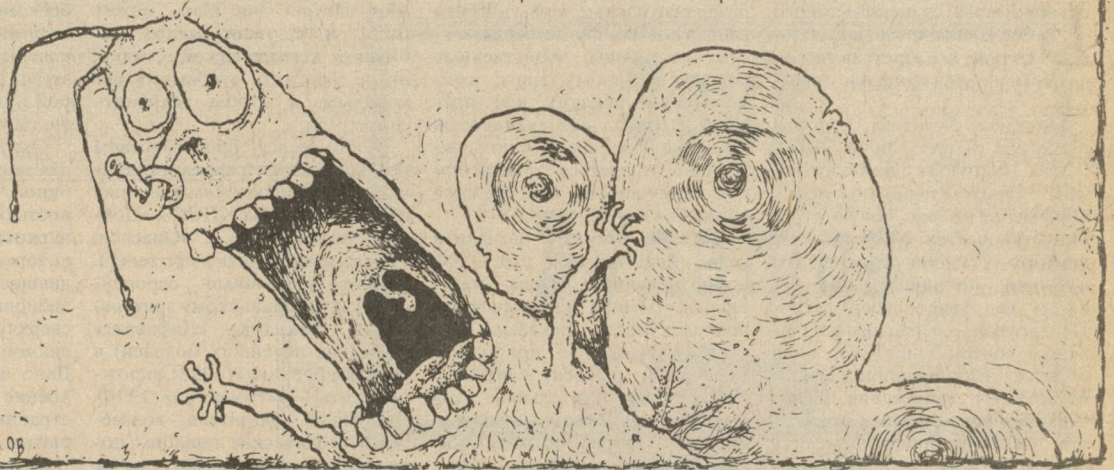
Однако жена встретила его хорошо, компотом, сказала ему тихо «у нас будет бэби» и на ухо «хочется селедки атлантической», а потом «ты меня не бросишь Такую» и в заключение «завтра иду в роддом, принесешь зефир и кефир» и после всего «к нам едет помогать моя мама, вы полюбите друг друга», а на прощание «не хочешь ли ты сказать, что я лишняя в твоей жизни».

Бабочка Кузьма, однако, не поддался на уловки, предъявил диагноз и данные судмедэкспертизы (медведь милиционер мл. лейтенант Володя постарался) и попросил гражданку Кузьму очистить помещение под угрозой передачи дела в суд.

Жена же, мадам Кузьма, быстро схватила со стола приготовленные заранее канистру керосина и спички, как вдруг на огонек зашел мл. лейтенант милиционер Володя, и бабочка Кузьма утром проснулся у себя на квартире один среди саж и благословил привычный вывих челюсти, доставшийся ему еще от топора паука Афанасия: чуть что, челюсть отвисает как посторонняя.

А гр-ка Софья Кузьма, урожденная Сонька Тарантул, по слухам, села на мотор и отъехала на родину.

Иностранки тоже бывают разные.

худ. А. Лукьяничков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Вот человек какой-то мочится
В подъезде дома моего.
Ему, наверно, очень хочется,
Но мне-то, мне-то какво?

Нарушить плавное течение
Его естественной струи
Не позволяют убеждения
Гуманитарные мои.

Пройти спокойно мимо этого
Не в силах я, как патриот...
Что делать, кто бы посоветовал,
Но вновь безмолвствует народ.

С другом мы пошли к путанам,
там сказали:
— От винта! — нам,
— За бумажные рубли
вы бы жен своих могли.

Уронил я в унитаз
Как-то тут наемни
Свой любимый карий глаз
Правый. Предпоследний.
Глянул он прощальным взором
Голубиным оком
Прямо в душу мне с укором,
Уносясь потоком.
И с тех пор все снится мне
Ночью в тишине,
Как он там ресницами
Шевелит на дне.

«PASSIO NUOVA»*

Размышления на выставке Эрика Булатова в Нью-Йорке

Инесса ЛЕВКОВА-ЛАММ

Любителям искусства хорошо известно имя Эрика Булатова, автора картины «Слава КПСС», магически властного символа несвободы. Синее небо в ней упрятано за кумачовую решетку, и, как в других работах Булатова московского периода (1970—1980-е годы), горизонт — безграничная стихия, обрывающаяся последние надежды и ведущая в лабиринты безжизненных сфер. Впрочем, как ни парадоксально, воссоздавая эти «сферы», Булатов освобождался от неподъемного балласта, мешавшего ему пробраться туда, где заветная свобода обеспечивала смирение с судьбой.

Выставка Булатова, которая прошла в галерее Филипс Кайнд (Сохо, Нью-Йорк), всецело связана с опытом перемены места. Открывает ли она новую страницу творчества художника? И да и нет. С одной стороны, его прежний принцип «живу — вижу» не теряет своей остроты, с другой — перед ним открывается совсем иной мир, иные образы, заставляющие искать новые пути выражения. Творческий опыт, большое мастерство и потребность мыслить помогают ему в постижении иных истин. Порой, как чужак, он приходит от увиденного в экстаз. Но, оставаясь персонажем арт-мира, он со вполне домашним инстинктом осторожности находит творческий баланс для выражения того, с чем буквально связан кровным родством.

Куда бы ни попал Эрик Булатов, раскрепощенная страсть толкает его к привычной игре с объектами ландшафта. Как искусственный фокусник, он смекает пространства, масштабы, заставляя их подчиняться его магической воле, цепкому взору, не приемлющему никакой преграды или границы. Попав в Испанию, он, почти что в бреду, за светло-кремовыми фасадами мадридских строений, утопающих в солнечном мареве, различал тени Московского Кремля, черногощего

на фоне кровавого заката («Вид Москвы из Мадрида», 1991). Но чем дальше, тем больше растворялся в воздухе мираж отчего дома, освобождая место для строительства новых видений, к которым тянуло Булатова воображение.

Дитя страны навязанных истин, мифических фантазий, от которых он всегда мечтал освободиться, Булатов на самом деле не может изжить в себе устои родных пенатов. Пусть они скрылись на время или навсегда за горизонтом, но раздражительные нервы мастера реагируют на другие свидетельства несвободы, свойственные только западному миру: коммерческую рекламу или призывы к социальной активности, такие же назойливые и принуждающие отделаться от этой новой навязчивости, как прежняя советская стихия.

Хотелось ли ему на самом деле освободиться от той всепоглощающей силы материального мира или рыночной прагматичности рекламы, застилающей живую природу и мешающей человеку слиться с ней без принудительных указаний современной цивилизации? В Булатове, похоже, уживаются антиподы. Один — вольный художник, увлеченный бесконечным путешествием. Другой — человек связанного мира, обязательств, обета верности коллективному сознанию или братству равных.

Пребывая на пересечении этих старых и привычных координат, то есть в той сфере ценностей, которая одним кажется конформизмом, а другим — проявлением свободы, он ищет свое выражение *passio nuova* — добродетельного стремления к честности и правдивости. По существу, двойственный мир Булатова строится на соприкосновении природы и артефакта и их единоростве в наш постиндустриальный век. Образ его парадоксального пространства напоминает сюрреалистические выверты Магритта, которые, кстати, позже властно вжились в мир рекламы, но то, что для Магритта было «здоровым смыслом», для Булатова стало

вывертом. Уничтожая границы между картиной и реальностью, великий сюрреалист смеялся над добродетелью правдивости, оставляя эту страсть для инфантильных провинциалов. Булатов следует нищенской заповеди — «останься чист». Сакральный мир природы для него, может быть, и уступает место амбициям коммерческой стихии, но не для того, чтобы ему покориться, а чтобы сохранить самое себя.

Место между пространством реальной жизни и картин, в отличие от прошлых символических надписей: «Слава КПСС», «Дорожно пожаловать», «Опасно», «Вход», «Входа нет» и пр., теперь заняли привычные европейскому и американскому зрителю знаки: реклама «Лафайетт» (магазина новейших моделей) в работе «Франция» (1993), дорожные щиты — в «Норвегии» (1994). Дорожный указатель вонзается в хаотические циклоны полярных сумерек, не нарушая их аморфной массы, но противостоя им своей определенностью путеводителя в мире неукротимой стихии. А во «Франции» реклама, как демон ясности и заданной однозначности, загорается пламенем экстаза на фоне укрошенной природы версальских далей, превращая их в камерную театральную декорацию.

В картине «Дорога» (1994) он снова возвращается к своей давней теме «туннеля» («Черный туннель», 1964, и «Белый туннель», 1965), где встречный свет, подобно мистическому видению, стремительно несется, выскакивая за рамки картины, и под стихийным напором как бы разрушает пространство пополам. Возникает ощущение, что иллюзорное пространство сливается с реальным. Но парадокс заключается в том, что у этой ничем/ником не нарушенной жизни — пустынной, туманной — есть свои таинственные зако-

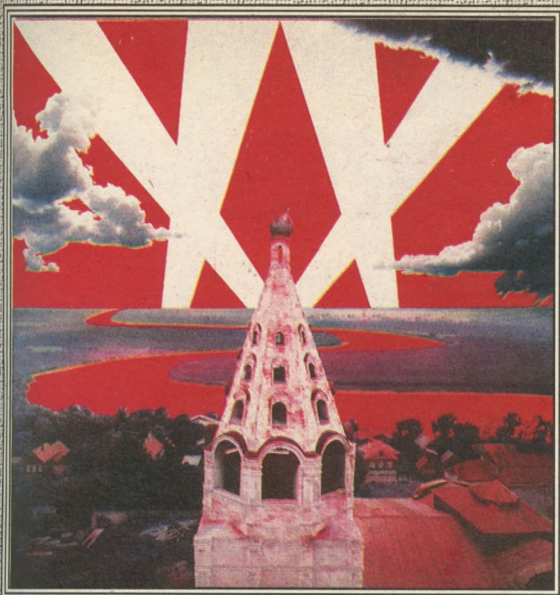
ны, оставляющие ее недоступной для посторонних преобразований. Кажется, что здесь, где природа не хочет жертвовать своей естественной непримиримостью, и любая социальная активность упирается в ее холодную несговорчивость, в ее наивысшее целомудрие. В этой бескомпромиссности, между метафизической отрешенностью и физическими страстями, образуется пограничная зона, в которой Булатов, по всей вероятности, ощущает подлинную жизнь.

Окружающий мир является для него одновременно «и чужбиной, и отчизной». Он с жадностью ищет в нем комфорт, наркотическое спокойствие, которое обретает, освободившись от блужданий в его лабиринтах — сложных связях сверхчувственного бытия и сиюминутного откровения. Дано ли ему обрести это успокоение или он, как вечный странник, обречен на неоткрытые тайны и огорчения? Чувственное исцеление Булатов, несомненно, находит в придуманном им мире картины. Здесь не имеет значения, что материалом для его иллюзий является реальное место, фрагмент, зафиксированный оптическим глазом фотоаппарата (к примеру, работа «Наташа в Нью-Йорке», 1993).

Водопад видений — картин «Дорога» (1994), «Специально для женщин» (1993) помогает Булатову-страннику обрести «климат своей души» и заветную свободу-привязанность, ради которой он отправляется в рискованный вояж — подальше от глубин бездны. Однако, вырываясь из нее, он не отпускает нить Ариадны, чтобы в новой страсти не забрести в другую западню.

Нью-Йорк

*Новая страсть.

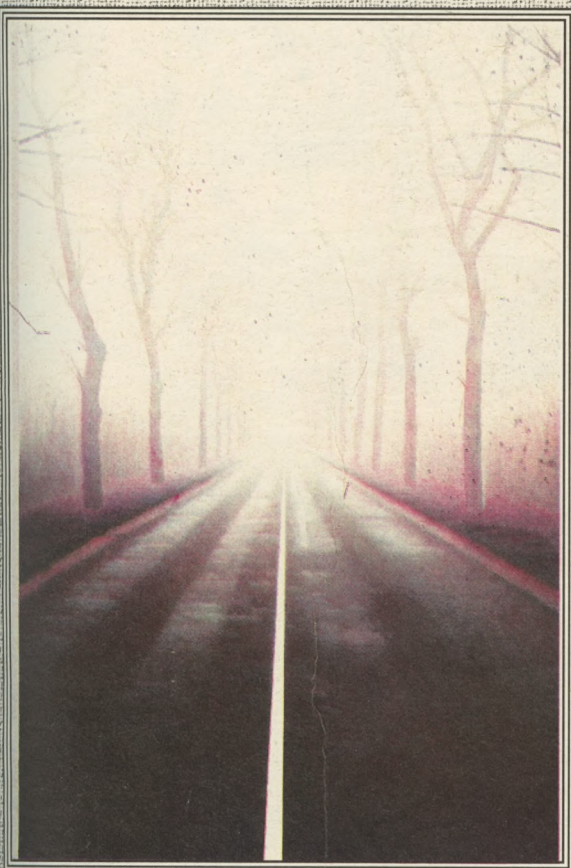
XX век
1991

T – shirt
1993

АРТ САЛОН

Дорога
1994

Франция
1994

мен. книга = 12

индекс 73746

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.

Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.

Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК